

Анатолий Морозов

Записки
провинциального
гитариста

В хронологической последовательности
от первого лица

Анатолий Морозов
Записки провинциального
гитариста. В хронологической
последовательности
от первого лица

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70275052
SelfPub; 2024*

Аннотация

Путь музыканта, гитариста от эпохи самодеятельных ВИА до современной клубной сцены Нижнего Новгорода, Арзамаса и не только. Блюзовые и джазовые фестивали в Нижнем, Москве, Санкт-Петербурге, Германии, Польше. Взгляд изнутри на неформальную музыкальную жизнь российской провинции за почти пятидесятилетний период от середины 70-х до современности. Освещение некоторых аспектов техники блюз-рокового гитариста и других сторон исполнительства. История группы J.A.M. Blues Rock Band. Адресовано и тем, кто начинает, и тем, кто продолжает, и тем, кто закончил, чтобы не забывать. И тем, кто в столицах, и тем, кто в губерниях и в уездах. Звёздам столичных и районных масштабов. Говорят, кристаллы оседают в перенасыщенном растворе. Тем, кто варился и варится в этом котле реальной, рукотворной музыки. И тем, кто просто проходил

мимо и заглянул посмотреть на часть чьей-то жизни, как на часть общей истории. На обложке фото автора.

Содержание

1965 – 1976	6
1976 – 1978	21
1978 – 1986	28
1986 – 1988	49
1988 – 1991	58
1991 – 1995	73
1995 – 1996	81
1997	88
1998 – 2000	100
2000 – 2001	112
2001 – 2002	118
2003	125
2003 – 2008	138
2008 – 2012	149
2012 – 2014	156
2015 – 2020	171
2020 – 2023	183

Анатолий Морозов
Записки провинциального
гитариста. В
хронологической
последовательности
от первого лица

1965 – 1976

Впервые гитару я увидел и потрогал лет в пять. Две огромных, как мне казалось, пыльных семиструнки валялись на чердаке бабушкиного дома. Я проворно взбирался туда по угловым планкам из чулана, под напрасные причитанья бабушки: – ирод, куда ты опять полез! Там было кое-что посмотреть, сундук со старьем, широкополые шляпы, внушительные горные ботинки дяди Коли, его же гитары. Я крутил колки, выставляя их одинаково, дергал струны, и, ободрив пальцы до ссадин, оставил инструменты в покое.

В чулане держался запах мёда и яблок. Медовые соты стояли вертикально в сундуке, яблоки лежали в огромных фанерных чемоданах, каждое завернуто в газету. Стоило открыть дверь в чулан, поднимались клубы пыли, и в лучах солнца, бивших в щели дощатых стен, эти медленные завихрения в солнечных бликах рождали волшебные картинки. По стенам на полках стояли большие диковинные жестяные банки из под кофе и чая. В углу удочки, спиннинг с огромной катушкой, в сумке – планшете хранились всякие хитрые рыболовные штучки. Рядом висел патронташ с патронами. Отцовское добро.

Этот дом, по Космонавтов 12-А, мои отец, дядя и дед строили уже после войны. До этого раскулаченная семья,

приехав из района, жила по съёмным углам тут же недалеко, на Володарского.

Номер дома был с литерой вероятно потому, что соседний двенадцатый, двухэтажный кирпичный, но тесный на вид, с маленькими окнами, принадлежал Авдеевым, и по рассказам, был раньше постоялым двором. При постоялом дворе было пространство для повозок, телег, потом этот пустырь отвели под строительство еще одного дома, между двух уже существующих.

С бабушкой ходили на Мытный, так она называла рынок, на подходе к которому, вдоль всей стены ресторана Колос (сейчас м-н Электроника), на Пасху и другие праздники, сидели на каталках безногие мужики, после войны едва 20 лет прошло. На обратном пути заходили за керосином в угловую часовню Спасского монастыря, где небритый дядька в кепке длинным черпаком из емкости под полом черпал и разливал через латунную воронку по бутылкам.

Осталась в памяти дедовская мастерская, самого его я не застал, деда не стало за два года до моего появления. Центральную часть дощатого хозблока во дворе занимала его столярка. По стенам лучковые пилы, рубанки на полках, стамески всех калибров, рейсмусы, угольники, линейки, верстак с упором для строгания, половина огромного точильного камня, на котором отец правил топор. Мне нравилось там бывать, я брал приличный гвоздь, молоток, шел в дом и заколачивал его в порог, под восклицания женщин: ой ну надо

же, весь в деда, мастеровой будет.

В 68-м дом продали цыганам. В 70-м бабушка умерла в Свердловске у тёти Муси. Редко, но бывает снится мне этот дом. Всегда примерно одинаково. Будто в нем много солнца, света и светлого, нового чистого дерева, хотя были там обои, прямо на брёвнах. Голые брёвна были только на печи, стёсанные полубрусом, гладкие, естественно отполированные, словно вощенные, с трещинами в палец. И будто бы бабушки в доме нет, будто она вышла или в магазин, или в огород, и вот вот придёт. Дух заходится от этих снов, и трудно вернуться к реальности.

Следующее приобщение к музыке случилось тоже ещё до школы. Меня отдали в хоровую капеллу мальчиков при музучилище, там же, где оно и сейчас, только занимало второй этаж, на первом был гастроном. Вели занятия хора двое молодых интересных мужчин, с пышными волнистыми шевелюрами, один из них Гребёнкин, второй то ли Сидоров, то ли Симонов, не могу сейчас идентифицировать, оба они были очень увлечены процессом, постоянно что-то с жаром обсуждали, эффектно жестикулируя и поправляя волосы. Остальные мальчики, надо полагать, были гораздо старше, потому что умели писать, а я ещё нет, класс где писали был напротив по Торговому ряду, тогда Кооперативная, там же размещалась в то время вечерняя школа. Мало того, занятия были поздно вечером, и я просто засыпал, натурально стоя в хоре. Впрочем забрали меня оттуда.

Но мама упорно не оставляла попыток моего музыкального образования, наверное потому, что пел я про себя постоянно, и достаточно чисто, помню что нравилось попадать в звучащую мелодию. Ещё нравилось отстукивать двудольный или четырёхдольный ритм тремя пальцами, забавляло что на сильную долю попадали всегда разные пальцы по очереди. В доме была ламповая радиолка Восток 57 и много пластинок. В топе моего личного хита – парада были Кумбанчиро, Тереза, В эту ночь (Tonight tonight). Мама пела постоянно, когда мыла посуду или убиралась, часто записывала тексты песен по радио. Из её репертуара помню Любовь – кольцо, Может быть.

Таким образом определили меня на пианино, но почему то не в музыкальную школу, а опять таки в училище, видимо к студентке. Энтузиазма от занятий я не испытывал, желания тоже, инструмента дома не было, и дружка мой из соседской квартиры нового дома Мишка Рыбин, временами с вызовом вопрошал: ты чё, в музыкалку пойдёшь?, на что я с таким же напором отвечал: да ладно!, чё я там не видел! И мы отправлялись шлёндать по городу. Короче и с фортепиано было покончено, едва начавшись.

Потом в квартире появилась семиструнка, опять же по мамину скрытому замыслу, но уже так называемая дамская, уменьшенная. Какие то гости иногда что то показывали перебором, но не зацепило. Представлялось что то безнадежно устаревшее и этакое пошленькое. Гитара висела на стене как

натюрморт.

Всё резко изменилось, когда я услышал гитарный бой. Мне уже было 14. До этого как то не до музыки было. Футбол, хоккей, настольный теннис, баскетбол, дворовые развлечения, книги, читал всегда много, на тот момент запоем был поглощен весь приключенческий Джек Лондон.

И гитара тут пришлась в пору. Я запомнил это летнее утро. Звуки, которых я раньше не слышал начали проникать в мой слух ещё во сне, они будоражили своей новизной и несли в себе какой то бунтарский, для подростка, дух. Проснувшись на балконе, понял что на гитаре играет внизу в палисаднике Мишка Назаров, залихватским боем он наяривал два аккорда Шизгары. И видимо вся новизна для меня и заключалась именно в этих аккордах, Cm – F, подобная повторяющаяся последовательность нигде до этого не встречалась. Ну а если принять во внимание ещё и доморощенный текст на эту мелодию :

Было мне шестнадцать лет,

Когда увидел я тебя,

Блеск твоих прекрасных глаз,

Навеки покорила меня.

Припев:

Венера,

Голубая Венера... и тд и тп,

то у неокрепшей отроческой психики крышу махом срывало и уносило в заоблачные дали.

С этого момента всё изменилось. Дамская семиструнка мигом слетела со стены, и с инструментом я больше не расставался. Начался гитарный дворовый бум.

На гитарах играли все. И добропорядочные мальчишки из преподавательского дома #5 по Жуковского – а дальше домов и не было, было поле, через которое ходили на Смирновский, между дендрарием и автобазой, куда лазили, отодвинув доску в заборе, чтобы слить бензин, и за старыми аккумуляторами, добыть свинец для переплавки – и отпетая шпана из хрущёвской части 17-го по Калинина. Наш 3-й дом был между ними, и по степени испорченности мы были по середине. У нас поначалу на гитарах выделялись братья Назаровы, бойко “восьмёрили” на районе Витька Калганов, Вадик Шарапов. Дворовый репертуар осваивался быстро, потому что в целом игра на гитаре захватила тотально. Первоначально важным для меня было именно сыграть аккордовую последовательность, звучно и лихо, в хорошем ритме. Тексты песен я даже и не старался запомнить. Зато вскоре мог сыграть практически любую песню, хоть как то актуальную на улице.

Нравилось играть набор аккордов, который назывался “шейк”. Это было не что иное как блюзовый квадрат, что то в этом было затягивающее, что хотелось повторять и повторять, почему, я тогда и не задавался вопросом, просто это доставляло удовольствие. Даже без текста, хотя какие то абсолютно дикие тексты на “шейк” были, типа этого:

*Я помню трассу в сосновый бор,
Пилу кривую, тупой топор,
И как бомбили родимый дом,
Об этом песню мы вам споём,
О Вулли вулли, о Вулли вулли,
О Вулли Вулли*

*Сидим мы в баре как то раз,
И вдруг от шефа летит приказ,
Летите мальчишки на восток,
Бомбите маленький городок
О Вулли Вулли, о Вулли Вулли
О Вулли Вулли*

Вот такая дворовая реинкарнация блюзового стандарта Шестнадцать тонн. Да, сам блюзовый квадрат, о котором я узнал много позже, реально завораживал.

*Шестнадцать тонн умри но дай,
Всю жизнь работай, всю жизнь страдай,
Но помни, что в день похорон
Тебе споют Шестнадцать тонн,
О Вулли Вулли, о Вулли Вулли
О Вулли Вулли*

Кроме дворовых гитарреро был в доме, двумя этажами выше, почти профессионал, из первого состава Темпа, Слава Переводов, который показал мне, как он заговорщицки поведал, “блюзовый” аккорд, девяточку с басом на пятой стру-

не, С9, который конечно ни в какую дворовую песню у меня не влезал. Заодно у него в квартире я впервые услышал стереозвук, на Симфонии 001, Скальды, в тот момент мне показалось, что я стал выше сантиметров на десять.

Таким образом в 8-й класс я пришёл уже в новом качестве, чего то умеющего вроде играть гитариста, как мне хотелось думать. Но сразу стало ясно, что в английской спецшколе #1 с гитаристами и вообще с музыкантами дела обстоят просто превосходно, гораздо лучше чем во дворе. Даже своём классе оказалось, что Вовка Трифонов подаёт большие и серьёзные надежды как пианист, тем более, что его старшая сестра Наташа, студентка музучилища, уже играла в виа. И годом и двумя старше и младше были и пианисты, и гитаристы, и барабанщики Сергей Россов, Женя Суслов, Коля Дуняхин, Коля и Боря Грязевы, Володя Елисеев и много других. Многие парни ходили в кружок Виа при Доме пионеров под руководством Владимира Комиссарова.

Эти ребята на школьных вечерах могли попросить у приглашенного ВИА инструменты и сыграть что то вполне звучащее, вполне уверенно и со знанием дела. Понимали функции гитар в ансамбле, умели сыграть сложный ритм, повести соло и бас, короче мне до них было далековато. Всё что было во дворе ушло куда то в прошлое, и все помыслы теперь были устремлены в школьный и городской музыкальный социум.

Не пропускалось ни одно выступление ни одной группы, на которых по большей части просто стоял как вкопанный

перед составом, пытаюсь впитать и запомнить как можно больше.

На арзамасской сцене тогда были заметны Темп, Вега, Всегда вместе, XX Век. Моя старшая сестра Таня, девушка продвинутая и с хорошим вкусом, была знакома с ребятами в теме и приносила домой записи и на катушках, и на открытках с фотографиями бит групп, открытка в пластиковой оболочке, на которой были нарезаны звуковые дорожки, проигрывалась на проигрывателе как пластинка (из них помню American Woman Guess Who), и однажды просто окаменел, вглядываясь в лица на фирменном диске Out Of Heads Rolling Stones, принесенном через кого-то от Комиссарова.

Однажды после выступления Всегда вместе и Темпа, я как то не мог составить конкретного мнения, на что сестра безапелляционно заявила: “дурак, Темп – это сила”. Я тут же согласился, Темп отличались профессионализмом и бескомпромиссностью. В их составе сразу обращал на себя внимание и запоминался басист, даже не своей экзотически диковатой внешностью, сколько отрешённой решимостью и убеждённой в том, что он делал на своём немислимом самопале Griffin, с клавишами от приборной панели Пазика, и манерой пения как в последний раз, зелёные замшевые клешеные джинсы с бахромой убедительно довершали харизматичный образ. Владимир Станиловский, прошу любить и жаловать.

Из запада слушали Beatles, Slade, Sweet, Uriah Keep, Alan Price из культового фильма “О, счастливчик!”. И абсолют-

но походили с ума по рок-опере Jesus Christ Superstar, принесенной на 2-х бобинах из музучилища Наташей Трифоновой. Регулярно собирались тесным кругом, когда у кого, в ореоле некоей таинственности и важности момента, и прослушивали от начала до конца, с повторами каких то кусков. Да, существовал такой формат совместного времяпровождения, "слушать музыку", когда собирались, ставили какой то альбом и сидели слушали, практически молча. Говорили: пойдём к тому то, туда то, послушаем музыку, или приходи ко мне, послушаем музыку. То есть было специальное занятие – слушать музыку. Музыка была чем то вроде религии. Это ценилось всеми, и этим мерилось многое. С утра малолетний уркаган Вадик Шарапов уже прокуреным сипом подкатывал: – Толян, дай десять копеек, – дальше чтоб соблюсти политес, заводил светский разговор: – ты Пинк Флойд последний слышал?, там ревер, обосраться..

И как это водится, в каморке за актовым залом, чего-то мы хотели силами своего класса изобразить, а скорее создать видимость, примерить на себя роли, и как бы со стороны посмотреть на себя с инструментами: Вова Трифонов, естественно, клавиши, Андрюха Воронин – бас, я на гитаре, Серёга Таланов на барабанах. Реально же мы там просто маялись дурью, вскоре это стало ясно всем и нас закрыли. Однако на школьных конкурсах наши девочки под аккомпанемент трёх акустических гитар (я , Воронин, Женька Плешаков) и пианино (В. Трифонов), проникновенно исполняли

гимн Чили “El pueblo unido jamás será vencido”, и про Бам “У нас молодых”. И выглядели мы уже не хуже Сулова и Дуняхина, годом старше. Таким образом из семи парней в классе пятеро были напрямую вовлечены в творческий процесс, Саша Цопов и Вадик Кремляков опосредованно.

Попутно изучалась и теория, и со временем мог уже сыграть сходу простые цифровки, найти все простые аккорды в стандартной аппликатуре по всему грифу. И ноты на грифе соответственно тоже знал.

В начале 9-го класса, в сентябре, поехали на картошку. Само собой куда же без гитар.

Что то пели, играли, просто бренчали, после чего ко мне подошёл Сергей Россов из 10-го, уже закончил музыкалку по ф-но, и как я тут же узнал, у него был свой ВИА в ПТУ №5, на Кооперативной внизу, напротив Спорттоваров. Его мама там преподавала эстетику, каким то образом он там обустроил базу для ансамбля, и развивал деятельность в этом направлении, что и училищу было на руку. Собственно туда он меня и позвал на репетицию.

Будучи старше меня по возрасту на год, по музыкальному развитию Россов опережал меня как минимум лет на десять, а то и больше. Музыкальная школа за плечами, и вообще это была известная музыкальная фамилия в городе. Сам он на тот момент в данном составе играл на басу по той лишь причине, что не было на примете басиста. Если бы не было барабанщика, он играл бы на барабанах, или на гитаре, есте-

ственно на кравишах. Знал все партии, приёмы игры. Откуда, мне неизвестно и непостижимо. Я играл поначалу только то, что он показывал. Помню объяснял, как играть свободный, неповторяющийся ритмический рисунок аккомпанемента.

Кроме музыкальной одарённости налицо была и техническая. Мог починить усилитель, спаять схему и тд., позже паял гитарные и органые примочки типа фэйзер. Умнейший парень, светлая голова.

На барабанах играл Вова Галкин, на органале Юность Ирина Лиликина, по территориальному принципу, и Росссов, и они жили в средней части Коммунистов.

Из репертуара помню песню “Вишня” :

За рекою в непокое вишня расцвела,

Будто снегом за рекою стёжку замела..

Ещё “Прощай, от всех вокзалов поезда”..

Из импортного репертуара Everyday из Slade, Miss Vanderbilt из Маккартни, попросту Хоп хей хоп.

Первыми моими электрогитарами, согласно описи материальной базы училища, стали Тоника, отечественного производства, и Musima Record, производства ГДР. Вторая конечно была значительно презентабельнее, изготовлена добротно, из хороших пород, задняя дека волнистого клёна, и сейчас имеет коллекционную ценность. По игровым качествам обе были на 3 с минусом примерно. Грифы очень напругали, несмотря на то, что это был первый опыт, даже я

понимал, что это далеко не идеал, а наоборот, издевательство над пальцами. Вообще в городе у ансамблей, которые все были при каких то конторах, самыми распространёнными были Этерны, тоже музимовские, чешские Йоланы, болгарские Орфеи, короче нормального грифа никто в руках не держал. Первый полуфирменный инструмент привёз уже потом Стас Куриков, ФРГ – ский Хофнер в красном крокодиловом дермантине. Гриф у него был похож на настоящий. Уже при мне Россов из Москвы с Неглинки привёз болгарский бас Орфей, в форме скрипки, имитация хофнеровского баса Пола Маккартни. Вот у него гриф был вполне себе рабочий. Что касается гитарного усиления, я был абсолютно тёмен и дремуч на этот счёт, знал только где кнопка включения. Судя по оставшейся фото, гитара заведена в Электрон 103, как знающие люди сказали, также был УМ-50, с зелёным глазом. Когда я брал гитару домой, включал её в отцовский ламповый приёмник Восток 57, то есть всё таки был на правильном ламповом пути.

Время от времени на репетиции и на танцевальные вечера приходил поиграть Вова Трифонов, и уже было видно, что он птица более высокого полёта. В отличие от меня. Моё развитие шло очень медленно и, понимая, что исходные данные по сравнению с Россовым и Трифоновым несопоставимы, в попытке как то подняться в музыкальном образовании, уже самостоятельно, по своей воле, пошёл таки в музыкальную школу, на классическую гитару, к Евгению Катанскому,

единственному гитарному препода в городе. Но больше чем на месяц меня не хватило. Причины? Трудно сказать. Видимо сам материал был неинтересен. Но точно знаю, что дело не в преподавателе. Материал никак не пересекался с тем, что мне нравилось, от этого потянулись другие мотивы. И сольфеджио. Мысль о том, что надо идти на групповое занятие, вместе с детьми 8 лет, сводила на нет все другие доводы. Это было неприемлемо, на соль-фо я так и не пошёл, тем самым в очередной раз отодвинув на потом своё образование. Видимо знал, когда от него будет больший толк.

И как то успокоился с мыслью, что не моё это дело, пытался настроить себя на учёбу в обычной школе и поступление в горьковский иняз, с английским всегда дружил. Хотя в итоге и сыграл на конкурсе городских ПТУ в 68-м училище несложную технически тему 16-го каприза Паганини. Играли эстрадную обработку, которую Россов позаимствовал из репертуара виа Темп под руководством Виктора Тюрина.

Да, почти одновременно, в конце зимы 76-го и Россов и Трифонов получили приглашения, можно сказать, в профессиональные взрослые коллективы. Россов в Темп, Трифонов в только что организованный пришедшим из армии Стасом Куриковым состав, на базе дк железнодорожников, и названный 8-й День недели. Ансамбль в 5-м училище под названием Moon Stone прекратил своё существование, к моему даже облегчению. И углубляться в музыку у меня намерений не было.

1976 – 1978

Конечно совсем гитару я не бросил, и не собирался. Однако всяческую музыкальную активность прекратил. Смотрел на других и не высывался. Затусовался через Вову Трифонова с 8-м Днём, командой, ставшей невероятно модной и популярной в городе. За счёт того, что они пытались быть во всём, и это им удавалось, бит группой, а не виа. В поведении на сцене и вне её, в позиционировании себя, в создании определённого имиджа музыкального коллектива.

Многое они в этом смысле почерпнули у горьковских групп, и в первую очередь у группы Время, которая выступила тогда в Арзамасе и полностью перевернула все стандарты. “Время” были командой абсолютно мирового исполнительского уровня, да ещё и в очень серьёзном стиле арт-рок. Первый их концерт полностью сорвал крышу, поразило всё, в том числе и как бы отсутствие желания понравится публике. То есть именно роковая, а не попсовая подача. И самый сложный музыкальный материал. Emerson, King Crimson в репертуаре и свои композиции такого порядка, Грузинские танцы, Хроматическая токатта и др. В зале УПК был полный аншлаг и невероятно позитивный приём, фурор. Лидер группы, клавишник Алексей Смирнов, в своей отрешённости от толпы, сразу обрёл статус легенды в Арзамасе, в Горь-

ком он пребывал в нём уже задолго до описываемых событий. Впечатления от их концерта основательно перетряхнули мои музыкальные приоритеты, и в целом взгляды на то, каким должен быть музыкант. Оказывается настоящего рока мы ещё не видели, и я начал понимать, что настоящее искусство идёт впереди публики, а не за ней.

Осенью 76-го произошло очень значимое для меня знакомство. У 8-го Дня был концерт в ГДК, меня попросили присутствовать в электроцехе, поскольку я знал репертуар, обрисовать характер композиций для решений светового оформления концерта. Так я познакомился с Владиком Ворониным. Заведующим электроцехом театра, и единственным работником этого цеха, соединяющим в одном лице и звукорежиссёра и художника по свету. Когда то он учился в Ленинградском университете, и по какой то тайной причине оставил Питер. Кроме этого у него была самая большая в городе фонотека роковых альбомов на катушках. Все коллекционеры города несли ему новинки на перезапись, там же у него менялись, общались и тд. Как то мы подружились, и он ничего не имел против моего присутствия в его владениях в подсобных помещениях.

Это был совершенно незаурядный человек, вдвое старше меня, энциклопедических познаний, в разных областях, в музыке, литературе, искусстве, театре, во многих отраслях техники, истории и конкретно генеалогии и тд. Под его влиянием я, например, тоже заинтересовался историей, и в тот

год проглотил запоем историческую прозу Л. Фейхтвангера и не только. Во вторник у него в театре был выходной, в этот день я в школу не ходил, а шёл к нему домой на Комсомольский бульвар чуть ли не на целый день, слушали музыку, смотрели альбомы по искусству, генеалогические таблицы, то есть родословные дворянских родов России и Европы, готов был листать энциклопедию Брокгауза и Ефрона часами, под фоном звучащие с запретных станций “Зияющие высоты” Зиновьева. Главное было общение с умнейшим человеком, которое было необходимо как воздух. В электричке я буквально дневал и ночевал и, естественно, невольно присутствуя на всех театральных репетициях и прогонах, узнал эту сферу изнутри. Главное, что я усвоил от Владика, если суммировать, конъюнктурщина – не есть гуд. И что надо быть профи, по любому.

Да, долгое время я считал, что это я усвоил исключительно от него. Однако по прошествии многих лет, глядя с высоты, становится ясно, что у любого подростка, или юноши, однажды наступает момент, когда он начинает подвергать сомнению и критике опыт своего собственного отца. Потому что отец всегда рядом. Вон он сидит в кресле, читает газету, курит, крутит настройку радиоприёмника. Он не представляет никакой тайны. Так нам кажется. И мы начинаем искать авторитеты на стороне. А то, что отец, инженер, главный энергетик, штучный специалист в городе, своими руками мог построить дом, а мог и телескоп из картона, не говоря

уже о столярке, половина мебели в доме была из его рук, выросший на Тёше, всю жизнь имел страсть к рыбалке, любил шахматы, Гиляровского, Мельникова – Печерского, это всё для юноши в тёртых джинсах не имело значения. Да, отец был придавлен войной и пленом, на дух не переносил любого рода показуху, вот я и думаю, что неприятие конъюнктуры, как впрочем и стремление к профессионализму это конечно и от него тоже. А может быть и в большей степени.

Так прошёл 10-й класс. Если присмотреться к логике событий моего, какого ни есть, бытия (...жизне мое – какое житее твое...), к примеру связанных с получением музыкального образования, и выстраивающих определённую карму, легко предположить, что и ни в какой иняз я не поехал. Не захотел ничего менять, всё устраивало, в общем и целом. Может и не всё, но было терпимо. Какая то апатия напала, то ли русская хандра, то ли пофигизм, то ли аглицкий сплин, ну Евгений Онегин в натуре. Поступил в пединститут на литфак. Куда ж ещё. И практически сразу понял, что попал не туда. Настроя на учёбу не было. Юношеские нигилизм и асоциальность делали практически любой формальный социум тягостным. Мне не нравилось всё, что нравилось большинству, и я не хотел быть как все. Относительно комфортно было в студенческой художественной самодеятельности. По гитаре в институте мне уже равных почти не было, разве что Володя Шеваров. Они с Сергеем Клоковым, будучи иногородними, почти сразу вошли в состав ВИА Саши Ерофеева в

Луче. Наши литфаковские концерты с идейным вдохновителем Борисом Сергеевичем Кондратьевым были реально интересны и зажигательны, как по подготовке, так и по воплощению. Тем не менее учёбу я забросил, и возникали мысли уйти из института в армию. Прогуливал неделями и катился за горизонт. Однако судьбе было угодно не дать совсем докатиться. Эту судьбу звали Марина Доценко. Которая, несмотря на всю изящность силуэта, затмила горизонт, такое бывает, а заодно как то собрала непутёвого хипаря в кучу, наставила на путь истинный и внесла в бытие особый смысл и содержание. По сию пору.

Её методика включала две стратегии. Ночные лекции до трёх, и утренняя практика. В арзамасском филиале МАИ пары начинались с восьми, в Педе с девяти. Окна аудитории, в которой барышня слушала лекции и наблюдала, выходили на её же родной 17-й дом, мимо которого я продвигался на свои пары. Если я попадал в поле зрения, мне делали ручкой, потом уже заодно с ней и вся женская половина её группы, если же нет, дикой серной срывалась после первого часа, звонила мне в дверь с возгласом: – бегом в институт!, и возвращалась на второй час. Сейчас эти окна с тротуара не видно, выросли деревья.

Вобщем не стал расставаться с альма-матер. Альма-матер вздохнула с облегчением, конкретно зам декана Абрам Соломонovich Райхман, который даже как то одним воскресным майским утром, в пору самых беспросветных прогулов,

вдруг нагрязнул в гости домой, провести со мной воспитательную беседу. Настолько ценный был студент. В кавычках. Просто доцент Райхман любил и хорошо делал свою работу.

Марина и паровоз.

На дворе стоял декабрь примерно 1978-го года. Девушка Марина, будучи студенткой 2-го курса, собралась в Москву, просто развеяться, ну и посмотреть какого товару. Одета она была так: огромная чёрного меха ламы шапка непосредственно от Валерия Леонтьева (артисты тогда фарцевали на гастролях, шапка эта до сих пор где-то в закромах, а к нему она попала, по его словам, от гитариста венгерской группы Иллейш), далее длинное зелёное пальто осиной талией с пышной лисой сверху, расклёшенные джинсы, сапоги рыжей кожи на каблучке – всё пучком. Прикупила девушка в белокаменной чешского хрустала по случаю и батончик финского сервелату, села в поезд, прилегла на полочку, прикорнула – завтра к первой паре на лабу. Открыла ясные очи когда мимо окон уплывала надпись "Арзамас 2", метнулась девушка вдоль по вагону к проводникам, обратно, в одних бордовых колготках, без клешей, без сапог, в одних колготках, ну да этот изящный силуэт, как здесь уже упоминалось, это же просто национальное достояние. Пока металась, пока надевала клешки, то сё, поезд затормозил на Трактовом, и сошла девушка в снега по пояс. В шапке от Валерия Леонтьева, с пышной лисой пальто в пол, джинсо-

вые клеици, все дела, хрусталь, финский сервелат. По пояс в снегу. Бескрайние поля. Скоро пара начинается. Глядь, откуда не возьмись – маневровый. Паровоз остановился словно такси, барышня скомандовала – в город, в ответ услышала – дочк, нам в другую сторону, – но, оценив ситуацию, машинист тут же добавил: – садись, если сможешь- , посмотрела куда её зовут садиться – вертикальная лесенка как примерно третий этаж небольшого домика, делать нечего – не опаздывать же на пару, стала "садиться" по лесенке, словно на Эльбрус, без стаховки. В шапке от Валерия Леонтьева, пальто в пол с лисой, клеици, хрусталь, финский сервелат... поместилась в кабину с машинистами – один пожилой дяденька, другой его помощник подмастерье; аккурат ровесник пассажирке – села и заплакала, за что такие напасти, бедная я горемычная. Старшой тут из добрых побуждений попытался было посватать подмастерья своего – Сашк, смотри девка то кака справна, но девка захлопала ещё большие, а подмастерье чуть не спрыгнул с паровоза. Тогда дядька издал протяжный гудок и подмигнул бедолажке: нуу .. хошь чтоль дуднуть то?, нууу дудни.. девушка шмыгнула носом, глаз загорелся сквозь слезу, несмело потянула верёвку гудка – ваууу, потом ещё раз и ещё, и так, победно дудя, вкатилась на запасные пути станции Арзамас 2.

1978 – 1986

В сентябре 78-го, в начале второго курса пришел в отпуск из армии Серёга Россов. Естественно встретились, сидели большой компанией у него на Коммунистов в беседке заросшего сада, весело и проникновенно пели, играли с жаром и азартом на акустиках, и как то всё было вдохновенно, на экспрессивной волне. Естественно подогревались портвешком, осенний холодок вечером уже окутывал сад. И в какой то момент я мимолётно поймал на себе его пристальный взгляд с прищуром, совершенно трезвый, я это запомнил. А через день – другой он уехал дослуживать.

Прошел примерно месяц или более, был конец октября. Какой то тягототный дождливый вечер, в квартире раздаётся звонок, открываю дверь и застываю в столбняке. Передо мной стоят Виктор Тюрин, Владимир Станиловский, Виктор Кобзев. ВИА Темп почти в полном составе, во главе с руководителем, музыканты известные всему городу.

– Морозов?

– да

– Анатолий?

– да

– Приходи на репетицию, в УПК...

Сказать, что я был шокирован, это ничего не сказать. Я

просто не знал, что говорить. Что то мычал невразумительно, типа может вы ошиблись, что особо и играть то не умею и тд. Россов, гад, мог бы и предупредить. Нет, говорили на полном серьёзе, конкретно день и час.

В назначенный день и час я не пришёл. Думал, может передумают и возьмут кого то более подготовленного. Гитаристы в городе были всегда, и гитаристы крепкие. Игорь Кудашов например, из ещё одной классной команды Калейдоскоп, при МАИ. Или Серёга Барышников, вроде в приборке тогда играл, Толик Андронов после XX Века временно был не у дел. Все эти музыканты на тот момент очень серьёзно опережали меня и имели игровой опыт. Я просто не понимал, зачем я понадобился Темпу, и что мне там делать. Нет, я совсем не боялся своего фиаско на первых репах и отставках, больше как то беспокоился, что они потеряют время.

Не пришёл, но благо что жил в минуте ходьбы от УПК, ко мне был послан Станиловский, который просто молча кивнул, дескать с вещами на выход. Отпираться было бессмысленно и уже некорректно. Дальше я руководствовался соображениями не подвести бы людей. И да, внутри начали шевелиться амбиции. Не каждого приглашают в группу из топовых в городе.

Когда мы вошли в зал, на сцене стоял какой то аппарат, и кроме Тюрина был замечен ещё Евгений Кислов. Так, думаю, значит его кандидатуру тоже рассматривают. Что ж, вполне логично и правильно, высококлассный, стильный во-

калист, опытный, практически лидер Калейдоскопа, с гитарой в руках, владеющий ей уж никак не хуже меня, может и лучше. Нормально пообщались, показал как работает блочок искажитель, который непосредственно стыковался на гнезде его Этерны, у меня инструмента вообще не было, в УПК, на их новой базе тоже Этерна была потасканная, даже две. Евгений подошел к микрофону и под гитару спел что то стандартное, или Only You, или The Shadow Of Your Smile, на мой взгляд безусловно и фирменно, никакого вроде разговора по существу дела не было, да, классная музыка, вечная и тд, ещё через какое то время он собрался и ушёл, мне было непонятно, придёт ли ещё, нет ли, я мало что понимал.

Потом мне дали гитару, и вроде бы начали вспоминать Паганини, что ещё с Россовым в училище делали. Как то так состоялось первое знакомство. На следующих репетициях начали работать над танцевальным репертуаром, к новогодним вечерам.

Вообще это был очень непростой для группы период. А если ещё точнее, то абсолютно кризисный. Тюрин оказался у разбитого корыта. В результате административных и межличностных трений, подковёрных ходов произошла рокировка. Ансамбль Вячеслава Тряскова из УПК (сейчас ДК Ритм) перешёл в Темп, а ансамбль Темп Виктора Тюрина перебазировался в УПК. Причём если с Трясковым перешёл весь его состав без изменений и потерь, то музыкантам Темпа, работавшим в ОКБ Темп, было поставлено условие, ес-

ли уходите в культурно – массовый сектор другого предприятия, то и из ОКБ Темп увольняетесь. Главный конструктор Мирошников не мог допустить чтобы его люди, по его словам, приносили славу другому предприятию. Станиловский ушёл на АПЗ, видя там перспективы для инженера – исследователя, не допуская разговора с собой в подобном тоне, и не желая прекращать интересную творческую работу с Тюриным. Михаил Нечаев, гитарист с которым они начинали ещё в школе, не захотел менять работу, остался и соответственно закончил музыкальную карьеру. Потеря Нечаева была очень серьёзной, уход из состава инструменталиста, работавшего много лет, равносителен утрате одного из четырёх угловых столбов фундамента. Если учесть, что на тот момент в армии были клавишник Россов и барабанщик Сергей Курин, оставаясь из инструменталистов с одним басистом в материале, что конечно само по себе существенно облегчает ситуацию, то это всё равно как ни крути было равносильно созданию новой группы. В качестве клавишника был приглашён студент музучилища пианист Андрей Котляр, вероятно с прицелом на интерпретации классики, что становилось фишкой группы, уже звучали 16-й каприс Паганини и Турецкое рондо Моцарта. Барабанщиком был приглашён Сергей Лисин, засветившийся ранее в Калейдоскопе. Хотя до Лисина, на вторую мою репу единственный раз приходил только пришедший из армии Валера “Бича” Бочкарёв, поскольку его место в 8-м Дне было занято Михаилом Пых-

тиным. Но даже мне было понятно, что с ним продолжения не будет, так как слишком сильным там было влияние 8-го Дня, и музыкальное и по жизни.

Значит вот таким составом начали реанимацию коллектива, у которого и названия теперь не было, поскольку Темпом уже называться было противоестественно: Виктор Тюрин – саксофон, кларнет, Виктор Кобзев – вокал, Андрей Котляр – клавиши, Анатолий Морозов – гитара, Владимир Станиловский – бас-гитара, Сергей Лисин – барабаны.

***

Приступили к работе по двум направлениям. Концертные программные композиции, типа творческое лицо коллектива и танцевально – халтурно – свадебный репертуар, часа на три. Лично для меня главными задачами стали поиск звука и обретение исполнительской свободы. Пресловутая Eterna de Lux. И Regent 300H. До сих пор снятся. Ну не было там звука. Было понятно еще из первого опыта, что для определенной этакой стратопоподобной остроты, необходима атака, струну нужно высекать, движением сходным с чирканием спички о коробок. Плюс к этому у меня сложилось так, что медиатор стал располагать под определённым углом и чтоб вместе с медиатором струны касались ногти указательного и среднего пальцев. Это придавало остроты штриху. Думаю у каждого свои прихваты. Но у меня это осталось до сих пор,

несмотря на то, что давно играю на стратокастерах, и нужды в этом нет. Примочек никаких не было, соло от ритма отличалось поворотом ручки громкости на гитаре, что конечно неправильно применительно к синглам. Про свободу в игре нечего было и говорить, её не было очень долго. По настоящему какой то более менее уверенной формы я достиг к уходу в армию, в 82-м.

Запомнилось первое выступление. Танцевальный новогодний вечер в Техническом училище #16, рядом с Легмашем. Погрузили аппарат в автобус. На клавишах должен был играть Тюрин, поскольку видимо Котляр был ещё молодой для таких мероприятий. Только отъехали от базы, у стадиона на Кирова Тюрин восклицает: орган забыли!.

Сейчас я ума не приложу, почему было не вернуться за органом, десять минут времени, но не вернулись. То есть на первом своем выходе я, и без того абсолютно сырой и необкатанный, вынужден был играть без второго аккомпанирующего инструмента, не считая баса, по сути в трио. Сакс солирующий в аккомпанементе не участвует. Это и при нормальных обстоятельствах непростой формат. Чувствовал я себя очень погано. В полной растерянности, словно в прострации. Станил свирепепо шевелил усами, сверкал глазами, и сквозь зубы скрежетал: играй, давай, ещё, нет, ми, молчи, играй, давай.. и тд и тп. Кобзев тоже удивлённо оборачивался на меня, с недоумением в глазах. Думал конца не будет никогда. Полнейшее погружение. Как в кипяток. Сейчас впол-

не допускаю, что возможно Тюрин намеренно не вернулся за клавишами, чтобы с первого раза окунуть новичка в экстремальную ситуацию, выгребай как хочешь, дабы все последующие уже казались легкой прогулкой.

Еще до сих пор нет-нет да всплывает у меня вопрос, почему он остановился именно на моей кандидатуре, при наличии выбора из более подготовленных и опытных гитаристов, только руку протяни. И вот подумал я уже по прошествии многих лет, что возможно предпочёл Виктор Иванович взять чистый лист. Он намерен был играть вдолгую. Готовый взрослый музыкант, со своими амбициями, сегодня здесь, завтра не здесь, опять ищи, опять репетируй, сколачивай состав. Подготовленный с нуля человек оставался в команде надолго, и был свой по взглядам и убеждениям, тогда было так. Эти взгляды и убеждения, заложенные в меня Виктором Тюриным, и Владиком Ворониным, были приняты мной как отче наш, и остались во мне на всю жизнь.

Что касается аранжировки классических вещей, в основном функция гитары сводилась к аккордовому сопровождению, постепенно слепили Паганини и Моцарта и приступили к Концерту Фа минор Баха. Также к Весне 79 решено было готовить Stairway To Heaven из Led Zeppelin. Эту вещь Владимир Станиловский вынашивал давно, и практически вся гитарная партия кроме соло была им изучена и разобрана, как и вокал, бас само собой. Соло не помню чтоб вызвало какие то особые трудности, постепенно по фразам снял

с магнитофона, естественно помогал усатый нянь (именно Владимир кстати показал мне, как берутся рок-н-рольные унисонные дабл-стопы посредством бенда) и долго наигрывал, накатывал. Больше волновало то, что у меня не получалось использовать то, что я снимал, в своих импровизациях. Помню Олег Антошин говорил, что если он снял какую то фразу например из Хендрикса, то точно знает, где и как её можно будет потом использовать. У меня так не получалось. Образования и эрудиции не хватало. Я может быть и понимал где какой то ход или приём можно сыграть, но на практике применить долго не получалось.

На каждой танцевальной халтуре, и даже на свадьбах Тюрин играл обязательно пару инструментальных вещей на блюзовый квадрат, где тема игралась на саксе. Одна из них, которая запомнилась это Tenor Madness Сонни Роллинза. Когда очередь доходила до моих двух корусов, все заготовки куда то испарялись, и игралась какая то неинтересная невразумительная дежурная каша, пурга, лишь бы заполнить эти 24 такта.

На этой волне возникла мысль поизучать блюз, это я тоже отлично помню. Прихожу к Владу Воронину: – есть какой нибудь блюз на гитаре?, – вот – говорит – E.C. Was Here. Концертник Клэптона 75-го года. – О!, давай!. Начал слушать. Не зашло. Видимо ещё не был я готов к этому. Хотя при разборе отдельно по фразам я понимал, что сами по себе ходы мне знакомы, они хрестоматийны, как классика. Я

то хотел пополнить лексический запас, набрать новых фраз, но тут, помню, было легкое разочарование, хотя и вместе с долей некоторого тщеславия, дескать я уже это знаю. Тогда я не понимал, что смыслом блюзового повествования является компоновка, выстраивание фраз, как лексических морфем в языке, в единый экспрессивный речевой поток. И главное здесь даже не знание фраз, это само собой, но важнее правильный эмоциональный настрой. Это начнёт приходить позже, а тогда блюз был отложен, и взгляд устремился к более понятным Deep Purple, Grand Funk, Pink Floyd, Carlos Santana, Whitesnake наконец, если угодно.

Помню как увлечённо делали втроём, со Станиловским и Лисиным, несколько вещей Grand Funk. Тюрин тогда летом уехал с семьёй на море, мы чуть ли не каждый день приходили в пустой ДК и колбасили с таким удовольствием и азартом Stop Looking Back, Trying To Get Away. Тогда же втроём подписались отыграть свадьбу, вроде это было в столовой на Нижегородской, даже сейчас мне представляется это очень непростой и рискованной затеей, но помню что отыграли очень лихо, и были довольны и горды собой. Мастерство и уверенность росли, с другой стороны поражает, как-то были массовые музыкальные потребности в обществе, в сравнении с теперешними. Народ вкушал рок за милую душу. И еще непонятно как Владимир тогда всё это отпел в одиночку. Или Кобзев тоже был, сейчас уже не вспомнить.

Я в те времена вообще к микрофону не подходил даже

близко. Хотя в компании под гитару пел всегда, этакий за-
стольно – приклатнённый, табуированный тогда репертуар,
исполняемый сейчас в Кремле. И даже без гитары. Корон-
ный номер был, когда за фортепиано садился Вова Трифо-
нов, я вставал рядом в позу, куртуазно облокотясь на пиани-
но, и давал “Камнем грусть лежит на мне”, или “Увяли ро-
зы. (Сын судомойки и чеканщика)”. Очевидно в этих обстоя-
тельствах как таковые голосовые данные отходят на второй
план, уступая убедительной подаче и куражу. Но стоило мне
было подойти к микрофону, сразу слышалось что никакого
голоса нет совсем, было что-то невнятное, абсолютно без-
тембровое, плоское, что вообще не должно звучать. Запою
я в микрофон как вокалист лишь лет через 15.

Ещё этапной своей работой считаю Shine On Your Crazy
Diamond. Это уже Россов и Курин пришли из армии. Да, пе-
ред этим у нас на какое время на клавишах отметился Се-
рёга Мазнов. Так вот эта была гитарная работа с не очень
большим количеством нот в единицу времени, но при этом
с невероятно насыщенным смысловым и эмоциональным
содержанием. Вещь требующая очень серьёзного настроения,
немалой работы над звуком, в том числе и без атаки, уме-
ния придать содержания длинным нотам и умения заставить
слушателя слушать воздух. Особенно в начальной части, где
просто необходимо вкладываться всем существом в каждую
ноту. Кстати в связи с этим вспоминается тема, которая де-
монстрирует абсурдность некоторых гитарных представле-

ний тех времён, противоположных правильному пониманию гитарного звука. Ездили в Киров для участия в шоу программе, типа мини фестиваль с участием нескольких местных ансамблей. Взял в руки инструмент одного тамошнего гитариста, и прямо таки не захотелось выпускать из рук, настолько удобно и легко было играть. Очень тонкие струны, и очень плоские низкие лады. Спрашиваю что за струны, говорит это стальная проволока для кордовых авиамodelей, в домах пионеров раньше были, проволока толщиной 0,17 мм, то есть если сейчас я играю на калибре первой струны 0.010 дюйма, или 0.25 мм, у него было 0.17 мм, это 0.06 дюйма, таких тонких струн не бывает. Приехали домой, Тюрин с завода приносит проволоку 0.17 целый моток, вот на ней я играл и был очень рад, что этот куний волос так тянется, что там при этом было со звуком, вроде даже и не коробило. И приходили коллеги, спрашивали, дивились, всем отрезал сколько просили. А всё потому, что настрадались все с толстенными грифами и струнами в сантиметре от ладов. Да, и лады сейчас ставлю jumbo, самые толстые и высокие. И считаю, что 90 процентов отдачи звука заложено именно в ладах. Их материале, размерах и правильной форме, никак не плоской, а наоборот. Такими тёмными были и несведущими, неподвижными. Уже молчу про все эти заблуждения, мифы и бредни по поводу фирмовости гитар, и об этом, дойдет время, поговорим.

Из обработок классики были ещё Полёт шмеля Римско-

го-Корсакова и пьеса Мурада Кажлаева Протест. Полёт шмеля делали не на скорость, а на вкусноту, в хорошем темпе, но это самоцелью не ставили. Тему поделили между кларнетом и гитарой, и в процессе работы я окончательно понял, что не являюсь виртуозом. Сыграл, но много было на легатных сдёргиваниях, не всегда чисто, гороха не было. Тюрин это понимал, но вслух не говорил, а наоборот похваливал, а кроме него никто недочётов не видел. Истинно говорят деревенские строители – умный не скажет, дурак не поймёт, как раз про этот случай. Протест Кажлаева сделали в джаз – роковом ключе, на хорошем груве, со сменой размеров и в целом очень добротной работой ритм – секции.

Но до неё, как помнится, если говорить об арт – роке, делали из Emerson, Lake & Palmer композицию Living Sin. По инициативе Россова, на полную его ответственность, и конечно под впечатлением от исполнения этой композиции группой Время. Почти всю органную тематику дублировали гитарой, где то и сакс добавляли. В концертах на эту вещь приглашали Серёгу Таланова, как танцовщика, номер был очень зрелищный, экспрессивный. В Кирове Таланов свалился с температурой, лежал полуживой в гримёрке, и Россов глядя на него изрёк: – а этот глист будет под нас ломаться?.. Ломаться тогда означало танцевать, а не капризничать, было выражение “шейк ломать”. Там эту программу давали два дня, суббота и воскресенье, в субботу два концерта.

Постепенно музыкальные пристрастия начинали сме-

щаться в сторону джаз – рока. Опять же благодаря тому, что джаз – рока было много на горьковской сцене конца 70-х – начала 80-х. “Времяки” исполняли Чикаго, Аврору Жан Люка Понти, “Движенцы” Бенсона, ансамбль ГГУ Наши дни под руководством Рудольфа Вшивкова Стиви Уандера, в ансамбле Александра Шишкина блистал поющий в джазовой манере барабанщик Сергей Манукян из Грозного, наряду Горьковским Синатрой, напололам с Армстронгом – Александром Розмари. Джаз – рок становился всё более актуален. Нам с саксофоном сам бог велел двигаться в этом направлении, тем более для Виктора Ивановича это была почти родная стихия. И опять таки информационный голод. В отличие от традиционного рока, популярного массово, в Арзамасе джаз – рока было днём с огнём не сыскать. Даже у Владика. Единственное что я раскопал в его залежах это Chuck Mangione, джазовый исполнитель на флюгельгорне, разновидность трубы. Из его альбома Feel So Good внимание привлекла пьеса Hide And Seek. Динамичный, полётный инструментал на минорый блюз в Fm. Впечатлила конечно в первую очередь работа ритм – секции. В основе что-то самба подобное, с ярким развитием в каждой импровизации, с филигранными басовыми штрихами, формирующими заводной грув, ну джаз как он есть. Понятно, что никто из нас, кроме Тюрина, играть это как джаз не был готов. Мы готовы были только снимать это донотно, но никак не играть свою импровизацию в этом же ладу. Я тогда и вообще не знал, что

такое играть в ладу. Это сейчас я понимаю что там дорийский лад, потому что при минорной тонике субдоминанта мажорная, то есть можно играть просто при тональности Fm диатоническую мажорную гамму Eb, а тогда об этом вообще не думал, и не понимал зачем об этом думать, просто снимал ноту за нотой, фразу за фразой, ничего не анализируя, и не формируя из этого какой то свой багаж, хотя в итоге какая то малая толика снятого откладывалась где-то на подкорке.

И ещё постепенно, с появлением сложных партий, давал о себе знать вот какой аспект. Мне было очень некомфортно играть заученный, как бы авторский текст, особенно на ответственных выступлениях, типа конкурсах. Проклятый мандраж лишал меня воли, доходило до явной дрожи в коленях. С тех пор я ненавижу конкурсы, и заученные партии. Говорят этого не бывает, если выходишь на сцену с детства, и исполнительство вошло в твоё нутро с инстинктами, помимо сознания. Если начал поздно, то сознание, лишние мысли сильно мешают, тут или сильная воля, то есть играть на крепко стиснутых зубах, но без эмоций и радости, или добиваться свободы, играть сиюминутно, импровизационно и кайфовать.

Да, со временем исполнительский опыт делал своё дело. Мало помалу обреталась уверенность, теперь на халтурах я чувствовал себя абсолютно комфортно, играл свободно, вариативно, уверенно, как хотел, само собой не мешая другим и не выпячиваясь. На Весне 82 играли Hide And Seek Чака

Манджоне, New Kid In Town из Eagles, где я к тому же пел в бэках, а вторым вокалистом, наряду с Витей Кобзевым тогда был Серёга Клоков, и забойный рочешник Сантаны All I Ever Wanted Was To Be With You. На танцах в парке тем летом плюс к этому ещё играли несколько вещей из Whitesnake (попсовая реинкарнация Пёпл). Ну то есть разыгрался не на шутку .

*****

Попутно, к этому времени я закончил институт, женился, всё на той же обладательнице изящного силуэта, родилась Настя, и стало быть замаячила передо глазами армия.

С армией дело было так. Поскольку до этого, по хитрому плану Тюрина, мы систематически выступали в воинской части на Советской, комсомольский секретарь части прапорщик Слава Несов однажды сказал: – Толя, мы тебя заберём к себе, нам нужно художественную самодеятельность поднимать. Дело решённое. Ну и хорошо, думаю, самодеятельность так самодеятельность, к тому же на соседней от дома улице. И успокоился. Однако не всё было так просто. Где то ближе к концу лета выясняется, с его же слов, что на Арзамас нет разрядки, то есть походу арзамасских вообще в эту часть этой осенью брать не будут. С большой вероятностью. Процентом на девяносто. Ок, думаю, пойдём по запасному варианту. Запасной вариант это был практически професси-

ональный окружной ансамбль “Товарищ” при батальоне ВВ в Горьком, на проспекте Гагарина, почти напротив Оки. Сейчас это Приволжский округ Нацгвардии. В Товарище служили очень многие горьковские музыканты после музучилища и консы, из арзамасских первый туда попал Юра Тюльпанов, и дальше с его помощью туда попадали сначала Коля Лапин, уже потом Олег Антошин, Серёга Шейков и ещё многие, дорога была проторена.

Тут надо ещё сказать о том, что моя мама в то время была председателем медкомиссии на призыве в военкомате, для меня это означало лишь одно, что я должен идти в армию в первых рядах со знаменем в руках и с барабаном на шее. Дело моё, вроде как где-то залежавшееся, с её помощью нашли и положили поближе. Так вот поехали мы с Юзефом в Горький. Непосредственно проходим через КПП в клуб, естественно по предварительному звонку, там аппаратура, начальник ансамбля капитан, старшина ансамбля прапорщик, кто-то из музыкантов. Просят что то сыграть. Что то сыграл, не помню что, возможно квадрат из Манджоне, вроде понравилось, говорят надо брать. Решили так, что прапорщик поедет в Арзамас в военкомат, попробует получить моё дело и привезти его в Горький, если не получится, то перехватить в Дзержинске, что было уже не так обнадеживающе, но говорят, должны отдать документы, есть такая практика.

Уже примерно начало октября было. В состав вводили Олега Антошина, на паре последних халтур играли с ним в

две гитары, на сцене он смотрел на меня снизу вверх как на абсолютного гуру. Приезжает прапорщик, старшина ансамбля, идёт в военкомат, по мои документы. Встречаемся после с ним у моих родителей дома, обедаем, он невесёлый. Документы не дали. Причину точно не знает, но подозревает, по отрывочным сведениям, что набирается арзамасская команда в какую то арзамасскую часть. Уехал, договорились, что как придёт повестка, сразу дать знать, будут отслеживать в Дзержинске.

Имея в виду поначалу этот вариант как запасной, я пересмотрел ситуацию и понял, что служба в ансамбле гораздо более предпочтительна для меня, поскольку это постоянная игровая практика в течение полутора лет, в партнёрстве с классными музыкантами, в Арзамасе даже мечтать о подобном не приходилось.

Тем временем приходит повестка, отправка 12 ноября. Я сообщаю об этом в ансамбль. И морально готовлюсь, то на проводах у одного однокурсника, то у другого. Так после очередных проводов, конкретно 28 октября, обнаруживаю себя часов в шесть пополудни в одной из комнат общежития по Жуковского, на полу, на одном матрасе с будущим проректором. В одежде. Дальше медленно перемещаюсь в УПК, типа на репетицию, где мне говорят, что меня разыскивает жена. Ну понятно, думаю, надо сдаваться. Тут в помещение влетает фурией сама ненаглядная, сверкая очами ещё более выразительно, чем всегда: – Звонили из военкомата, велят

срочно прийти, с повесткой! – с вещами?, спрашиваю, – нет, без вещей, – ладно хоть так. И пошли мы с суженой рука об руку сдаваться на низ, в военный комиссариат г. Арзамаса. Воспалённое сознание рисовало картинку, что сейчас возьмут у меня повестку, порвут, и гуляй, парень. Приходим, было примерно десять вечера, протягиваю дежурному повестку, он берёт ручку, аккуратно зачёркивает дату отправки 12 ноября и пишет 29 октября, то есть завтра, время исправляет на 16.00. Немая сцена. Занавес.

В военкомате к 16.00 собралось человек пятнадцать призывников, из Арзамаса и Выездного. Никто ничего не знал, куда повезут. Нас посадили в кузов шишиги, покрытый тентом, машина сделала круг по городу и въехала в ворота в/ч 17845 на ул. Советской. За машиной, в коляске остановленного мотоцикла ехал Виктор Тюрин, он проследил весь путь машины, вернулся к провожавшей меня компании и сообщил, что я тут, в городе.

*****

Как я предполагал, так и вышло. За полтора года армии, играли ансамблем раза три – четыре. Слава Несов этой же осенью уехал на три года в командировку в Венгрию. Сразу стало ясно, что в этой части те, кто не владеют специально-стью, радиосвязью, являются людьми второго сорта, какими бы талантами они не обладали. Я не захотел быть вторым

сортом, и стал радистом. О чём не пожалел. Только один раз очень сильно пожалел.

Когда я был за забором на Советской, Группа Тюрина была отобрана для поездки во Францию. Какой то фестиваль по профсоюзной линии, вот типа заводской ансамбль играет интересную музыку. Половину состава, работающую на заводе, заменили, как невыездных зарубеж. Вместо Станиловского репетировал Стас Куриков, вместо Курина Миша Пыхтин. Специально ездили в Горький на прослушивание. Прослушивать и выносить вердикт приехал из Ленинграда Владимир Фейертаг, музыковед, специалист по джазу. Всё в целом понравилось, сделал кое-какие замечания, дал добро.

На последнем этапе поездки сорвалась, то ли горком партии, то ли КГБ не пропустили ансамбль дальше. Подробностей не знаю, и из группы никто не знает точно, что, кто, почему.

А в воинской части ансамбля по любому не могло быть, так как не было такой задачи, это была учебка спецрадиосвязи, разведка. Исполнительскую форму я конечно потерял. Но зато хоть морзянку освоил. В тот день, в мае 84-го, когда я демобилизовался, был призван в армию Олег Антошин, то есть идеальная рокировка, я на полтора года освободил место для него, теперь он мне его возвратил. В этот же день, ни раньше ни после, он поехал в ВИА Товарищ.

Были еще кое-какие изменения в составе, ушёл Витя Кобзев, вместо него вокалистом был Виктор Карташов, вока-

листочкой Элла Приходько. Начал мало помалу набирать форму. Времена менялись, вкусы тоже, Витя Карташов,

студент музучилища по баяну, оказался поклонником Владимира Кузьмина, это была новая эстетика, реггей, новая волна. Вообще традиционный хард стремительно терял актуальность, среди музыкантов был в почёте фьюжн, фанк, джаз-рок. На этих стилях замешивалась и добротная попса, Барыкин, Саруханов, Рок-Ателье, прибалтийские группы, Радар, Модо, и из восточных республик тоже, Гюнеш, Арай, последняя потом трансформируется в А-Студио. По телевизору каждую пятницу шла программа Джазовая панорама с ведущим Юрием Саульским. Я старался не пропускать её, на отечественной джазовой сцене фаворитами были Арсенал Алексея Козлова, Аллегро Николая Левиновского, с начинающим Игорем Бутманом на саксе, Каданс Германа Лукьянова, трио Ганелин – Чекасин – Тарасов, и масса других замечательных инструменталистов и вокалистов, Валентина Пономарёва, Татевик Оганесян, Лариса Долина, Ирина Отиева. В 85-м мы с женой и дочерью были в Сочи на концерте Оркестра Олега Лундстрема, это было одно из сильнейших впечатлений.

Съездили на несколько фестивалей в Горький, тех старых групп не осталось, появились новые интересные, Ироникс, Кантабиле. Начал появляться Русский Рок, мне это не было близко, Рок для меня был один. Тем паче всё больше увлекала инструментальная музыка, безотносительно русская она

или нерусская. Время шло.

1986 – 1988

В июне 1986-го Виктор Тюрин распустил группу. Об этом было объявлено задолго, примерно за полгода. Решил свернуть эту свою активность, объясняя возрастом, 43 на тот момент, но было очевидно, что грядёт смена руководства УПК, и в новую систему он не вписывается.

Мы отыграли последний выпускной в Выездновской школе, под утро буднично пожали руки, разгрузив аппарат, словно бы до следующей халтуры, и разошлись. Так эта глава оказалась закрытой, и начала открываться следующая.

Оказавшись, после 8 лет в команде (с перерывом на полтора года армии), в свободном плавании и без занятости, я болтался летом в неопределённости, а на самом деле в постоянных размышлениях, что делать дальше. Пара – тройка групп, думаю приняли бы меня, но я никуда не торопился. К этому времени были уже изрядно пропаханы Deep Purple, Led Zeppelin, Grand Funk и Santana, и веяния джаз-рока и фьюжн носились в воздухе.

В апреле на Арзамасской весне 86 мы сыграли Аруану из группы Арай, куда я добавил своё гитарное соло, до этого была ещё одна композиция из Арая, Ностальгия из Арсенала Алексея Козлова. Да, и в том же июне выступили по приглашению Вячеслава Уланова в ДК Орджоникидзе в одном кон-

церте с Чебоксарским Джаз – Форумом Николая Кузьмичева. Что говорить, выглядели мы по сравнению с ними весьма робко, и по-любительски, тем не менее посеянным зернам надо было прорасти.

Вышеобозначенный плейлист, думаю, показывает степень того репертуарного голода, который тогда переживали все провинциальные музыканты. То, что было чуть за чертой массового интереса, достать было непросто, в Арзамасе никакого ни джаз-рока, ни фанка ни у кого не было.

Вобщем примерно таковы предпосылки того судьбоносного события, которое случилось в один из дней того лета. Всего навсего зашёл в книжный магазин на ул. Калинина, вроде как всегда, но на этот раз глаза мои сразу же с порога упёрлись в название, которое наотмашь ударило меня с полка – Гитара от блюза до джаз – рока!.. С распростёртыми руками устремляюсь к цели, беру с полки (вспоминаю это всё как в замедленной съёмке), открываю... и разочарованно закрываю. Это оказался нотный сборник.

Мне было 26, нотной грамоты я не знал, совсем. Всё, что было нужно, снималось на слух, если необходимо с замедленной скорости чуда местного приборостроения Легенды 404.

Пролистал, посмотрел, положил на полку и ушёл. А имена в голову запали, Джанго Рейнхардт, Барни Кессел, Джо Пасс, Кенни Баррел, а названия какие!, Путешествие по Алабаме, Самостоятельный полёт, Как глупо мечтать о тебе.. На сле-

дующий день пошёл и купил. Для себя подумал, даже ради большой вступительной статьи Юрия Дмитриевского, с кучей информации.

Информацию прочитал не один раз, и понял что другого варианта как что то попробовать сыграть оттуда у меня нет. Так началась для меня моя музыкальная грамота, начал разбирать по тактам, считать линейки и тд., о табулатурах тогда никто ничего не знал, и не публиковал их.

Параллельно искал максимально возможную информацию, любую литературу, настольной книгой стала Становление джаза Коллиера. Ну так вот линейка за линейкой, такт за тактом, строчка за строчкой, к весне наразбирал, наковырял, наиграл три пьесы из этого сборника, сейчас даже не вспомню точно все, вроде Блюз Бенсона, что то из аккордовых соло Джо Пасса. Уже начиная эту затею, закралась бредовая идея выступить с этим материалом на Весне – 87 сольно, без ансамблевого сопровождения, даже сейчас подобное не сильно распространено, тогда в Арзамасе это было диво дивное. Выступил, как смог, произвёл фурор, как многие говорили, но думаю больше из-за самого факта нахождения на сцене с электрогитарой в одиночестве и непонятности, некой таинственности музыкального содержания. Ни о какой свободе исполнения речи не было, всё зазубрено, ни шагу в сторону.

Но вот подошёл Слава Уланов, похвалил, пригласил выступить в Горький, ДК Орджоникидзе. Пригласил значит надо ехать, взял у Гены Болтунова чешский СГ Jolana

Superstar, сел в автобус, поехал. Сказать что я там переволокновался – ничего не сказать, я просто одеревенел, после меня выступал Саша Гречухин с Колей Бадуккиным, уже тогда джазовые корифеи Горького, у Саши был Ibanez Artist, и всё остальное на высоком уровне, я не мог адекватно их воспринимать, отбрыкал с грехом пополам своё, и мне хотелось скрыться. А открывал концерт биг бенд ММК под руководством Александра Дубровского. Ни с ним ни с Гречухиным я тогда не познакомился, наши пути пересекутся много позже.

Слава оставил меня ночевать у себя, вечером сидели у него на кухне, были ещё Семён Подкар, Гоша Винокуров, ужинали, слушали Earth, Wind & Fire, но я больше прислушивался к себе и понимал, что вопрос – что делать дальше – не то что не решён, а должен решаться из другой отправной точки.

*****

Параллельно с разбором этих пьес из сборника всеми возможными тогда способами пытался заполучить максимум литературы, благо в этом же сборнике был указан внушительный список книг, использованных при составлении. Основными учебниками стали "Техника джазового аккомпанемента" В. Молоткова и "Джазовая импровизация на гитаре" А. Манилова и Молоткова. Причем первую мне сначала выписали откуда то в центральную библиотеку, без права вы-

носа, тогда я пригласил фотографа Юру Ракова, он принёс штатив, лампу, и страницу за страницей перещелкивал, прямо в читальном зале.

По аккордовой технике в прогрессивной аппликатуре особых вопросов и затруднений у меня не возникло. Что касается импровизации, то дальше игры гамм посредством арпеджио соответствующих септаккордов в пяти позициях я не продвинулся. Во-первых было понятно, что дальше всё гораздо сложнее, во-вторых уже этого было достаточно на данном этапе, достигнув определённой свободы, обреталась абсолютная независимость от тональности и от позиции на грифе. Всё это касалось диатоники, то есть для обыгрывания минорных тональностей и maj7. С пентатоникой предстояло знакомиться по новой несколько позже. И то что диатоникой обыгрываются любые лады, принимая за тонику разные ступени, я тоже допёр спустя какое то время. Надо ли говорить о том, что гитару тогда я не выпускал круглосуточно, и бывало обыгрывалось всё подряд без разбора, что звучало из телевизора и тд, на электрухе как на тренажёре, не мешая домашним.

Музыкальный молодёжный клуб, ММК, при ДК им. С. Орджоникидзе одним из основных направлений своей работы ставил концертную деятельность. Концерты Российских джазовых исполнителей происходили постоянно. Из тех, на которых я был, запомнились Александр Старостенко и Владимир Чекасин. Александр Старостенко, мой ровесник, ле-

нинградский джазовый гитарист, с эстрадно джазовым отделением по гитаре ленинградского музучища за плечами. Его работа в трио, с басом и барабанами, была безупречна и являла собой то, к чему я стремился тогда.

Но мои попытки собрать минимальный состав в Арзамасе не увенчались успехом, идеальным конечно был бы, квартет, с расчётом на Тюрина и Станиловского, сакс, гитара, бас, барабаны, однако по разным обстоятельствам не случилось.

Ещё тогда, на кухне у Уланова, как желательные факторы моего дальнейшего развития, высказывались советы познакомиться с Игорем Васильевым и Юрием Дмитриевским. Первый, мультиинструменталист, гитарист, флейтист, давал частные уроки, в том числе и по джазовой гитаре, второй преподавал в культпросвет училище на Бору теоретические дисциплины, был знатоком джазовой гитары, кстати, одним из составителей сборника "Гитара от блюза до джаз рока" и автором большой вступительной статьи.

Игорь Васильев принял у себя на Родионова доброжелательно – снисходительно, с уроками не отказал, однако дальше дело не пошло, то ли по моим неувязкам со временем, то ли по его, не срослось.

С Юрой Дмитриевским общение было продолжительным, приезжал к нему в Кузнечиху много раз. Море интересной и необходимой информации, записи, ноты, минусовые фонограммы и тд., кроме того, как оказалось, Юра был неплохим гитарным мастером, а вопрос инструмента стоял очень

остро. Вобщем заказал я ему инструмент, после обсуждений сошлись на том, что это должно быть что-то типа моего на тот момент эталона, Ibanez Artist, отдал предоплату. Прошло уже аж полгода, шла весна, а дело не двигалось. Я терпеливо ждал, но вот как то летом звонит Олег Антошин, говорит, в Павлове продаётся Ibanez Artist, через Олега Шалаева, можно ехать смотреть. Сели, поехали, потусовались с Павловским Кредо, лишь поздно вечером нам в полутёмном подъезде вынесли гитару, посмотрели, почти из рук жены владельца, его самого не видели, вроде как на северах в ресторане работал, типа от гитариста Джо Дассена попала к нему, всё понравилось, договорились через две недели забрать, без кофра за 2800. За две недели надо было собрать эту сумму. Помогли родители, любимая тётушка из Свердловска, и надо было забирать предоплату у Дмитриевского. Юра конечно не ожидал такого крутого поворота, когда утром я предстал перед ним с этим, но деньги к вечеру принёс, куда договорились. В Павлово я уже не успевал, уезжал с семьёй в Алупку. Отдал деньги Антошину, чтоб он отвёз их и забрал гитару. Интересно, что до этого я уже бывал в Павлово, и тоже не предмет покупки гитары. Ездил к Валере Балашову, смотрел тогда НВ, японский лес пол, ещё что то, в общем гитарный город был.

Всё получилось, через две недели я приехал, дома у родителей меня ждал мой Ibanez Artist, модель 2672. Сбылась мечта, уточнять кого не будем.

Ну коль скоро в руках у меня появился профессиональный инструмент, сам бог велел как то на нём начать зарабатывать, как тогда говорили "отбивать" его. То есть впрягаться в некий халтурный прожект, да и как то соскучился я уже по музицированию, то есть был готов.

Захаживал я тогда время от времени в ГДК, в гости к Рок-компании Автор (Саша Шерстнёв, Вася Чернов, Серёга Корешков, Вадик Коряжкин, и Серёга Лисин). И как то раз слышу, из соседнего с 8-й музыкальной комнатой хореографического класса, доносятся звуки ф-но, кто-то довольно таки приятно наигрывает что то приджазованное, достаточно технично, грамотно и резво. Я у музыкантов осведомляюсь, мол кто такой, дак это ж, говорят, Володя Молодкин, аккомпаниатор у танцоров, после горьковского музучилища, правда по баяну, в простонародье Борода. Без особых церемоний захожу, привет – привет, слово за слово, сыграй так, сыграй сьяк, а вот так, а потом так и тд и тп, короче зацепились, нашли общие музыкальные точки соприкосновения, и выразили обоюдное желание совместно помузицировать, тем более что у Бороды уже был в связке вокалист Толик Гусев и даже некая база в Красном уголке СУ-7 на Ступина, за памятником Марксу.

Там же примерно недели уже через две мы сыграли небольшой сет из вещей 10 на каком то их мероприятии. Молодкин на самоиграйке, я на гитаре, Гусев – вокал. Репертуар старались подбирать со вкусом, Хоралов, Саруханов, Се-

ров, Корнелиук и тд, чтоб и нашим и вашим. И однозначно с дальним прицелом в последствии начать делать авторский материал, все фанатели по Chicago; Earth, Wind & Fire, в таком духе. Долго мы в этом СМУ не задержались и вскоре, то есть осенью 88-го, перебрались в Луч, Севастопольская 15, к Саше Ерофееву, это была уже реальная, хорошо обустроенная база. Гусев предложил название Джем.

1988 – 1991

И понеслась. Наверное мы тогда являли собой типичный пример группы "на взлёте". Музыкальные идеи захлёстывали, репетиции бесконечные, бесконечные разговоры о том, какую крутую музыку мы будем делать и тд, соул, фанк захватывали всё больше и больше. Невзирая на, естественно, ограничивающие возможности самоиграйки, брались за, казалось бы, неосуществимые на ней композиции, как например Soul Shadow из Crusaders. Первая авторская вещь была примерно в этом же ритме, этакий вальяжный присвингованный соул, минорный блюз на стихи, попавшиеся где то, местного поэта Николая Рачкова "Сохраните себя".

Вообще блюзовая форма никогда не оставляла меня равнодушным. Блюзовый квадрат представлялся мне каким-то органичным и самодостаточным образованием, чем то сродни, скажем, сонету, или онегинской строфе. Период, заключающий в себе начало, развитие, кульминацию, заключение и подготовку к следующему квадрату.

Поскольку стихов никто из нас не писал, оставался вариант подбора уже написанных кем-то. Таким образом перелопачивались тома и тома поэтической литературы, от античности до современности. Именно тогда я открыл для себя Игоря Чурдалёва, отобрал на будущее несколько его стихов.

Забегая вперёд скажу, что видел много раз его на своих концертах в конце 90-х и в нулевых, в основном в Джем Престиже, но так и не познакомились, к большому моему сожалению, один раз как то оказались за одним столом с Сашей Шишкиным, перекинулись парой фраз ни о чём и всё, очень жаль.

И конечно всем нам тогда казалось, что вот если бы наши песни были бы на английском, то успех был бы обеспечен автоматически. Потом будет и такой опыт, но обо всём по порядку.

Все мы отлично понимали, что самоиграйка, да ещё тех времён, типа Yamaha PSR , это мера вынужденная и временная, и настал момент – появилась полноценная ритм секция, и ритм секция не слабая, а возможно из лучших в городе. Наш арзамасский Ian Price – Миша Пыхтин и басист, человек думающий по – басовому, так называемым “низовым” мышлением, Саша Свистунов. И вроде как новогодние вечера мы уже с ними работали, Ерофель за пультом. А там и начали подготовку к Весне – 89.

Из этой программы помню три композиции. Опять таки минорный блюз на 5/4, на который очень хорошо лёг текст стихотворения Остров Рождества, автора к своему стыду забыл. Стыд и позор.

*Романтичный город Сан Франциско,
С детских лет закутанный в туман,
Я тебя не видел даже близко,*

Мне мешает Тихий Океан.

Затем такой плотный, жестко сбитый фанк на стихи Николаса Гильена "Струится время".

*Струится время молчаливо,
Как медленный поток ночной,
И гладит лоб усталый мой,
И грудь, где сердце еле живо.*

И наконец тягучая баллада, на стихи Игоря Чурдалёва "Зря ты пришла". Я отлично помню, что музыка на эти стихи, которые тогда уже были в голове, посетила мне в автобусе, когда мы втроём возвращались с концерта Сергея Манукяна в ДК УВД. Под впечатлением от его Summertime . Оставалось только добраться до гитары и сыграть.

*Зря ты пришла провожать на вокзал,
Комья признаний забили мне горло,
Самого главного я не сказал,
Были лишь жесты сквозь стёкла вагона*

Да, так получалось, что идеи этих вещей приносил я, Борода правил, дополнял, чистил, добавлял струнные, духовые, делал подробную аранжировку, когда дело доходило до ритм-секции, они блестяще делали свою работу, подкладывали под эти масло, сыр и ветчину хороший кусок хлеба.

С этой программой мы опять стали лауреатами на Весне. Но времена менялись. И я видел, что часть публики была недовольна тем, что именно нам профессиональное жюри отдало лауреатство, а не Рок – Островам из Ворсмы. Кстати

рока у них тогда было гораздо больше, чем потом.

Где то у кого то осталась аудио запись нашего выступления, потому что кассету потом кто то отвозил в Москву, кому то показывал и говорил, что нужно студийное качество. Я про то, что очень и очень было бы интересно послушать это сейчас.

Потом были опять выпускные, а потом Гусев и Ерофеев поцапались, и мы ушли из Луча.

К тому времени команда Автор в ГДК по сути представляла собой безжизненные осколки, ни состава, ни программы, мы просто пришли к директору, предложили свои услуги, и обосновались в 8-й комнате. Ну да, конкуренция как она есть.

Пыхтин со Свистуновым в ДК не пошли, Свистунов был человек Ерофеева, а Миша не видел денежных перспектив.

Значит нужна была опять самоиграйка, но запросы выросли, и менее чем на Roland D-20 мы ни на что не смотрели. Здесь конечно Вова Молодкин опять проявил свои качества дельца. Опять, потому что ещё будучи в Луче, он выцепил Ямаху dx-11, и они с Гусевым мотались за ней аж во Львов. Оттуда позвонили, сказали не хватает, срочно высылай ещё. Помог секретарь горкома комсомола В. Елисеев. Ну что, сказал он, дело доброе, открыл сейф, достал пачку, я пошёл на телеграф и отправил деньги им во Львов.

Вообще какие то сделки, проделки, где надо было с кем то что то перетереть, обстряпать, утрясти, это было поприще

Бороды. Глаз у него загорался, и весь он приходил в возбуждение от предстоящей комбинации.

Короче после нескольких его походов, то к директору дк, то в отдел культуры к Анне Моисеевне Родиной, то в бухгалтерию отдела культуры, поехали мы с ним в Горький по каким то адресам и явкам, я, если честно, слабо в это вникал, он всё твердил про наличные, безналичные, безналичные, наличные, короче Роланд привезли.

"Морёный дуб".

Прибился к нам паренёк, скромный, немногословный, приходил на репетиции, тихо сидел, слушал, смотрел. Интересовался, сколько это стоит, а это, а вот это. А потом и говорит, дескать хочу в вас вложить деньги, купить вам аппарат, инструменты, студию. Естественно вопрос, откуда деньги. Деньги, говорит, не проблема, мы с отцом водолазы, работаем на шведскую фирму, добываем в Мордовии морёный дуб. Контракт на такую то сумму. Называет цифру, достаточную для десяти самых крутых студий, что мы могли представить, а может пятидесяти. Пишите, говорит, смету. Раз сказали, мы давай писать смету, день пишем, два, неделю, аппетиты растут, и он приходит, корректирует всё в сторону увеличения, не надо, говорит, мелочиться, самое лучшее будем брать... Ну и в итоге как он появился, так и исчез, материального ущерба не нанёс, слава богу. С тех пор какие то неправдоподобные обещания и

просто неправдоподобную ситуацию стали называть “морёный дуб”. Неокрепшая психика, понятное дело.

Ну так вот привезли Roland D20

и опять всё завертелось закрутилось, на новых оборотах и с новыми красками. Присоединился ещё один клавишник Юра Синегубкин. Всё начало вставать сугубо на коммерческие рельсы. Сменился директор ДК, пришёл бывший начальник шатковского отдела культуры и поставил задачу культурно обслуживать весь юг области.

В довершение всего явились три грации. Подтанцовка. Это было очень актуально, и очень повышало ставки. Граций звали Элла Приходько, Наташа Кочешкова, Таня Беднякова. Все вместе Ритм – балет Виктория. Поначалу, первые два – три раза была ещё четвертая, высокая блондинка, которой Приходько говорила: тебе танцевать не надо, ты просто ходи, и она ходила, было достаточно, четвертую грацию звали Татьяна Сорока, вскоре она перестала появляться, куда делась не знаю.

Первая поездка в таком составе была в Первомайск. Надо было видеть тот эффект, который производили девушки, уже выходя из автобуса. Народ бросал всё и стремглав бежал за билетами.

Больше в жизни столько концертов не было как в это лето. Случалось два в день. То, что нормой было отыграть концерт в зрительном зале, а потом танцы на улице или в фойе, это

понятно. Но бывало и не в одном месте, а, скажем, днём в Гагино, орен air, на кузове грузовика, раскаленном как сковорода, без козырька, помню было ощущение что обувь плавится, а вечером Лесогорск. Везде разгрузить загрузить аппарат, по возвращении на базу еле ползали, но молодые организмы восстанавливались быстро. Однако Синегубкин сошёл с дистанции.

Музыкантов стало опять трое, три танцовщицы, звукреж, световик, конференсье, потом появились грузчики, потом Сергей Корешков на саксе. Вот такой колхоз. Да, ещё водитель штатный Кубани ДК-вской, ему доплачивали с концертов. Вообще была разработана определённая система оплаты, типа коэффициента трудового участия, у каждого свой, работали по договору с отделом культуры, плательщик если платил безнал в бухгалтерию, они нам потом выписывали наличные, что то там удерживая конечно.

То есть как то весь этот концертный процесс был поставлен на поток, в том числе не без помощи харизматичнейшего администратора горьковской филармонии Сергея Николаевича Константинова.

В то же самое время, параллельно, не прекращаясь шёл процесс работы над авторским материалом. Непосредственно музыкантская работа была поставлена таким образом, что на D-20 мы с Бородой работали вдвоём. Было чёткое разделение функций, я отвечал за ритм секцию – бас, барабаны, перкуссия – всё это прописывал я, начиная с халтурной про-

граммы, всё остальное программировал Владимир.

Процесс был настолько захватывающим, что произошло невероятное, я вообще перестал брать в руки гитару. И не мог оторваться от секвенсора. Готов был сидеть буквально с утра до вечера, и спать с ним в обнимку. Да, как гитарист я тогда возможно не развивался, тем не менее преуспевал в другом, постигал что такое аранжировка, что такое грув, и как он делается.

Следующий блок авторских композиций строился от Гусева, что было вообще то логично, вокальная линия на поверхности, она впереди всего. Толян напевал некую рыбу, вокальную тему, я начинал облекать её в гармонию, ритмико – басовую структуру, а потом дошёл и до текстов. Да, мало помалу как то вошёл во вкус, и дело пошло. Молодкин был особенно повернут на Чикаго, поэтому то, что он накидывал на ритм – секцию так или иначе вызывало прямые ассоциации, никто не спорил, ибо это было хорошо. Разве что духовая секция была цифровая, сначала.

Но пришло время, появилась и аналоговая, натуральная. Серёга Корешков, вроде как он, привел саксофониста альтиста из Горького, Андрея Вшивкова, сына известного музыканта, бэндлидера, на тот момент главного дирижёра оркестра цирка Никулина, Рудольфа Вшивкова, уроженца Арзамаса, как я понимаю, поскольку с Тюриным они были знакомы с молодости. Андрей и сам уже имел большой опыт профессиональной работы, обладал хорошим звуком, и ве-

ликолепно импровизировал.

Трубача найти было нереально. Тут надо конечно понимать, что человек должен быть близок идейно, не случайный. Трубача не нашли, а тромбониста нашли, им оказался Вадик Прохоров, который прежде на тромбоне не играл, но очень хотел. То есть тромбон, тенор Сакс, альт сакс, верхушку играл Борода на клавишах. Ну как то так.

С базы мы практически не уходили с утра до ночи. Бывало так, что приезжали с халтуры под утро, но не расходились, включали аппарат, негромко заводили болванки и что то обсуждали, корректировали. Репетиции походили на мартеновский цех во время плавки. Правда я там никогда не был, но видел в кино. Гусев мог позвонить ночью, с базы, в микрофон в колонки, с реверберацией что то пробазлать и добиваться немедленного ответа, нормально это или нет. Он тогда не пил совсем. В общем коллективное сумасшествие.

На Весне 91 был абсолютный фурор, признанный и публикой и музыкантами всех рангов. Безоговорочное гран – при. Эти три композиции, Зеркало река, Город, Париж – Даккар, сильно отличались от того, что было тогда на нашей эстраде, и актуальны до сих пор.

Конечно всё это повествование носит сжатый по времени характер, естественно всё не расскажешь. За эти два почти года ритм – балет наш претерпевал регулярные ротации. Первая пошла на повышение и оставила проект Наташа Кошечкова, затем уехала в Москву Приходько. К весне 91-го

она уже примерно с год работала у Шуфутинского, то ли на подпевках, то ли на подтанцовках, то ли вместе, она умела и то и другое.

Вскоре после нашего триумфа она появилась в городе и объявила нам, что надо ехать на студию писаться, студия готова, есть где взять деньги на 40 часов, и есть где жить, у неё в Медведково.

Да, откладывать не было смысла, пока материал в руках, на подъёме, собрались и поехали.

Дальше командовала всем она, Элка. То есть утром мы приехали с поезда к ней, попили чаю, и по её раскладу все, кроме нас с ней, должны ехать на студию, по-моему на Подбельского, сейчас не помню, но это типа бывший небольшой дк, и в нем много студий, вроде Рекорд. И ждать там нас. Потому что денег пока не было. Потом всё было как в кино. Но не про сталеваров. Про шпионов.

Мы с ней поехали на Красную площадь, в гостиницу Москва. К главному входу. Мне было сказано ждать здесь, на улице. Кругом сновали серьёзные дяденьки в хороших пиджаках с депутатскими значками. Ждал я минут 20 – 30. Выходит, кивает, мол пошли. Спрашиваю, как дела, опять же молча открывает сумочку, показывает пачки купюр. Это кино повторялось каждое утро, что мы работали на студии. То есть чтобы начать работать, надо было заплатить за смену, чтобы заплатить надо было ехать в гостиницу Москва за деньгами. Было запланировано 4 смены, должны были всё

успеть. На самом деле мы готовили четыре песни, но в итоге записали три. Зеркало река, Город, Париж – Дакар.

Работал с нами Сергей Логоткин. Высокопрофессиональный звукорежиссёр, очень тихий, собранный, корректный молодой человек, лет 38-и навскидку.

Очень много времени заняла перегонка партий с D-20 и подбор звуков, тембров с более серьёзных приборов. Естественно ни одного звука нашего роландовского не осталось, но знающие люди как-то всё равно догадываются, что писано на D-20.

Затем вживую писали дудки, гитару, которая там представлена более чем скромно по вышеназванным причинам, вокал, бэки. Всё состоялось без каких либо осложнений. Сергей даже отметил, дескать надо же, люди подготовленные приехали. В соседней студии писалась группа Суровый февраль, чуть ли не месяц.

Толян всё выдавал почти с первого дубля, духовики выстраивали пачки, Андрюха на саксе отжигал солешники. Сергей попросил на клавишах продублировать уже забитое в болванку клавишное соло, в Городе, то есть сыграть вживую идеально в унисон с уже имеющимся, добавить аутентичный тембр с какого то древнего Юпитера. Там в темпе 130 шестнадцатыми. Борода всю ночь не спал, гонял его в наушниках, на коленках в коридоре. В итоге не подкачал, внедрил пять капель коньяку, рассыпал бисером как росу с куста, и опять заполировал.

“Теле шоу Жди меня”.

Забавный случай произошёл со мной в Москве в те дни. У Гусева мама жила тогда у какой то своей престарелой родственницы и ухаживала за ней, бабушка лет 80-ти. Толян говорит мне, надоел этот вокзал, поехали хоть нормально поужинаем, посидим чаю попъём, в нормальной обстановке, мать приглашает. Ладно, поехали. Огромная коммуналка на площади Ногина. Всё хорошо, поужинали, сидим смотрим телевизор. А дело происходит аккурат на 9 мая. По телевизору показывают как в разных городах СССР началась война, бомбят Ригу. Я внимательно смотрю, потому что мой дядя, хоть и не родной, а муж сестры моего отца, был лётчик, и в первый день войны в Риге был серьёзно ранен. В семье это было известно.

Тут хозяйка, эта бабушка, не отрываясь тоже от экрана, как бы про себя, произносит :

– да, вот и брата моего в первый день войны ранило в Риге..

Я так внутренне подсобрался, но молчу.. Далее она продолжает:

– авиатехник был..

Я всё ещё молчу, но еле сдерживаюсь. Следующая её реплика :

– Иван Иванович Дёмин...

Да, это мой дядя, и я уже начинаю осторожно говорить:

– а вы знаете, Иван Иванович Дёмин – это мой дядя, и тоже авиатехник, и тоже был ранен в первый день войны...

Бабушка повернулась ко мне, просканировала меня внимательным взглядом в течение трёх секунд и выдала:

– так ты Славин сын?!..

Вот случайно зашёл в гости в Москве, такое шоу Жди меня.

Студийная работа была закончена, нам вручили бобину, с двумя вариантами мастеринга, и минусовой фонограммой. Мы вернулись домой. И опять те же люди, что и с записью 89-го года, повезли это в Москву, и вскоре последовал ответ, что нас ждут на радио SNC, чтобы участвовать в прямом эфире с трансляцией наших записей.

Поехали мы с Бородой вдвоём. И тогда и сейчас наши кассеты попадали к Сергею, он работал на телевидении, сейчас не помню на каком, интересовался музыкой, имел какие то знакомства. Жил на Нагатинской. Когда мы к нему заявили, он удивился, что мы приехали сегодня, а не завтра, т.к. ведущий, который приглашал нас в эфир, будет именно завтра, и он оказывается говорил об этом. Ну ладно, можно и сегодня, но ведущий будет не тот, который хотел нас, а другой. Много говорили с ним про так называемую раскрутку и тд. Поехали на радио, в Зеленый театр в парке Горького. Всё прошло хорошо, крутили все наши песни, звонили люди, задавали вопросы. Запомнилось, что в середине эфира, в пе-

рерыве, в качестве фоновой музыки, ведущий, как он сказал, чтобы не выходить из темы, поставил Сильвер блюз Алексея Козлова, это польстило.

Чтоб это дело отметить пошли втроем в ресторан, и там этакое игривое настроение нас накрыло, что захотелось посмотреть, что будет, если вдруг официант подумает, что мы свалили не заплатив. Естественно никто не собирался так делать, просто все на какой то веселой волне вошли в кураж, придумали какой то план, но в итоге официант проявил себя молодцом в плане бдительности и культуры обслуживания, и мы довольные, что он прошёл проверку, расплатились, оставили чаевые и ушли. Но вечер не закончился. На выходе с Нагатинской, на Варшавке под закрытие метро уже расположился арбузный развал. Тут мы тоже не упустили возможность проверить бдительность продавца – сторожа, но и watermelon man тоже оказался на чеку, и мы, абсолютно радостные за работников сферы торговли и обслуживания, правда опять вынужденные спуститься в метро, проехать на следующую станцию и вернуться на Нагатинскую пешком, наконец то вернулись домой, как говорится усталые и довольные.

На следующий день мы с Бородой ещё где то мотались по Москве, не помню точно где, чего, наверное кассеты куда то возили, но уже не так весело было, как накануне. Москва начала 90-х это вам не seaside rendezvous. Кругом мелкая и покрупнее торговля, ларечники, наперсточники. И как то ясно

лично мне стало, что не хочу я сюда, а хочу отсюда. Но вслух ничего не сказал.

Вслух сказал Толя Гусев. По приезду домой тут вроде наметилась халтурка, и он встал на дыбы, для него это оказалось абсолютно невозможным, полное эмоциональное истощение. Я его отлично понимал, потому что тоже больше не мог выходить на сцену с эскадроном моих мыслей шальных и с атас веселей рабочий класс.

Позвонила Элка, звала выступить в каком то концерте в Москве с нашими песнями, но вокалист был полностью деморализован, что то мы думали, решали, спорили, кричали, в итоге не поехали. Борода уволился из ДК и ушёл на Автопровод, Толян просто как то изолировался и замолчал, духовики всё равно не были так плотно затянуты во всё это, им было проще. Мне Тюрин почти в приказном порядке велел устраиваться в музыкальную школу, но об этом и о другом речь пойдёт далее.

Больше к кавер исполнительству я не возвращался никогда.

И к секвенсорам больше не подходил.

1991 – 1995

После всего этого я ещё какое то время оставался в ДК с гитарной студией, попросту с кружком. В качестве ВИА там начала собираться компания, в которой были Жора Романюк, Дима Сонин и др. И параллельно всё таки ещё какое то время я продолжал там пользоваться D-20, писал фонограммы для вокальной студии Ирины Панюшкиной.

Дальнейшие события передаю очень схематично, ибо подробностей не помню. У жены Гусева, Людмилы, родная сестра была замужем в Болгарии, соответственно за болгаринном. Её муж с компаньоном приехали по коммерческим делам в Арзамас, с какими то предложениями для АПЗ. С этой целью Толян привёл их к Юрию Тюльпанову, в музыкальных кругах Юзефу, лидеру группы 8-й День недели (при том, что всей музыкой там рулил на тот момент Олег Антошин) и по совместительству тогда директору ДК Ритм, чтоб он их вывел на завод. Попутно, в разговоре узнав что люди серьёзно занимаются музыкой, они выразили заинтересованность в некоем музыкальном проекте, который они могли бы продвинуть у себя в Болгарии, на курортах Золотые пески. Сказали, месяца через два мы приедем опять, к этому времени нужна демо запись, ну и весь репертуар, хотя бы на два часа для начала, мировые хиты, на английском.

Таким примерно образом появился этот проект, конгломерат 8-го Дня недели и Джема, под кодовым названием “Болгарский вариант”.

Кинулись сколачивать репертуар, фонограммы делали на двух D-20 Олег Антошин и я. Вокалисты были Коля Лапин, Володя Трифонов, Толя Гусев, не помню, пел ли Юра Тюльпанов, английский язык не его прерогатива. Илья Гуревич записывал демо материал с вокалом. Гитаристы соответственно. Морозов, Антошин.

Болгары так и не приехали, походу испугавшись такой тучи участников концессии, а в этом эксклюзивном составе мы сыграли один единственный полноценный концерт, на паперти, то есть на крыльце МАИ, теперь НГТУ. Не помню по какому поводу, но точно знаю, что есть видеозапись этого концерта, которую было бы очень интересно лицезреть.

Я остановился на этом эпизоде, потому что в результате работы с этим проектом мы начали плотно сотрудничать с Олегом Антошиным.

Вообще мы познакомились давно, в 78-м году, когда меня взяли к Тюрину. Олег уже до этого был вхож в группу, ещё в “Темпе”, но как гитарист тогда не проявлял себя, учился в музучилище по баяну. Всё чаще и чаще приходил на репы, смотрел, вникал, где то уже и подсказывал мне что то, будучи музыкально образованным. Уважал Хендрикса. Мы были ровесники, во многом одинаковы, но в отличие от меня, по складу личности он был виртуоз. Когда я уходил в ар-

мию, осенью 82-го, начали вводить в состав его, и на моих последних, вроде двух, выступлениях мы играли с ним в две гитары.

А тогда, в 92-м в Нижнем Новгороде развивал всё шире свою деятельность Слава Уланов. Теперь всё чаще приезжали джазмены из Европы и Штатов. Так сложилось, что аппарат он постоянно заказывал у Тюльпанова, соответственно с Ильёй Гуревичем за пультом. Потом, когда в Ритме уже появился другой директор, 8-й День тоже благополучно закончился, и появились другие поставщики аппарата, Гуревич неизменно оставался звукорежиссёром всех джазовых событий Нижнего Новгорода. Мы были на подхвате, (я , Олег, Стас Прохоров, как то раз с нами в гостинице вдруг оказался Тимур Дворкин), типа обслуживающий персонал, смотрели, слушали, мотали на ус, как делается настоящая реальная музыка

Наиболее ярким в этом плане событием, который явился как бы поворотным моментом для нас, стал концерт голландской рок – группы Walking Tall.

И хотя голландцы играли далеко не блюз, а рок, где то и припанкованный, сырой, совсем не виртуозный и как бы не аранжированный, оба мы, насмерть отравленные зааранжированностью, после этого концерта уже абсолютно точно поняли, чего мы хотим. Тогда мы это называли ритм-энд-блюз. До примитивизма, граничащего с космической ясностью и простотой. Блюз, который всегда манил, вытеснил из гори-

зонта всё остальное. И гитаризм. Две гитары и ничего более кроме ритм – секции. Казалось бы такая понятная и очевидная идея, но путь к ней оказался непростой и не прямой.

Какое то время прежде чем появился живой состав, мы набивали руку опять таки под секвенсорную ритм – секцию, это были по сути экзерсисы. Гитарные и вокальные. Поначалу я предлагал, пусть Лапин поёт, но Антошин категорически был против и настаивал на моём вокале, памятуя о его любви к Хендриксу, можно предположить, из каких соображений. У Ильи Гуревича на полке эта бобина с нашими записями называется *mr. First & mr. Second*.

Вскоре ритм – секция явилась. На басу конечно Саша “Семён” Свистунов, других вариантов не видели. Барабанщик приехал из Дзержинска. Сергей Лебедев, профессионал, работал в филармонии с группой Времена года, приехал по приглашению Олега, я не был с ним знаком. Драммер с прекрасным ощущением грува, смачным битом и подачей ритма на кураже.

И это был пока ещё не блюз, а авторский материал, на английские тесты Сергея Авилова, который писал сходу на ритмическую рыбу, и на предложенную тему. Всего в его каморке в мезонине деревянного особняка на углу Ильинской и Сергиевской под мои напевы было написано двадцать текстов. Но мне хватило спеть примерно три – четыре, чтоб начать понимать, что фирменные тексты произносить, артикулировать приятнее, и значит на ухо они ложатся вкуснее. У

него была привычка ставить выпитую бутылку себе на лоб, и считать сколько продержится.

В этом составе снялись на видео для Дзержинского телевидения летом 93-го. На YouTube есть. Далее Лебедев пропал, и вскоре мы узнали о его трагической гибели.....

Пригласили Сергея Паригина, всё понравилось, и было видно, что парень вдумчивый, прогрессирующий и заинтересованный. Главным критерием тогда было умение правильно свинговать, и, стало быть, делать шаффл.

Мысль про фирменные тексты окончательно и бесповоротно привела меня к блюзу, точнее к блюзовым стандартам. Где все тексты уже давно написаны. Примерно тогда же в руки попала двойная пластинка Блюз в России 92. Live с блюзового фестиваля в к/з Измайлово 92 г.. Вот, говорил я себе, уже всюду в стране идёт блюзовая жизнь, фестивали, группы, концерты. Всё, ждать уже было нечего, даже по центральному ТВ прошла реклама Arbat Blues Club. Блюзовый котёл внутри уже кипел всюду.

Однако не все звёзды сходились на небосклоне. Олег с Ильёй всё чаще стали ездить на студию на Заярской, и всё меньше интереса к блюзу я видел в глазах партнёра, видимо другой проект занимал его больше. Необходимо было принимать решение, Олег в нашем дуэте играл первую скрипку, мне надо было набраться духу, чтоб взять всё на себя, и вокал и сольную гитару. К тому времени я уже крепко сидел на SRV, и как когда-то спал с секвенсором, сейчас то же самое

было с гитарой, было ощущение, что я учусь играть на гитаре в третий раз, с начала. Второй раз был с диатоникой, сейчас с пентатоникой, где разнообразия, нюансов, характерной фразировки было непаяханное поле. Фразы, блюзовые гитарные идиомы, надо было закачивать на подкорку, позиционно переосмысливать гриф, заставляя одни и те же ходы, но в разных позициях и соответственно в разных аппликатурных ситуациях звучать иначе. Примерно как это было и с диатоникой, но теперь гораздо характернее. И пересаживаться на Страт.

Что будет сделано примерно через год, у братьев Кац. И полностью перевернёт мои представления о блюз – роковом гитаризме. Сама философия этой гитары, то, как она расположена на теле, развесовка, то, как схватывается гриф, его толщина, его вынос, предполагает совершенно другое отношение к игре, этого хищника надо взнуздать, именно тогда он откликается, огрызается. Правая рука должна именно шмалять по струнам, левая душить гриф, как змеелов сжимает горло змеи, раздавливая позвонки, с большим пальцем, перекрывающим басовую струну, а то и две. Именно это положение большого пальца обеспечивает силу ответной работы пальцев, производящих бэнд, которые как бы стремятся к большому, натягивая струну. Чрезвычайно трудоёмкая работа, даже для гитаристов, которые раньше этого не делали. Как правило их хватает поначалу минут на десять, дальше кисть отваливается. Естественно меняется звук, фразиров-

ка, расстановка акцентов и всё остальное.

Всё это будет через год, с вишнёвым американцем 89-го года. А тогда, возвращаясь к мыслям о составе, формат трио не рассматривался, просто потому что я бы не потянул. Второго гитариста на горизонте не было. Зато был клавишник, Тимур Дворкин, молодой человек по настоящему одержимый джазом и музицированием. Только закончил музучилище, ездил на частные уроки по джазовому фортепиано в Нижний, пришёл в школу по настоянию Тюрина, на эстрадное ф-но. К тому же очень убедительно показал себя в группе Ковчег, со своим авторским материалом и как вокалист. С жаром воспринял блюзовую идею, и всерьёз загорелся. Оказалось, что это ещё интереснее. Гитара и орган, инструменты самой природой предназначенные друг для друга, и очень надо постараться, чтоб они начали конфликтовать между собой. Не говоря уже о классичности этого формата.

В феврале 95-го мы начали репетировать в составе Морозов, Дворкин, Свистунов, Паригин. Репетировали то в школе, то в Луче, а 1 апреля этим составом впервые сыграли на юбилее Группы Товарищей в Юджине. Там же в качестве гостей была московская группа Кукуруза, Юра Пальмов сказал, пишите демо, как будет готово, звони мне, есть где это играть в Москве.

Дему записали в мае, я позвонил, он сказал приезжай. Три дня я жил у Юры, пока не пристроили кассеты в нужные места. Основной целью конечно был Arbat Blues Club. Ещё

главные точки, где играли блюз были В.В. King и Armadillo. Саша Царьков, директор АВС, слушал очень внимательно, в концертный аппарат в зале, на приличной громкости, какие то моменты прокручивал по два раза. После прослушивания повернулся ко мне с вопросом: где же вы раньше были?!. В том смысле, что сезон кончился, следующий начнётся в сентябре, и что он готов хоть сейчас поставить нас на любую дату. Решили что лучше будет созвониться в августе. Еще заметил, что название Джем несколько нарицательное, и на афише можно не понять, то ли джем сейшн, то ли группа. Там же и решили, что это будет написано как J.A.M.

1995 – 1996

Впереди было лето для подготовки полноценного концертного репертуара и хоть какой то игровой практики в новом составе с новой программой. Никто и не ожидал что в Арзамасе будет спрос на ритм-энд-блюз, и нас завалят предложениями, два – три выступления вроде случилось, и спасибо. Что касается репертуара, то на этом остановимся поподробнее, так как наш подход к репертуару, который начал формироваться в течение примерно двух предшествующих лет, во многом определил индивидуальность проекта.

Опять ключевым фактором явилась провинциальность, и связанный с этим недостаток информации, конкретно записей блюзовых исполнителей. Была перелопачена вся коллекция Владика Воронина, увы, кроме Клэптона и Humble Pie у него с блюзом зацепиться было не за что. Да и с этим работать я бы не стал, первый мне представлялся слишком хрестоматичен и расхож, почему то уже тогда я понимал что не буду играть например Nochie Coochie Man, вторые были слишком концептуальны, индивидуальны, и с блюзовыми стандартами там было туговато, в основном авторский материал. Изучалось и анализировалось всё, что попадало в руки и было связано с блюзом. Жора Романюк привёз от брата, меломана и любителя блюза, записи Стиви Рэя Воэна. Это

было настоящим открытием, по гитаризму явилось неким образцом, и велико было искушение играть весь материал Стиви Рэя как он есть, без изменений. Однако было понятно, что как гитарист я не дотягиваю, и в связи с этим появилась установка, что прямое копирование версий каких то блюзменов это не наш путь, а целью является найти свой подход к блюзовым стандартам. На основе дуэта гитара и орган, то есть не корневой деревенский аутентичный блюз, а ритм-энд-блюз, точнее блюз – рок. Космополитичная реинкарнация жанра, открытая британцами всему миру в 60-х, и принятая всем миром. Как воздух нужен был исходный материал, стандарты.

И тут опять подтвердилось, ничто на земле не проходит бесследно. Не выходя из собственной квартиры, был обнаружен поистине клад в виде почти 20-ти сантиметровой стопы листов, перепечатанного сборника 1000 Standarts, доставшегося мне от Юры Дмитриевского. Это была находка века. Конечно львиную долю всего содержания составлял джаз, но вот внимательно присмотрелся уже предметно и нашёл всё, что нужно. Jimmy Reed, Willie Dixon, Sonny Boy Williamson, Robert Johnson, Howlin Wolf, Otis Rush – и это не полный список апологетов жанра, обнаруженных в сборнике. То, что я этих вещей вообще никогда не слышал, совсем не смущало. Из трёх составляющих, что было в этих нотах и подтекстовках – мелодия, гармония, ритм – наиболее важным оказался ритм, ритмика вокальных фраз, тесно увязанная с тек-

стом. Про гармонию думать было нечего, блюзовый квадрат и в африке блюзовый квадрат. Мелодия очень вариативна, если не сказать, что отсутствует в блюзе, в её песенном понимании. Неизменным и основополагающим остаётся только текст, который определяет ритмику. И конечно особый кайф заключался в свободе определения с ритм – секцией, с организацией грува.

То есть уже на первой нашей демо записи подавляющее большинство композиций я не слышал ранее, а есть такие, которые я не слышал никогда. Или проще говоря, инструментальная составляющая была авторская, в вокале это были блюзовые стандарты. Можно так или нельзя, вообще никто не задумывался. Достаточно долго вынашивал Double Trouble. Почему то этот текст ложился у меня в уме не на 12/8, как было указано в нотах и вобщем-то традиционно, а на 8, и на 12 никак не хотел петься, что как то смущало. Перестало смущать, когда я услышал версию Клэптона, естественно тоже на 12, и вот только тогда однозначно было решено делать на 8. То есть после того, как убедился в обратном, что 12/8 это не то, что крутится в голове. Особый кайф доставляло играть прямые биты, сухие, хлёсткие, у Семёна с Паригиным образовалась хорошая спайка в этом смысле, прокачивали очень крепко, упруго, и это стало определённой фишкой джемовского звучания. Killing Floor например, Mustang Sally, Walkin' The Dog.

В первых числах октября 95-го поехали играть в Arbat

Blues Club. Что было равносильно по значимости полететь в космос. Тогда это была блюзовая мекка Москвы. Мои партнёры до последнего не верили, пока нам не открыли железную дверь в Филипповском переулке, что мы приехали играть блюз. Клуб работал как закрытый, без вывески, дверь открывали по звонку. В обычное время там размещалась театральная студия, с полноценной сценой и зрительным залом человек на 100 – 150, вечером пятницы и субботы привозилось пиво, снеки, готовые закуски, разогреваемые в микроволновке, включались интерьерные прожектора, пространство преображалось, получался ночной музыкальный клуб, два концерта за вечер, в 20.00 и в 23.00. На второй концерт оставалось меньше народа, т.к. уже не успевали на метро, оставались до открытия или кто со своим транспортом.

В тот первый концерт на сцене мы были абсолютно деревянные. Как и вне сцены, в перерыве между сетями, в гримёрке, в качестве которой нам был предоставлен кабинет директора, ходили кругами, не в силах даже говорить между собой. Вроде как играли без лажи и срывов, но всё равно было абсолютно непонятно, туда мы попали или нет. Народ в зале был, принимали доброжелательно и с интересом, это было видно. Тут откуда ни возьмись в гримёрку заходит собственной персоной Михаил “Петрович” Соколов, его я опознал по фото с пластинки Блюз в России 92, с фразой обращённой ко мне: – у вас очень стильный вокал – дальше разговор продолжился, и как то столбняк отпустило. Следом за

ним Коля Арутюнов, тоже очень хорошо поговорили, оставил свой телефон, – звони, дам ещё наводку, где блюз поиграть. Второй сет прошёл полегче, но одеревенение ещё долго не пройдёт, концертной блюзовой практики катастрофически не хватало. После концерта ещё подходили музыканты, жали руки, отмечали драйв, и тд, в частности нестандартную игру клавишника. Царьков велел обязательно звонить по следующим концертам и дал миллион рублей.

Постепенно начали ездить на три концерта, ABC, Armadillo, В.В. King, где арт-директором был Сергей Воронов, с которым всегда находили взаимопонимание, и никаких проблем не было. Жили мы тогда, с подачи Гоши Евстифеева, в гостинице при общежитии Сахарного завода, на ул. Антонова – Овсеенко. От метро 1905 года на троллейбусе по Шмитовскому проезду. Это надо было видеть, как в 5 утра, к выходу из метро подъезжал первый промёрзший заиндевевший троллейбус, морозы стояли под 30, в него загружались четыре мумифицированных музыканта, на автопилоте выгружались, я, входя в номер, валился боком на кровать солдатиком, не снимая гитары со спины.

Вспоминается мини фест в ABC по поводу 3-х летней годовщины клуба. Зимой 96-го. Ну по сути это был и не мини фест, а полномасштабный фестиваль, марафон из групп, регулярно выступающих в клубе. Запомнились Stainless Blues Band с двумя яркими фронтменами, Петрович и Боря Булкин, при крепкой ритм-секции Паша Жданкин и Алексей

Попов, ветеран российского блюза лидер культовой группы 70-х Удачное приобретение Алексей “White” Белов, молодые и стилистически искушенные Dance Ramblers – Кир Гуцков, Дима Красивов, Рома Гегарт, аутентичные Blues Rhythm Section с харпером Александром Братецким, Сту Baby, тоже с блюз-роком, кантри – роковые Back, стоящие несколько особняком, фанковые Magic Pump. Было кого послушать и понабраться хорошего, зачастую складывалось такое ощущение, что московские группы играют очень правильно, очень выверенно стилистически, словно по учебнику, и бесспорно убедительно. Корифеев московской сцены Лигу блюза и Crossroads живьём я ни разу не застал, по записям это конечно было супер. Информация о фестивале прошла в центральной прессе, в статье среди заметных групп упомянули и нас.

В начале июня 96-го клуб закрыли, мы присутствовали при этом. Была некая тусовка из нескольких групп, не помню в честь чего, мы отыграли в bb, и должны были сыграть в ABC небольшой сет, дальше произошло совсем неподвиженное. Облава, милиция в форме и в штатском, тотальная проверка документов и всё такое, никого не впускать, не выпускать. Нас, как иногородних, без разговоров посадили в машину, меня, Дворкина, Свистунова. Паригин в тот момент находился не с нами непосредственно, поэтому избежал ареста. Повезли в отделение в Кривоарбатском, продержали пару часов в обезьяннике, с каким-то спящим пакистанцем,

приехал капитан, из дежурки доносилось:

– чего ребят задержали?..

– бу бу бу.. – дальше, глядя наши паспорта:

– Россияне, прописка... билеты в Москву.. так, билеты из Москвы.. между ними трое суток, как положено.. на выход их давайте..

К решетке подошёл сержант в каске и характерным жестом автомата, как на расстрел, показал на выход. Над арбатскими переулками начинало подниматься солнце. Как выяснилось в тот день случилось покушение на вице мэра Шанцева. Клуб закрыли примерно на две недели.

1997

Тем не менее, всё чаще и чаще приходили мысли о музицировании в Нижнем Новгороде. Полуторамиллионный мегаполис, со своей музыкальной историей, к которой и я имел скромное, даже можно сказать скрытое отношение, потому что начиная с 1979 года участвовал в ней, но не отвечивал, а внимательно смотрел, слушал и запоминал. С этой мыслью конечно подкатил к Славе Уланову, к кому еще, передал демо запись.

Но сначала была предпринята попытка вторжения на международную арену. Сразу скажу, вторжение не удалось. А если по порядку, то в первых числах декабря месяца одна тысяча девятьсот девяносто шестого года заселился в отель – пансион Шарлоттенбург, что на Гролманштрассе, между Курфюрстендамм и Савиньи Плац. В сумчонке окромя пары белья, пардон, кассеты с демонстрационкой, известное дело. Земляков, говорят, можно найти даже на Юпитере, в Берлине тоже нашёлся, воздушный гимнаст Серёга Шипунов, на тот момент работавший с цирковой труппой Перезвоны в ежевечернем эстрадном ревию во Фридрихштадтпаласе. Через пару дней он забрал меня из центра к себе на Шёневейде. Неделю я пожил в Берлине, погулял по рождественскому городу, посетил пару тройку клубов с музыкой, он же позна-

комил меня с одним парнем в клубной теме, тот с другим, в итоге привез домой контракт, шоколадного Деда Мороза, жене сапоги на опять входящей в моду платформе, дочерям по кожаной курточке, несколько толстых нотных альбомов с блюзами, несколько компакт дисков, в том числе саундтрек фильма Commitments Алана Паркера, который долго искал. Всё. Этот эпизод закончен. Контракт до сих пор где то валяется.

Уже с полгода было известно, что Тимур Дворкин, всем кланом с родителями и семьёй брата, уезжает на пмж в Штаты. Это должно произойти где то в январе 97-го. Тут позвонил Слава, он оценил материал и предложил выступить на значимом событии Легенды Нижегородского рока в конце декабря 96-го, в ТЮЗе. Это было последнее выступление с Дворкиным. Были многие, кого я помнил с 70-х, Второе дыхание, Алексей Смирнов из Время, Александр Розмари, были более ранние, кого я не мог помнить, Бригантина – Карл Хваталь, Виктор Комаров. Харизматичнейший гитарист из Пензы, начинавший в Горьком, Раф Губайдуллин, который, говорят, был даже упомянут в радиопередаче Голос Америки как заметный советский рок гитарист 60-х. Он играл с ансамблем Александра Шишкина, где также блистал культовый нижегородский барабанщик Лёва Тишин. Были и ещё неизвестные мне, новые, Хроноп, Последний Приют Димы Смирнова.

Уже имея за спиной, пусть небольшой, но опыт выступ-

лений на московской клубной сцене и репутацию драйвовой группы в московском блюзовом сообществе, как потом скажет Андрей Евдокимов (радиоведущий “Весь этот блюз”) – у вас на концертах хочется рвать рубаху на груди, – мы были абсолютно уверены в себе, сыграли примерно 20-минутный сет, с драйвом, куражом, были приняты аудиторией на ура, и заявили о себе на полную катушку. Потом был фуршет, тотальный плебисцит и всеобщее братание. Раф Губайдуллин, до нашего выступления, вообще не был настроен общаться с незнакомым гитаристом, но после не могли наговориться о примочках и тд. У него был самопальный девайс с большим зубчатым колесом сбоку для регулировки ногой, ни раньше ни после я таких не видел и не думал что такое может быть. У Хваталя был раритетнейший стратокастер санбёрст.

Вобщем море положительных эмоций, и ещё одна ступень подъёма. Слава пригласил на фестиваль Джаз России – 97, в апреле.

Тимур в феврале, как и было запланировано, покинул отечество. Погоревали – погоревали, да и опять занялись делом, благо что было с кем. Раздумий никаких не было, конечно за клавиши сел Жора Романюк. Не без сомнений в плане надёжности и постоянства, ибо какие то уже были звоночки, предостерегающие на этот счёт. Иначе партнёрство с ним было бы изначальным, поскольку хронологически с ним пересекались по музицированию раньше чем с Дворкиным. Парень всегда любил гулять сам по себе. Ну да ладно, надо

было по любому восстанавливать состав. По игре Жорж был очень хорош. В аккомпанементе так встраивался в грув ритмически, что ритм-секция превращалась в некий единый механизм, который катил всю телегу и вводил слушающего в резонанс с музыкой. В соляках играл более блюзово brutally, по сравнению с джазово утонченной игрой Тимура. При этом решили, что в Москве будет играть московский клавишник Артур Степанян. Есть видео с концерта в ABC от 2 февраля со Степаняном.

В конце апреля на Джазе России – 97 в Доме Актёра, уже можно сказать в ранге местных знаменитостей, играли полноценный сет. Это был дебют Георгия. Раскачали зал не по детски. Опять приезжал Раф, снова с квартетом Шишкина играл блюзово – джазовый блок, Бенсона, что то в таком духе. Вне сцены был не весел. А Слава еще накануне предложил после фестивального концерта сыграть вечером в новом интересном неформальном месте под названием Домик Петра. Как он рассказал, небольшой клуб, площадка, начинающая музыкальную активность, на которой недавно уже выступил блюзовый гитарист из Питера Валерий Белинов. Это воодушевило, что в Нижнем тоже появляется клубная сцена. Днём поехали в Домик, прикинуть рекогносцировку, нас встретил немногословный человек, который представился как Магадан:

- посмотреть?, смотрите,
- а где сцена?

– так вы на ней ...

– а... а мы думали, это прихожая...

Ну да, пространство вместе с барной стойкой было чуть больше хрущёвской кухни, но что делать, выбирать не приходилось. Тем более что во всём предугадывался какой то правильный настрой. После нашего сета в Доме Актёра, проникшийся блюз-роком народ стал массово собираться в Домик Петра, и я как то слегка забеспокоился за объект культурного наследия. В Доме Актёра и на саундчеке, и перед выступлением, и особенно после, всё время крутились под ногами два каких-то пацана, почти подростки, то подвинуть комб, то принести шнур, то ещё чего, везде норовили с чем то подсуетиться и пожирали глазами технические детали. Сразу после того как мы закончили, один, вытаращив глаза, произнёс:

– уменякильдейбыл

– чего?

– уменякильдейбыл

– чего чего ??

И так ещё пару раз, пока у него не получилось членораздельно – у меня Кильдей (Девлет-Кильдеев, гитарист) был в суперах., а теперь ты!, – затем пацаны взяли мой твидовый Blues De Ville и хотели волочь его непосредственно в Домик Петра. Того, у которого Кильдей был в суперах звали Гена Ульянов, второго Миша Русин. На тот момент они оба вроде ещё не были охвачены каким либо прожектором.

Это был эпохальный гиг, в Домике Петра. Народу набилось под завязку. Все были в настоящем ажиотаже. Блюз-рок, в клубе, с пивом, в тесном контакте друг с другом и с бэндом, всё это было впервые. Было много иностранцев, для них вся эта мизансцена паба с соответствующим музонам была привычной, они правильно себя вели, тащились, и остальные невольно также включались в действие. Это была новая модель времяпровождения, музыка не на концерте, и не в ресторане под российскую попсу, а пивной паб с блюз – роком. Танцевать было негде, одному мужчине досталось место непосредственно под тарелкой, левым крэшем, и каждый акцент Паригина поначалу болезненно отражался на его самочувствии, как рассказывал Илья Гуревич, наблюдавший за ним, а потом, по мере принятого Гиннеса и адаптации к шумовому фону, чувак даже пытался вносить свою лепту в ритм – секцию. В какой то момент желание войти в резонанс с музыкой оказалось непреодолимым, кто то встал на стол, его примеру последовали ещё, бармены забрались на стойку, все были на какой то общей волне, за которой угадывалось предчувствие нового времени, нового духа, новой свободы. Все тогда были уверены в этом. Для нас это было прямое попадание во время и в место. Мы попали в правильное место вовремя, не раньше и не после.

Началась эпоха Домика Петра в Нижнем Новгороде. Это место стало реально модным и популярным. Рулили там четыре кореша, выпускники Бауманки и МАИ, нижегородцем

из них был один, Вася Мартынов, остальные были кто откуда, Дима “Безумные стёкла” Наумов, Дима “Магадан” Шведов, Коля Панасенко. Что их заставило приехать в Нижний и открыть бар в подвале объекта культурного наследия, я не знаю. Круг завсегдатаев по социальной принадлежности и роду занятий был широк. От мелких торговцев и держателей платных туалетов до представителей иностранных инвестиционных компаний, шпионов Сороса, от криминальных пешек и ферзей до политиков, владельцы автосалонов, телеведущие, студенты, танцовщицы, учительницы, доктора, физики – ядерщики, математики, музыканты, художники, автослесари, бывшие военные, архитекторы, чиновники, работяги, путаны, олигархи, нищие и тд и тп, жёны, мужья, любовницы, любовники и дети всех этих людей. Их всех объединяло то, что они любили пиво, общение, не любили попсу, были открыты новому и хотели быть среди себе подобных.

Само собой для этой аудитории мы стали группой номер один. Началась новая страница, нижегородская. Именно здесь бэнд заматерел. Так закалялась сталь. Пахали в хвост и гриву. Как то сложилось, что в Домике еденедельные концерты были трёхчасовые. Плюс еще на фесте в Доме Актера подошёл человек с очень цепким взглядом и предложил время от времени играть в Рокко, Сергей Клементьев, понятно что там блюз-рок перед дискотекой никому не упал, но платили вдвое.

Также в тему вспоминается вечеринка в Луче в Арзамасе,

учинённая по случаю годовщины группы, просто поставили аппарат в фойе, пригласили буфет с пивом, поиграли, народу было прилично, в том числе были замечены персонажи, к музыке не близкие, в малиновых пиджаках. А где то через неделю в школу пришли человек пять короткостриженных молодых людей, в длинных черных кашемировых пальто, целеустремлённо прошли напрямик к моему кабинету:

– здравствуйте,

– здравствуйте,

– Анатолий Морозов?

– да, я,

– сообщаем вам, что вы теперь находитесь под крышей такого- то, если будут какие то проблемы, то можете это сказать, или обратиться напрямую,

– спасибо...

– до свидания,

– до свидания.

И ещё как то днём решили репетнуть в Домике, в день концерта там. Тоже заходят серьёзные ребята, садятся, пьют кофе, беседуют, мы играем. В перерыве один обращается к нам: ребята, а подарили бы нам вашу кассету?.. и добавляет через паузу: а мы вам пистолет подарим... Этот Евгений стал со временем конкретным фанатом группы, познакомился на концерте в Домике со скрипачкой и женился на ней. Забегая вперед, чтоб не забыть, потом играли на двух международных свадьбах, случившихся благодаря знакомствам на

наших концертах в Домике Петра. Голландец Вилфред женился на нижегородке, свадьба была в Москве в ресторане Суворов. Ну и в шведском посольстве тоже в Москве играли на свадьбе сотрудника посольства (и по совместительству барабанщика московской блюзовой группы) Ларса и Наташи. Я в поздравлении говорил, хотите устроить свою личную жизнь, ходите на концерты J.A.M.

Вскоре живую музыку в Бочке на Покровке замутил Ладос. Незабвенная моя тёща Мария Николаевна как то, по приходу моему домой, извещает: – тебе звонили, – кто?, – берёт листок, читает: – да какой-то Барбочка.. – кто !?.. беру у неё из рук листок, читаю: бар Бочка..

Так вот почти никогда тремя часами музыки дело не ограничивалось. Называлось играть “на шляпу”. По залу пускалась шляпа для сбора пожертвований ещё на час, и случилось, что потом ещё на час. Петь было просто нечем, бывало ощущение что внутри больше не осталось воздуха. Ни в легких, ни внутри черепной коробки, так казалось. Последним номером был стандарт Further On Up To Road, там при финальном выкрике, на си-бемоле вверху, у меня бывало одномоментное головокружение, помрачение, я уже ждал этого, и это означало концерт состоялся, отдача произошла.

Фирмачей много ходило на нас, особенно в Домик, у него как то статус был всё равно повыше. Для них мы видимо олицетворяли следование западным ценностям. Одна супружеская пара из штатов зашли в Домик на неделе, там кру-

тилась наша кассета, спросили кто это, им ответили группа из Арзамаса, в пятницу будут выступать. Девушка спросила, далеко ли Арзамас, узнав что два часа на транспорте, рванула на Лядова, прыгнула в рейсовый автобус, приехала в Арзамас, и давай бегать по киоскам Союзпечать и магазинам, в поисках кассет арзамасской группы J.A.M. Железная американская логика, где же ещё покупать кассеты арзамасской группы если не в Арзамасе. Продавцы недоумевали, почему девушке не нужен Сташевский и Киркоров.

С клавишником всё таки получилось то, за что опасались. И достаточно быстро. Георгий наш был легко подвержен чужому влиянию. В данном случае влиянию Шахета. Дружок его ещё по Норильску, по совместительству продюсер, как он себя называл, который сказал, на хрена тебе этот блюз, иди лучше вон в Шервуд. И он пошёл, куда сказали. Дальше с клавишниками было непросто. В Москве был Артур Степанян. В Нижнем Женя Кондаков посоветовал Юру Тюрина. Пару – тройку концертов отыграли с ним, по исполнению вроде ничего, ментально не сошлись совсем.

В Арзе у Романюка был младший товарищ, ученик, фанат, всё в одном лице. На какой то концерт в городе, вроде сольник Юрия Тюльпанова под полностью живой состав, Жора его к себе в пару подтянул, и там этот мальчик, Женя Лепихин, выглядел вполне себе вменяемо. И вот в этих невесёлых думах про клавишников отъезжаю я как то раз от ДК Ритм, смотрю, идёт этот самый Женя навстречу. Поравнялся, тор-

можу, опускаю стекло:

– Привет

– Привет

Дальше как тогда меня Тюрин приглашал:

– Приходи на репу в Луч

– Ой, да я.. да вы..

Он отлично знал, кто я такой, и куда я его приглашаю. Пришёл, показался вполне ответственным, мотивированным парнем, стали сотрудничать. Достаточно быстро начал въезжать в тему, в стиль, не глубоко, но эффектно, развиваться, прогрессировать, проникся проектом в целом и пришелся ко двору публике.

Осенью 97-го Уланов и Европа + объявили локальный, как было заявлено, поп – рок – блюз фестиваль “Знай наших!”. Мы на своё выступление ехали с московских концертов, на рейсовом автобусе, опоздали на саундчек, буквально с корабля на бал. Предполагались выступления в первый, конкурсный день и на следующий день гала – концерт. Решили, что в первый день будет играть Степанян, во второй Лепихин. И в жюри, состоящем из музыкального пантеона города, Лёша Смирнов, Саша Шишкин, Лёва Тишин, Саша Розмари, Витя Комаров, Сергей Ващенко и др, и у оргов к нам было особое, уважительное отношение. Как впрочем и у сотрудников Британского совета, проявивших интерес к фесту. Однако мне было видно, что у определённой части публики в глазах читается вопрос: на хрена нам вот этот вот

весь ваш блюз, в натуре... Дали Гран-При, акустическую гитару от Avallon, которую мы там же поменяли на миди девайс Classic Keys, и ещё запись двух композиций, на студии Лёши Смирнова NNSP, и на студии Avallon.

Тот же Британский совет потом пригласил нас на разогрев британской группы Fun-Da-Mental в Юпитере.

1998 – 2000

Сейчас уже не вспомнить в точности всю хронологию, но есть такое ощущение, что дальше, где то зимой 97-98 открылся Бизон. Crazy Bison на Нижней Набережной. Заведение, конечно, побогаче, попрезентабельнее, попросторнее, поизысканнее и к блюзу менее востребованное, т.к. публика ходила там менее музыкально разборчивая, более попсово – шансонная. Однако мы там поиграли достаточно, и в памяти остался вечер, который у них анонсировался так : “J.A.M. играет, Чайф и Ва-банк отдыхают!” Российские рокеры выступали в каком то большом зале, а в Бизон их привезли на ужин. Помню, что это был один из очень удачных гигов по музицированию, всё получалось и склеивалось будто бы само.

По моему мнению, нет и не может быть объяснения удачного или неудачного выступления, особенно в импровизационных жанрах. Независимо от сопутствующих обстоятельств. Даже главное, акустическая ситуация, в которой находится музыкант, как он слышит себя и партнёров, не может гарантировать качество его работы на сцене. Потому что он живой человек. Не говоря уже о количестве, качестве публики, месте, времени и тд, бывали разные ситуации, и случались очень классные выступления тогда, когда по обсто-

ательствам этого быть никак не должно, и наоборот. Есть определённая невидимая планка, ниже которой состав не может опуститься, у него это не получится, хуже он не может сыграть, чем какой то определённый уровень. Лучше сыграть можно, сколько угодно, при соответствующем расположении звёзд, не об этом речь. Именно нижнюю планку надо держать и поднимать, медленно но верно. Самый простой путь – подбор музыкантов, он работает, когда ты сам что то значишь, и к тебе идут сильные. Но это лирическое отступление.

А в тот вечер у нас просто пёрло. Приглашённые на ужин артисты сидели в смежном зале и постоянно выходили послушать и посмотреть на блюз бэнд, в их глазах читалось удивление и кайф. В перерыве ко мне подошёл Шахрин, сказал всё вслух, прекрасно пообщались, а после гига буквально затащил за стол Александр Скляр, я был за рулём, поэтому тоже просто поговорили, на очень позитивной волне.

Самые отвязные и драйвовые вечера случались в Домике Петра. Именно туда ходила самая искушённая публика, именно там всё заканчивалось плясками на столах. Люди спускались по широким ступеням в подвал с мороза в клубах пара и оказывались словно в кипящем котле. В один из таких вечеров, в блюз-роковом угаре, Володя Комаров на ухо мне заговорщицки поведал: – строю клуб на Покровке, назову в честь вас – Джем! Он со своим компаньоном Димой Галиуллиным уже съездили в Прагу, походили, посмотрели как

работают там бары с живой музыкой, и теперь благоустроили подвал в доме по соседству с кинотеатром Октябрь.

Народ неуклонно шёл на нас как на диво дивное, те, кто слышал, подсаживались как на наркотик, и шли снова и снова, те кто слышал впервые, становились фанатами. Я много раз слышал, и продолжаю слышать до сих пор, от людей совершенно случайных, с улицы, что, дескать, мы раньше вообще не слушали живую музыку, и не знали что это такое, но вот случайно услышали вас, и просто раскрылись глаза, уши, чакры, и теперь мы уже не можем без этого. На самом деле бывает, что такое происходит с людьми, при условии что их внутренние струны свободны, не придавлены вкусовщиной, навязываемой СМИ, разными хит – парадами, социумом и тд и тп.

Мне очень трудно объяснить, что такого было в нас, что это всё происходило, и слова Андрея Евдокимова на наш счёт: – “в вас есть что-то, чему невозможно научиться” – ясности не добавляют. Отчасти я бы объяснил это самим жанром. Блюз, блюз-рок – очень физиологичная музыка. Минувя разум, она аппелирует непосредственно к человеческому нутру. В отличие скажем от джаза, где происходит много музыкальных событий, сложных гармонических схем и тд, или от русского рока, где нужно понимать и анализировать текст.

Между тем, команда Домика Петра развивала свою музыкально – просветительскую активность, регулярно подтаски-

вая музыкантов из Москвы. Необычайно популярен и востребован стал “Петрович” со своим проектом Blues Hammer Band, в лице Николая Садикова на гитаре, Петра Маевского на басу, Александра Гречаникова на барабанах. С ними за компанию приезжал Михаил Мишурис, ещё тогда без ансамбля, хотя вру, первый раз он приезжал ещё с новосибирским составом Blues Passengers. Приезжали Beck, приезжал Белинов, как он тогда именовался King B, и с ним барышня Queen B. Это были и клубные выступления, и общие тусы в кинотеатре Орлёнок, к организации которых подключался Слава Уланов, да ещё были Marksheider Kunst, и тогда это называлось Night Blues Action. Я не очень понимаю как играет на гитаре Валерий Белинов. Есть гитаристы, игра которых для меня не составляет тайны, великие гитаристы, например Clapton, Blackmore, Haynes, Santana, Mayer, Kingfish, Markus King, Trower. Я понимаю, как они это делают, пусть даже не могу это повторить. Но как играют Beck, D.Allman, Knopfler, Betts, Pearson мне неизвестно, и как играет Белинов, тоже является тайной.

Под утро, по возвращении всей толпой в общагу на Тимирязевской, вахтерша с порога заверещала: вот!, музыканты!, ходят когда попало!, никакого покоя нет!, когда это кончится!.. Тут Петрович наклоняется почти вплотную к её изумленному лицу, своей окладистой бородой, и проникновенным баритоном с благородной хрипотцой внятно и отчётливо произносит: – пожарь мне яичницу..

Да, то есть реально Нижний Новгород становился ещё одним центром блюзовой жизни в стране

Впрочем мы и сами тоже на месте не сидели. Концерты в Москве продолжались. Кроме этого поступило приглашение из Самары. В легендарный уже тогда бар “Сквозняк”. Место отличалось от ему подобных. Какой то романтической безбашенностью. Это была вотчина местных экстремалов, байкеров, музыкантов. Музыкальными программами ведала добрая самаритянка Наташа. И как бы дело было поставлено так, что она отвечала за гостей – музыкантов на протяжении всего времени их пребывания в Самаре. Это было очень необычно и трогательно. Логика была понятной, чтоб музыканты не болтались целый день до концерта где попало, чтоб вовремя пообедали, чтоб к концерту были в форме, после концерта поужинали, на следующий день то же самое. Как правило концерты были у гостей два дня подряд. Не помню в какой приезд, в гостинице в соседних номерах разместились тогда популярная девчачья группа, Сливки. За завтраком поговорили, ни о чём, где выступаете, мы там, а вы где. Они выступали рядом в большом развлекательном комплексе Звезда, и после своего выступления пришли в Сквозняк. В перерыве вокалистка говорит: – ой, так классно, так хочется спеть вместе с вами. Интересно, думаю, что она вообще может знать из этой сферы. Выяснилось, что где то как то краем уха она слышала Black Magic Woman. Набросал текст, определились кто где, ну в общем спели, и даже имели успех.

Заодно набил я там себе первую тату, прекрасный мастер, и один из идеологов клуба, Женя Кудинов имел непосредственно там же свой тату салон. В Самару катались регулярно, в последний раз они завели разговор о том, чтоб выписать нас чуть ли не на месяц, обсуждали аренду какого то жилья, серьезно, потом поездки прекратились совсем. Потом дошла информация, что клуб закрылся.

Также заслуживают внимания поездки в город Владимир, и совместные выступления там с местной блюзовой группой Blackmalers Blues Band. Надо сказать, эта группа отличалась от себе подобных одним очень важным обстоятельством. У неё был постоянный, на протяжении многих лет, и по сию пору, один и тот же директор. Лёша Макаров, стоял ещё у истоков группы, и во многом способствовал её жизнедеятельности на протяжении всей уже достаточно долгой их истории. Конечно не умаляя всех достоинств основоположника и лидер гитариста Алексея Барышева. Команда исполняла плотный хард блюз с изошрённым, техничным гитаризмом. Выступала в Москве и в Питере, где Барышев, обладая всеми качествами виртуоза, выиграл какой-то гитарный конкурс. У нас с ним было бесчисленное множество гитарных тем для общения. В какой то приезд мы играли в Доме работников искусств, вечеринка получилась ну очень зажигательная, из Москвы подтянулся потусить Андрей Евдокимов и по моему Миша Мишурис с ним. Интересно, что тогда с Мейлерсами сотрудничала американская певица Лиз Владек, по сов-

местительству работавшая в какой то компании во Владимире. Вечеринка имела чудное, душевное закулисное продолжение, чуть ли не до утра, с исполнением под гитару нетленных хитов типа “Раскинулось море широко”, недюжинную осведомлённость в которых обнаружил Евдокимов. На этой теме мы сошлись с ним плотно.

Это мероприятие имело потом продолжение. В том смысле, что вскоре Лёха Макаров предложил прокатить нас в Питер. И мы ощутили все прелести наличия директора группы. Ну то есть у нас всегда этим занимался я. Переговоры с московскими клубами, бронирование нескольких дат подряд, выяснение возможностей на эти даты музыкантов, корректирование дат если необходимо, ж/д билеты, бронирование гостиницы, транспорт гостиница – площадка, еда. Такой вполне понятный круг задач.

Конкретно в данном случае ситуация вроде упрощалась, а по итогу усложнилась тем, что нас приглашал туда хороший знакомый, коллега и бизнес – партнёр Марины, который бывая в Арзамасе, останавливался у нас, кроме того Слава был фанат блюза, рока, ходил по клубам и всё такое. Короче он гарантировал нам приём и размещение. Макаров договорился с тремя клубами: JFC, Jimi Hendrix, Money Honey. Лучшее что могло быть на тот момент в Питере.

Короче вкусили питерской экзотики по полной схеме. Слава встретил на вокзале, однако дальше с размещением случился полный облом. Все три ночи ночевали все в разных

местах. У Славы на Удельной, на Гороховой, на Гражданке. Питерское гостеприимство, простое и естественное, по любому не могли мы там пропасть. Запомнилась квартирка на Гороховой 21, в арке, ремонта там со времён Достоевского не было, и люди, которые нас там принимали, были такого же благородного происхождения, без евроремонта, подлинной питерской формации. Опять полное погружение.

Сами концерты прошли нормально, крепко, ровно, убедительно, питерскую аудиторию удивить блюзом, нечего было и мечтать. Везде публики было достаточно, JVC на Шпалерной это место, где больше слушают, и не танцуют. В то время как наша подача всё таки в определённой степени подразумевала дансинг, то есть время от времени в течение гига ставились композиции провоцирующие на это. И зачастую гиг заканчивался общим расколбасом. Я уже начинал думать на эту тему, видя в этом что то вроде второсортности. Такие мысли были, очевидно надо было находить какой то баланс.

Jimi Hendrix на Загородном проспекте это была вотчина Белинова. Как говорил бармен, весь персонал паба уже на зубок выучил все его ходы, фразы, подтяжки, нам там атмосфера показалась более подходящей.

Money Honey в Апраксином дворе это место как раз таки расколбасное, весёлое. Независимо от музыки. Там появился ещё один мем. Славе очень нравилась наша авторская композиция “Moustrap”, Мышеловка, кстати вошедшая в российский блюзовый сборник “Не увижу Миссиссиппи”

на текст Сергея Авилова : How much, how much, how much is this moustrap. Типа бугешник. Он её ждал на каждом концерте, и почему то у Макарки (директор как никак) постоянно спрашивал, Хаумач будет?, а когда Хаумач будет? В Money Honey я её не поставил, не помню почему. Так после Слава весь в обидках высказывал Лёхе претензии: чё такой хреновый список написал, ни одного Хаумача не было.. С тех пор плейлист к концерту иначе как “хреновый список” не называли.

А летом 98-го Вова Комаров с Димой Галиуллиным открыли свой клуб на Покровке. К названию Джем, как и было мне обещано, хотя я естественно никоим образом не настаивал и даже не заикался, присоединилось ещё из каких то своих соображений радио Престиж, и в итоге клуб под названием Джем-Престиж начал свою работу. Возможно в целом Комаров и вкладывал в название другой смысл, более общий, джазовый, но то, как было мне об этом сказано, так и было на самом деле, конечно не исключено, что на особой эмоциональной волне, по другому на наших концертах, как вы уже догадываетесь, и быть не могло.

Планировалось, что это будет примерно то же самое, что и Домик Петра, только с большей вместимостью, с полноценной клубной сценой и звуком. Вот только в августе 98-го случился дефолт. Что из этого? А то, что всех иностранцев, шпионов Сороса, как ветром сдуло. Из Нижнего Новгорода. В один момент. Я это помню. Градус фирмовости аудиторрии

слегка понизился. Но нижегородская клубная сцена только набирала обороты. Мы стали больше играть в Джете. Вова и Дима очень хотели, чтобы мы играли только у них, и больше нигде, эксклюзив.

Вскоре открылся Рок – Бар на Пискунова.

То есть. В радиусе одного километра. Домик Петра, Бочка, Джем Престиж, Рок Бар, Шемрок, чуть подальше Бизон. Группы Джем, Днк, Чёрный пёс, Корсар, Последний приют и иже с ними. Групп было много больше. Со сферой нижегородского авторского рока я не был знаком, к сожалению (за исключением некоторых, Командор, Петров, Поведский и др.), это отдельная сфера. Гораздо ближе мне была джазовая тема. Тем не менее жизнь бурлила. Развесёлые компании шумной гурьбой стихийно перетекали из одного заведения в другое, чтобы выпить как можно больше музыки, общения, драйва, эмоций. Котёл кипел теперь уже не в отдельно взятом месте, весь центр кипел и бродил.

Племянник Томми Шеннона

Ездили в Дзержинск на концерт – тусовку, посвящённую памяти Дзержинских музыкантов. Было много дзержинских команд, нижегородских. После ужина с выпивкой. Стихийно сформировались некие компании по интересам, разговорам не было конца, мы оказались за одним столом с Чёрным псом. Беседа зашла о Стиви Рэй Воэне, конкретно о его гениальной ритм – секции, и тут басист Гоша Марковский

перехватывает слово и начинает излагать:

“Кстати, мужики. Тут в Дзержинск приезжал племянник Томми Шеннона. В гости к Гришке Матюкову. Да. Весёлый парень, говорят, повеселил народ, тут уже анекдоты ходят про весёлые ситуации, с ним связанные. И да, как Григорий поведал, племянник Томми Шеннона. И на басу тоже неплохо может. Простой чувак, без всяких понтов, в свитере, с рюкзачком за спиной. Уже уехал из Дзержинска. С месяц или больше”.

Эта история почему то просто потрясла меня. Надо же, племянник Томми Шеннона. В Дзержинске. К Гришке Матюкову. Один из лучших басистов в блюзе. Выдающаяся ритм – секция. Его племянник был в Дзержинске. Без понтов. Племянник Томми Шеннона. Это взорвало мой мозг. С этим взрывом мозга мы сели в машину, были на какой-то пассажирской газели и, не успев наверное отъехать, я уже отключился, растянувшись один на сидении, и даже во сне меня не покидал восторг от этого рассказа.

По приезду в город, в машине мы уже были только вдвоём с Сеней, я отлично выспался, и говорю ему:

– надо же, какая классная история про племянника Томми Шеннона!

– он спрашивает:

– что за история?!

– ну как же, Гоша Марковский рассказал, про племянника... – и тут, видя, какими глазами Сеня смотрит на ме-

ня, до моего сознания начинает доходить... что вся эта история про племянника Томми Шеннона, от начала до конца мне приснилась по дороге из Дзержинска в Арзамас.

2000 – 2001

Пятилетие группы было решено отметить в Арзамасе, в Юджине. Отсчёт ведётся от 1 апреля 1995, когда сыграли блюз – рок на юбилее Группы Товарищей. Действо назвали Блюзовый Обморок 2000. Да, название позаимствовали с афиши нашего же концерта в Бизоне. Пригласили для выступления Петровича и Blues Hummer Band, Михаила Мишуриса из Москвы, Blackmailers Blues Band с Лиз Владек из Владимира, квартет Александра Шишкина (Тишин, Макаров, Кирдянов) с Яной Тюльковой из Нижнего Новгорода. . В качестве гостей были приглашены все, до кого дотянулись, Нижегородский музыкальный пантеон, Слава Уланов, Лёша Смирнов, Сергей Ващенко, Витя Комаров и др., далее держателей клубов, где играли, далее всю музыкальную общественность Арзамаса, из Москвы Сашу Царькова с Мариной, Андрея Евдокимова, само собой, друзей, подруг и тд и тп. Кроме этого, зрителей по билетам.

Всё дело в том, что мою жену хлебом не корми, дай организовать вечеринку. Вот она и развернулась. Поляну накрыли, аппарат поставили, гостей встретили, устроили. Само собой беготни и суеты было выше крыши. Много кто тогда помог и деньгами и содействием. И просто добрым словом. Были такие, точнее один, кто ну очень хотел попасть в число

приглашённых, и обещал помочь, но так и не сподобился, но то, что очень хотел попасть, это нам тоже в плюс.

Был другого рода курьёз. Управляющий Юджина говорит:

– слушай, тут по линии ФСБ у вас сложности походу,

– час от часу не легче, что за дела?,

– да вот тут сотрудник оттуда, вроде бывший, или настоящий, не знаю, сам с ним разговаривай.

Подходит фигура, глазки бегают, озирается:

– проблемы у вас с американкой.. но можно порешать.. через меня, если договоримся.. звони, телефон у управляющего Юджина есть..

И уходит. Вот, думаю, этого только не хватало. Но звонить никому не стал. Просто перешёл через дорогу, на Кирова, в отдел. Дежурному говорю, такой-то такой-то, на приём к начальнику отдела. По такому-то вопросу. Время уже поджимало.

– Подождите.

Через три минуты предлагает подняться на второй этаж в кабинет начальника. Поднимаюсь. Полутёмный кабинет, настольная лампа. Здравствуйте, здравствуйте. Коротко излагаю суть дела. Организую в городе музыкальную программу. Среди участников есть гражданка США. Но она в России находится давно, около года. Постоянно зарегистрирована во Владимире. У нас будет не более трёх суток, а точнее и суток не пробудет. Меня внимательно выслушали, не прерывая. После того как я закончил, был ответ:

– продолжайте спокойно заниматься вашим мероприятием, у нас к вам никаких вопросов нет, можете идти, до свидания.

Москвичи все вместе приехали на поезде утром в день шоу, встретил, устроил в общежитии 68-го училища, Царьковых поселили дома, из Владимира ехали на автобусе непосредственно к саундчеку, из Нижнего тоже. Все шло по плану. По плану и продолжалось. Народу по билетам было под завязку, битком. Гости тоже все подъехали, их встречали и рассаживали две Марины, Морозова и Царькова. Мы начали первые, затем Blues Hummer и Петрович, Blackmailers с Лиз, потом типа джазовый блок, расслабон, и дальше самое главное – блюзовый джем сейшн. Тут все поймали кураж, волну, и на ней понеслись в отрыв к высотам блюзовых страстей. То, что народ Арзамаса ничего подобного не видел ни до, ни после, это само собой. Для нас самих, джемующих много и регулярно, это было феерично и по настоящему забористо. Андрей Евдокимов сразу после спросил меня, ты сам ожидал такого?, на что я многозначительно и умно ответил: – метафизика., чем больше моральных сил вложишь при подготовке, тем больше будет отдача.

Я поехал на вокзал провожать Петровича, ему надо было в Москву, мама болела, Мишурис тоже с ним. Блекмейлерсы чуть позже тоже отъехали и нижегородцы. Остальные москвичи в перемешку с арзамасскими фанатами продолжа-

ли гудеть всю ночь. На следующий день была реабилитация в бассейне и сауне, потом обед у нас дома, моя жена ещё и спец по борщам, потом тихий час, вечером я посадил всех в поезд на первом (ж/д станция Арзамас I).

Действо, стараниями Андрея Евдокимова, имело резонанс и освещение в интернет сообществе, на портале blues.ru

*****

Летом этого же года мы были приглашены на фестиваль Blues Summit 2000. Это был open air в саду Эрмитаж. В этот день играли мы, польская группа Nocna Zmiana Bluesa, Гия Дзагнидзе и его Modern Blues Band, а также из Великобритании Пол Лэмб со своей группой King Snakes.

После нашего сета Евдокимов увел меня от сцены глубже в парк, включил диктофон, начал задавать вопросы, попросту трындели о том, о сём, но больше я прислушивался к отчётливо доносившемуся вокалу Гии Дзагнидзе и поражаюсь этой горючей смеси Рэя Чарльза и Клэптона. Вот, думаю, дал господь человеку голос. И было понятно, что здесь десять процентов, что дал господь, остальные девяносто это ежедневная, многолетняя работа.

Мальчик спрашивает у скрипача:

Дяденька, а на скрипке играть легко?

Ну, первые лет десять тяжело..

А потом легко?

А потом привыкаешь...

После выступления Пола Лэмба был объявлен джем сейшн. Поразило, с какой быстротой Гия и Воронов распорядились комбами на сцене, не успел моргнуть, Сергей уже крутил мой желтый Девиль, я тоже воткнулся куда то, дело пошло, в какой то момент слышу, такая фирмища крутейшая на гитаре идёт, и буквально тут же осознаю, так это я же и играю, о как бывает. Да, Братецкий там ещё на фото, видимо Blues Rhythm Section тоже играли, а может просто один пришёл поджемовать

Потом все перекочевали в bb king, там была накрыта поляна, стоял аппарат, фестиваль удался. Ещё одна звезда на фюзеляж, как говорил Лёша Макаров.

Так оно всё и шло. Продолжались угарные многочасовые блюзовые игрища в Нижнем. В них проваливались как в омуты. И после, в полном опустошении, медленно возвращались к реальности. Тяжелая мужицкая работа. Да, это возвращение к реальности после каждого музыкального сета я ощущал очень отчётливо. То есть эти 45 минут выключались из обычной жизни. Как полёт с парашютом. Сам я никогда не прыгал, но зато играл блюз – рок. И да, это происходило со мной только на блюз – роке. И началось не сразу, а с получением какого-то опыта и какой-то свободы. Потом приходилось играть разное, и я думал про это, будет или нет. С другими музыками не происходило, только с роком. Эмоциональное наполнение другое. Оно тебя загружает полностью

и отключает, вытесняет на 45 минут всё остальное, реальное. И чем сложнее материал, чем дальше ты загоняешь туда свой организм, тем глубже тебя забирает. Очень способствует этому одновременное пение и игра отличающихся ритмических фигур, когда тебя как бы растаскивает изнутри, и всё существо твоё борется за соединение этих ритмов. А может быть и наоборот, когда нужно сконцентрироваться на одной единственной ноте, на одном ладу, как бы группируясь целиком в свой единственный палец левой руки. Вот это потустороннее состояние стало ещё одной, побочной, а может и главной целью музицирования для меня и, думаю, я не первый и не последний. Надо же, думалось мне, люди ищут себе различные экстремальные хобби, тратят деньги, едут за тридевять земель, всё с одной целью – испытать впрыск адреналина в кровь, в то время, как я это испытываю на каждом концерте. Возможно это происходит благодаря тому, что я пою и играю одновременно, ещё раз говорю, речь только о роке, и я точно не могу сказать, как это происходит у барабанщиков, басистов, клавишников, духовиков, думаю, что в аккомпанементе это работает по другому, тут надо контролировать, что происходит вокруг. Работа в трио ещё больше это всё усугубляет, поскольку заставляет вкладываться ещё больше.

2001 – 2002

В марте 2001-го я лёг в больницу на операцию, и мы выпали из процесса почти на год. С конца марта 2001 по февраль 2002. Но в августе уже сели работать над студийным альбомом. Писались на студии Лёши Смирнова NNSP. Работал с нами Владимир Лутошкин, в прошлом гитарист и флейтист арт-рок группы Горизонт (экс. Движение), в тесном тандеме с Ильёй Гуревичем.

Харизматичнейший профессионал, много чего порассказал об истории и о судьбе этого, не имеющего в стране аналогов, музыкального проекта Горизонт. Группы, настолько раздвинувшей горизонты жанра, что ушли за музыкальный горизонт так, что за ними никто не успел, практически в полной неизвестности. Володя вспоминал, что скупил в магазине уценённых товаров весь тираж своих пластинок по 15 копеек за штуку, примерно так. Вот я и подумал, что возможно смелые эксперименты с рок-музыкой, и попытки соединения разных жанров, это всего лишь эксперименты, и экспериментами останутся, даже если говорить о грандах этого жанра, King Crimson и тд. И форма 4-х минутной песни это то, что составляет суть жанра, выдвигание за рамки которого не ведёт ли к определённой изоляции. Ибо в споре что важнее, форма или содержание, так и нет победителя. Вино

является вином, только тогда, когда помещено в форму, фужер, бокал, стакан, кружка, а вне формы, разлитое на пол – это уже не вино. И чем определённое, чётче, жёстче форма, тем ярче, выразительней содержание. Блюз, кстати, этому подтверждение. А поговорки Лутошкина “не включишь – не заиграет” и “проверяем проверку” до сих пор в ходу.

Работа шла не просто. Помню, что вокал восстанавливался после операции не сразу, мощи прежней поначалу не было. И процесс сам был не быстрый. Пересводили всё два раза, сначала Илья Гуревич, потом Лутошкин. Я никогда не любил работать в студии. Мне всегда хотелось быстрее сыграть, закончить и свинтить оттуда. То, что получилось в итоге, мне ни тогда не понравилось, ни сейчас не нравится. Как будто брошено всё на пол дороге. И не продумано изначально. Надежда была на то, что прокатит аналогично живому выступлению, святая наивность. При записи работают другие законы, и Гуревич говорил и предупреждал. И в гитарном звуке тоже тогда ещё не понимал и заблуждался насчёт многих вещей, например что чистый звук и сытый чистый звук это две большие разницы. Но в итоге как-то всё свелось, и надо было начинать опять концерттировать.

Было решено это возвращение на сцену совместить с презентацией нового альбома. С новым басистом. Да. С Сашей Свистуновым расстались. К этому шло давно. Не мог отказаться от выпивки, и сам искал любую возможность. И когда это происходило, начинал конкретно плавать в музыке,

как Паригин не тыкал в него сзади палками. Вопрос давно назрел, и этот период вынужденного перерыва был идеален для смены коней.

Выбор пал на Диму Калинина (экс Хунта, Чёрный Пёс, Губернский оркестр). Уже задолго до этого много раз пересекались в Джем Престиже и подолгу обстоятельно беседовали о музыке и о жизни, обнаружив немало совпадений по основным аспектам внутренней и внешней политики. Предложение он принял охотно, и с готовностью приступил к освоению конкретного материала и к погружению в стилистику в целом.

Дело двигалось быстро, продуктивно и споро, репетировали на базе у Серёги Паригина, и таким образом состав стал на $\frac{3}{4}$ нижегородским, если говорить только про музыкантов. Мы с Ильёй оставались в райцентре. Серёга давно вернулся к родителям в Нижний, Женя, закончив музучилище в Арзе, поступил сдуру в Строительную академию, снимал однушку в районе Мызы и постепенно превращался в секс – символ.

Мой сон.

Будто сижу я в своём вишнёвом Москвиче 2141 за рулём у рынка Черный пруд. Поздняя осень, слякоть, промозглость.

Рынок 90-х. Толпы людей, продающих и покупающих.

Жена с дочерью вышли из машины пройтись по рядам, я их жду на месте.

Вдруг ощущаю спиной сзади себя какое то движение, шорох.

Оборачиваюсь, на полу машины перед задним сидением ушлый, неприятный тип, юркнул ко мне в машину, лёг на пол, прижал указательный палец к губам и делает “тсссс”.

Я слегка оцепенел, не успел отреагировать, как с двух сторон, из обеих дверей его блокируют по два человека в камуфляже, омон, рядом со мной на пассажирское сидение садится ещё омоновец.

Всё очень профессионально, оперативно. С моей стороны тоже дверь открывается, я поспешино выхожу, освобождаю своё место для командира, с облегчением и с чувством сопричастности, понимаю, что произошёл захват криминального авторитета.

Машина начинает очень медленно трогаться, с обеих сторон легкой трусцой её сопровождают по четыре бойца.

Ну, думаю, слава богу, всё получилось. И тут вдруг спохватываюсь, кричу:

– а за машиной - ' то куда приезжа-а-ть??,

– последний удаляющийся боец оборачивается, не прерывая бега, делает ладонь рупором, и в воздухе повисает протяжный отклик:

– на Мы-ы-з-у-у-уу...

Сомебаск учинили в Джем – Престиже в первых числах февраля. Приехали опять же Блюзхаммеры во главе с боро-

датым символом российского блюза. Кто ж без них нас на сцену то обратно бы пустил, в том смысле, что они стали самыми частыми гастролёрами в клубах Нижнего. Всё прошло в лучшем виде. Камбэк состоялся.

А заодно состоялся и камофф. Клавишника. Символы тянутся друг к другу. Не сразу, где то через месяц или побольше Женя объявил, что уходит в Blues Hummer Band. За пять лет в группе J.A.M. он прилично поднялся, обрёл сценичность, уверенность, ну и как то Хаммеры подумали, что он им необходим. Колька Садиков звонил, извинялся, прям калялся, даже пришлось утешать его. С Колей мы крепко сблизились ещё задолго до этого, остались близки и после конечно.

На тот момент Георгий Романюк занимался вторчерметом, или цветметом, или серебро из плат или откуда то еще доставал. Под началом Шахета. Полноценная творческая жизнь. Ни хаера ни прикида. Душераздирающее зрелище. Пришли за ним. Глаз загорелся, но взял себя в руки, начал говорить речи и водить рукой: – Толь, пойми, я очень давно в этом стиле не играл.. Ну цену поднабить слегка это святое дело. Было ясно как божий день, парень плесневеет без настоящей работы. Пришёл на репу, было очевидно что, как в хорошем фильме, руки то помнят, помнят руки то. А вскоре вообще у нас появился настоящий орган, клон Хаммонда БЗ, Korg CX3, и Жорж просто расцвёл, это была абсолютно его стихия, где равных ему на тот момент было мало

на постсоветском пространстве. Поначалу очень беспокоился и ему нужно было постоянно убеждаться, что всё, что он делает, в жилу. Бэнд зазвучал в целом ещё более стильно и махрово.

В июне 2002-го поехали в Питер на фестиваль Дельта Невы. С железной дорогой на этот раз связываться не стали, наняли микроавтобус. Во Владимире к нам подсел Лёша Макаров. Эта поездка получилась более комфортная, разместили в отеле, всё по расписанию, саундчек, все дела. Традиционно этот фест проходил в Юсуповском саду, сцена на крыльце Юсуповского дворца. Было много питерских групп, Big Blues Revival, гитарист Александр Ляпин, группа Форрест Гамп играла материал Стиви Рэя, в ноль, как я мечтал когда то, сейчас же подумал, что хорошо, что не стали это делать.

Из Москвы приехали Садиков с Лепихиным в формате дуэта, из Екатеринбурга Blues Doctors, из Киева была команда Second Breath, с ними приезжал известный киевский звукорежиссер Олег Ступка, у которого в своё время записывалась небезызвестная арзамасская группа. Киевляне отсыпали нам комплиментов и обещали пригласить к себе с концертами. Вел фестиваль Миша Мишурис, фотографировал и протоколировал Андрей Евдокимов, все на своих местах. Вообще, по моему впечатлению, в Питере было несколько иное, своё особое отношение, видение и понимание и блюза, и вообще музицирования, там вроде как было меньше кон-

формизма и конъюнктурщины, но при такой нарочитой самостоятельности, порой поглощавшей суть дела.

На сцене было много песка, шла реставрация дворца внутри, на первой же песне у меня вышли из строя все примочки, в количестве двух, все две. Тьюбскример и Крайбэби. Нет ничего более бестолкового, чем корпус тьюбскримера, при его шикарном звуке и легендарном статусе. Понабился песок внутрь, если бы это был например классический боссовский корпус, этого бы не произошло, а если бы и случилось, то снять крышку и вытряхнуть не составило бы труда. В данной же ситуации это был просто головоломный квест. Именно после этого инцидента всерьёз озадачился педалбордом.

2003

А вскоре началась работа по поездке в Германию, на блюзовый фестиваль в Дрездене, который проходил с 22 по 24 апреля 2003 года.

Директор фестиваля Ханьо Зенце делал мероприятие в течение более 10 лет, всё происходило на трёх независимых сценах, в большом студенческом комплексе. По лайнапам прошлых лет можно было понять, что в составе участников примерно половина музыкантов из Штатов, процентов тридцать из Германии, остальные из Европы. На тот год был примерно такой же расклад. В хедлайнерах значились Lazy Lester, Sherrie Williams, Doug MacLeod, Bailey Brothers, Randy McAllister. Из Германии Zydeco Alligators, Silvertones, еще пара – тройка старых немецких команд с олдowymi музыкантами, финская группа Wentus Blues Band, и впервые из России J.A.M. Blues Rock Band.

Подавал документы на визы в посольстве я один за всех, на руках было официальное приглашение, буклеты группы, кассеты, диски, всё посмотрели, изучили, приняли. Помогал во всём знающий человек, Андрей, агент из экскурсионного бюро, что, куда. Договорились, что в день отъезда он встретит нас с загодя полученными паспортами с визами на вокзале и передаст их нам. Ехать решили на автобусе, как я и пер-

вый раз ездил. Везли гитары, орган, гитарный комб. Там такой порядок был что бэклайн централизованно не ставился, ставили группы для себя, сказали что нам предоставят басовый аппарат Zydeco, а я уже на месте разрешил воткнуться в свой Девиль Вентусу, которые играли после нас.

Всё шло по плану, Андрей нас встретил, вручил паспорта с визами. Расплатились. За пару месяцев до отъезда, в Арзамасе я подошел к знакомому бизнесмену, он был что то вроде председателя совета предпринимателей, в прошлом имел отношение к музыке, да и со всем этим советом я был в хороших давних приятельских отношениях. Рассказал о европейском блюзовом фестивале, дескать впервые участвует группа из России, из Арзамаса, наряду с мировыми именами, апологетами жанра. Есть ли возможность поддержать финансово, расходов много. Он сказал, что да, конечно, надо поддержать. – вынесу вопрос на ближайшее заседание, поможем обязательно. При следующей встрече говорит, всё нормально все поддержали, на следующем заседании всё сделаем, время терпит?, – время было достаточно – просто на этой встрече решали вопрос с погорельцами, у людей сгорел дом, пропало имущество, надо было помочь. На следующем заседании решим ваш вопрос. Позвони, напomini через 10 дней. Давай, на связи.

Разошлись, и ход моих мыслей был примерно таков. Пятеро молодых мужчин, в полном расцвете сил и в добром здравии, у которых ничего не сгорело, имущество в целости.

Мало того, едут за рубеж, играть музон...

Предпринимателю я не позвонил ни через десять дней, ни после. И вообще денег больше ни у кого на подобные нужды не просил. Да и со временем перестал считать эти нужды первостепенными. Забегая вперёд, скажу, что гонорар за выступление и выручка от продажи дисков с лихвой покрыли все расходы.

Выдвинулись к посольству Германии, территория вокруг которого, представляла собой один большой автовокзал. Загрузились, поехали.

Ехали долго ли, коротко ли, через 36 часов доехали до города Дрездена. Со всеми остановками, на таможах, трапезных и затрапезных. Друзья, в Польше в шоссейных трапезных подают шикарный кулеш. Я ещё в прошлый раз проникся, потом сам наловчился и практикую по сию пору. В Дрездене аккурат у автобуса встретила нас милая девушка Doerte и препроводила напрямик в отель.

Оформились, поднимаемся на второй этаж, только открыли дверь в номер, и все почти зашли, приоткрывается дверь напротив, там высокий худой афроамериканец, с седой кудрявой шапкой волос, Lazy Lester, сразу опознал его по фестивальной афише, он видит, что приехали музыканты:

– Oh, hi man...

– Hi

– I am Lazy Lester from Texas..

– I am Anatoly from Russia...

– mmm... I blow harp...

– I play guitar... – и тут поняв, что я не играю на гармошке, он начал терять ко мне интерес

– see you later

– see you

Вечером поехали на площадку, по расписанию мы должны были играть во второй день, на одной сцене с Zydeco Alligators и с Wentus, параллельно на соседней сцене в наше время по расписанию стоял Lester, что как то напрягло слегка, потому что народ утечёт слушать звезду.

Два огромных зала, как бы смежных, но акустически изолированных, первый для американских звёзд, второй для европейцев и третья сцена ещё располагалась в просторном фойе, для кантри исполнителей, и акустиков.

Все американцы приехали без своих составов, им аккомпанировали немецкие музыканты, сыгрывались и непосредственно в номере, и в фойе, кто где. И у Лестера и у братьев Бейли материал был аутентично кондовый, без особых заморочек по форме, с упором на харизму лидеров, им на откуп. По сути на их свободное плавание, как то так.

У Шерри Уильямс был более современный фанковый замес, с постоянным немецким составом, под началом дрезденского гитариста Ларса Кютчке. До сих пор.

Сначала пошли в наш зал, это было важно, послушать звук, прикинуть рекогносцировку. Выступали Silvertones,

костюмированный рокабилльный бэнд, с контрабасом и с ретро микрофоном, стильно, мастеровито, бойко. Народ вежливо и доброжелательно внимал. И было ощущение, что эмоционального накала могло быть в атмосфере больше, тем более что пиво текло рекой, со всех сторон, на расстоянии вытянутой руки. Ок. Переместились в американский сектор. На сцене были Bailey Brothers. Апологеты. Там было значительно веселей. В зале. На сцене лично я не понял, что происходит. Братья, один гитарист, другой клавишник, афроамериканцы, обоим под семьдесят, словно второй раз в жизни взяли в руки инструменты. Соответственно, совершенно не заботясь, какие звуки извлекаются, гитаристу дали первое что попало под руку, какой то модный в 80-х типа Шектер, с гусеобразной башкой, натурально розового металлика, а клавишника посадили за клавиши, но нужный тембр так и не включили, всю первую вещь, типа балладу, он отыграл на каком то немислимом тембре, тоже очень модном когда то в диско. Но в целом это абсолютно никого не смущало, под возгласы oh ye! все получали удовольствие. Мы пошли тоже получать удовольствие, в зону backstage, ужинать. Там родился ещё один мем “я всё больше и больше начинаю любить блюз, прекрасная музыка!”

Дима Калинин, в подростковом своём прошлом хоккеист, ростом под метр девяносто, ну очень был всегда расположен к приёму пищи. И к объёму её. То, как в зоне для музыкантов встречали участников, вызывало неподдельное уважение

и глубокую благодарность организаторам феста. И самое главное там была удивительная полная тишина. Что очень сильно контрастировало с российскими фестивалями, на которых музыкантам всегда было проблематично спрятаться от шума, Диман особенно не стал стесняться, прошелся по буфетным стойкам, с повторяющимся жестом “да, можно ещё” официантам. Получилась как бы пирамида Хеопса, и не на тарелке а на блюде сантиметров 50.

Толь, я всё больше и больше начинаю любить блюз, – изрёк басист и, показывая на свою тарелку, добавил – прекрасная музыка!..

Там же мы познакомились воочию с директором феста, Ханьо Зенце, проведя до этого несколько месяцев в переписке.

Приятный, аккуратного телосложения, человек, скорее славянской внешности, нежели германской, с мягкими чертами лица, светлой бородой, голубыми глазами.

Далее пошли опять в американский зал, там должна была начинаться Шерри Уильямс. Вот это была поистине крутизна. Большая чёрная женщина сходу взяла аудиторию за шкирку, раскрутила, далее делала с ней что хотела. Бэнд, в составе гитара, орган, бас, барабаны, реально был очень крут. Очень крепко, драйвово, вместе с тем нетривиально, даже изысканно. Такого гитарного саунда я больше не слышал никогда, на самом деле. Телекастер горячим ножом резал замороженное сливочное масло, и растекался мёдом сверху. Я почему ту

сразу предположил, что это оно, увидев потёртый грубоско- лоченный ящик сзади гитариста. И подтвердилось. После их сета сразу подошёл к Ларсу, да это был немецкий клон Дам- бла. Усилитель, про который мы слышали только отрывоч- ные легенды, в которые, непонятно, верить или нет. И вот стало ясно, что это на самом деле так, как говорят эти леген- ды. Звук там живёт.

На следующий день, после обеда мы поехали на саундчек. Только стали выходить из номера с инструментами, опять открывается дверь напротив. Лестер:

– Oh, man.. you're leaving?!..

– Yes, we're going for soundcheck

– ...soundcheck... what soundcheck..?, oh, god!! I forget my soundcheck...

Сидим в холле, ждём машину. Далее, как говорится, кар- тина Репина. Из лифта выходит Лестер. Собрался уже на концерт.

Новый, с иголочки, небесно голубого коттона, костюм, расклешенные джинсы и заправленная рубашка. Со стрелка- ми. На брюках, и на рукавах рубашки, и складки, как это было аккуратно сложено в чемодане. Воображение рисовало картину, как эту стопку подаёт ему жена, в белом чепце, со словами: это оденешь на концерт! Картину довершали чёр- ные лаковые остроносые туфли, огромный стетсон, галстук – шнурок.

Приехали на чек. Там уже чекались Zydeco Alligators. По-

зитивные молодые ребята из Штутгарта. Предоставили нам свой басовый стэк, отчекались штатно. Свой штатный зву-креж, да ещё такой как Илья Гуревич – это великое благо. Начинался мандраж. Ничего с этим не поделаться. Вцепился в гитару и судорожно на ней что то пилил, скорее чтоб просто руки занять. Кстати сейчас перед концертом стараюсь хотя бы пару дней совсем не брать в руки инструмент, чтобы соскучиться. Непосредственно перед выходом на сцену меня нашёл Ханьо: волнуешься?, конечно, говорю, это нормально. Хотя там было ненормально, слишком. Все три группы играли по полтора часа, без перерыва. В целом вроде как всё нормально прошло, народу было на нас много, несмотря на то, что рядом выступал Лейзи Лестер, да ещё в таком прикиде. Хотя конечно адекватно трудно оценить. На сцене было напряжно, освободиться не получилось, просто рубили на волевых. Народ перед сценой оттягивался. В Superstitions, на долгом одноаккордовом инструментальном пространстве, было очень некомфортно, были в некоем столбняке, нервничали, казалось что всё неуклюже, топорно. После коды аплодисменты не прекращались, вышли на бис, сыграли Who's Been Talking, со вставкой куплетов на русском “словно замерло всё до рассвета”, люди улыбались, хлопали, кто постарше, пытались петь. Ушли, на сцене уже готовились Wentus, а нам всё ещё хлопали, очень долго. Подходили люди, что то говорили, спрашивали, несли наши купленные диски на подпись. Всё закончилось.

На следующий день в отеле остались только американцы и мы, остальные разъехались. Пригласили типа на прощальный ужин. Напротив меня сидел Лестер, постоянно чего то бубнил по стариковски, я постарался прислушаться, он читал, что у меня было написано на футболке, ливайс джинс.. и тд. Я рассказал как мы ехали, как стояли 4 часа на таможне, предложил тост: for no borders!, и все сразу горячо подхватили: for no borders!, for no borders! Встали фотографироваться, тут Лестер опять отмочил, встал рядом с Димой, поравнялся: oh man!, so high and play blues... play basketball, man!

Под конец вечера я из вежливости сказал Ханью, мол если будешь в России, заезжай в Арзамас, буду рад!, на что он неожиданно ответил, что очень даже может быть.

*****

По приезду домой я протокольно написал ему, что всё было супер, мы благополучно вернулись, поблагодарил за приглашение, и тоже больше протокольно засвидетельствовал, что моё приглашение в силе. И тут он уже конкретно написал, что может приехать в Россию и Арзамас ориентировочно через месяц – полтора.

Ну что, Марина, памятуя о её любви к гостям, была естественно не против, дочерей дома летом не было, место чтоб принять достаточно, свозим на дачу в Пустынь, в Нижний на концерты, Болдино, наконец Дивеево, примерно такая про-

грамма. Да и как выяснилось из последующей переписки, у него были и свои планы, приехать в Арзамас, потом слетать в Омск (или Томск) и вернуться.

Ханьо Зенце, на тот момент 38-ми лет от роду, не был связан семейными узами, и, как выяснилось, находился в творческом поиске. Эти поиски и вели его в Омск (или Томск) напрямик через Арзамас. Об этом он поведал уже после того как я встретил его в аэропорту Нижнего, куда кстати ему удалось добраться из Шереметьево только со второй попытки, там он растерялся, так что пришлось звонить Коле Садикову, чтоб он приютил его на сутки у себя.

В Омске его ждала, как ему хотелось думать, сибирячка, к которой он пылал чувствами по переписке, и ждал с нетерпением встречи. Взяли ему авиабилеты до Омска, где то через неделю, и поехали в Пустынь. Именно в тот год, во время прогулки на катере по озёрам, видели на Святе красную воду, которая, по легендам и объяснениям биологов, бывает раз в семнадцать лет.

*Перевозчик монах в ботнике из осины
В полночь уходит опять,
Эту тайну, укрыв под тумана седины,
Свято озеро так не отдаст.*

*Время струится сосновой смолою,
Зеркалом тёмная гладь*

*Что потерял чёрный призраок в глубинах,
Взглядом до дна не достать.*

*Он один обречён навсегда
Свет искать золотого креста.*

*Эта старая Старая пустынь,
Молчаливых веков перепутье
Это край белых лилий и грёз
Где рукой дотянуться до звёзд*

*Торопись через мост, пилигрим запоздалый,
Спрячь серебро на груди,
Беркут кружит и филин хохочет,
Тень под обрывом, смотри*

*Быль или небыль, старушечьи байки,
Но видел я сам не во сне,
Как за кормой убегает, играя,
Розовый пенный след*

*Нет, никто не откроет теперь
Ту, в скале потаённую дверь*

*Эта старая Старая пустынь,
Молчаливых веков перепутье,*

*Это край белых лилий и грёз,
Где рукой дотянуться до звёзд.*

*Время здесь никогда не догонит,
Просто пей этот воздух с ладони,
Молчаливых веков перепутье,
Эта старая Старая пустынь.*

Затем на неделе поехали на концерт в Джем Престиже, и на басу у нас уже был Гена Ульянов. Да, я чувствовал и видел, что Диме трудно, и не по музыкальному содержанию, тут с ним спорить было некому, а потому что без кайфа тяжело играть. Гендос смачно фанковал и грувил в прямых битах, но вообще недоумевал и терялся в шаффлах и в балладах 12/8, как бы не понимая, зачем это и для чего. Да и занятой был изрядно, и не надо ему это было. Короче опять поиск басиста. И поиск был недолог. Кандидат на примете был, Олег Симонов, но он был в относительно постоянном проекте, в дуэте с Олегом Антошиным. С Олегом перетёрли этот момент, с его стороны возражений не было. С Симоновым попали в точку, и эта трансформация группы была топовой на долгие годы.

Наш гость прилетел из Омска в задумчивости и в меланхолии, которая вскоре переросла просто в депрессию. Соединения душа в душу не произошло. Я как мог пытался ему раскрыть мотивы тех или иных поступков и жестов, с его

слов, загадочной русской барышни, съездили с ним в Болдино, очень ему понравилось, мне само собой, хоть и не в первый раз, гуляли в Нижнем по Кремлю и набережной. Выяснилось, что у него есть ещё одна зазноба, в подмосковье, с которой он может пересечься перед отлётом домой. Тут я чтобы его как то взбодрить, начал давить на мысль, дескать вот там то и ждёт тебя твоя судьба. В итоге так оно и вышло.

2003 – 2008

Первым закрылся Домик Петра. Этим же летом 2003. Конечно были и объективные обстоятельства, объект культурного наследия, историческое здание и всё такое. Но уже теплились определённые тенденции, которые через двадцать лет приведут к тому, что в полуторамиллионнике не останется ни одного жанрового музыкального клуба, настоящей более менее прокатной площадки. Нижегородской джазовой, блюзовой, рок сцены как таковой. Всё сведётся к уродливому явлению – каверам. И это при том, как многообещающе всё начиналось. Джазовая и клубная сцена, вышедшая за границы города, во второй половине 90-х, и музицирование мирового уровня, от групп Время и Движение во второй половине 70-х.

А пока никаких траблов на горизонте не наблюдалось, накатывали новый состав, и я лично просто кайфовал от того что получается. Было ощущение, что все пазлы сошлись. Симонов играл нетривиально, и, при более традиционной манере остальных, это вносило в общий саунд новизну и свежесть.. Его игра производила впечатление очень эластичной, гибкой, плавно обтекая все жесткие углы, связывала грув снизу и увлекала в общий поток. В сочетании с рычащим, мяукающим, хлюпающим органом, хлётким как кнут би-

том, вальжно качающим шаффлом – всё это по настоящему будоражило аудиторию, доставляло ощущение праздника и кайфа.

Единственное, что мне реально не нравилось, это гитара. Я всегда был недоволен, и часто во время соло меня посещала одна и та же мысль: ты играешь на гитаре 30 лет, когда ты наконец научишься играть? Да, был налицо элемент случайности, сегодня получилось, завтра нет, необходимо было повышать нижнюю планку. И тут одним из направлений было внедрение разных импровизационных гамм. В Superstitions играли длиннющий одноаккордовый кусок, типа психоделия, с постепенным развитием, громче, тише, сначала гитара потом орган. Как то так пошло, что начал вставлять туда различные цитаты, сначала как родная туда легла Third Stone On The Sun, потом к ней пристегнулась You Fool No One. И даже начальные ноты из хора Славься попадали, одна и та же почти мелодия, что и у Хендрикса. Примерно одновременно с этим купил для жены и дочерей видео кассету с концертом ирландского танцевального шоу Riverdance. Убойное видео. Ирландский балет в сопровождении живого состава, достаточно развёрнутого. Этот саундтрек кстати в своё время получил Грэмми. Мы семьёй тогда просто запали на это шоу. И я как то начал ковырять эти ирландские музыкальные темы. И те роковые мелодии, и эти ирландские строились на одной и той же гамме, мажор с пониженной седьмой ступенью, миксолидийский лад.

И вот здесь то наконец пришлось в пору те самые наигрыши, приёмы игры по диатонике, с которых я начинал в далёких 80-х. То есть чтобы получился этот лад в тональности E7, надо было играть обычную диатоническую мажорную гамму от А. Для меня это было открытие и весьма увлекательное занятие. Естественно механически это не происходило, надо было осознать, что теперь в этой гамме А тоникой является нота Ми, соответствующим образом настроить ухо. А практически внедрять это стало легко получаться через годы, естественно очень дозировано.

С дорийским ладом было несколько проще, его использовал, хотя и реже, в миноре, как и многие другие гитаристы, добавляя к минорной пентатонике вторую и шестую повышенную ступени. В этом случае это и воспринимается как типа развёрнутая пентатоника. Если же отойти от пентатоники и играть чисто дорийский лад, диатоническую гамму от седьмой ступени, то есть в тональности Am играть гамму G, то это совсем непохоже на пентатонику, потому что фразы строятся совсем по другому, бэндов гораздо меньше, много арпеджированных ходов, мостиков из позиции в позицию, что придаёт совсем другой, не блюзовый колорит, некий прогрессив, как и в случае с миксолидийским ладом. Все эти изыскания будут проявляться всё больше и больше с годами, особенно полно в 2021, в наших интерпретациях композиций Whipping Post и Jessica из Allman Brothers.

В немецком журнале по итогам фестиваля блюзовый обо-

зреватель Vincent Abbate про нас написал что, Российский бэнд, обладая мощью, сознательно уходит от традиционного блюза в сторону современного блюз-рока и делает это великолепно. Так оно и было в помыслах. По той простой причине, что мы не чёрные, не родились в Америке, не жили там, никогда там не были. Но зато больше чем какую либо другую музыку, слушали рок, с самых малых лет. Ранее тут уже говорилось о том, чем блюз отличается от блюз-рока, там гораздо больше различий, чем сходства.

Примерно с такими вот идеями шла своим чередом клубная работа в прекрасном граде Нижнем Новгороде. Москвичи привезли норвежско – американского west coast гитариста Кида Андерсона. Слава Уланов в связи с этим учинил манифест в Дrame с участием групп J.A.M., Последний Приют с Дилярой Садыковой, а также Яны Тюльковой в сопровождении Юрия Погибы, к которому мы еще в 80-х приезжали за клавишами с Бородой. Норвежца в поездке сопровождали москвичи и владимирцы из Блэкмейлерс, два Алексея, Барышев и Макаров. Парни были вежливо – корректны в тот день и исполнены важности своей миссии, это умилило.

В тот же вечер мы играли в Джем Престиже, было весело, драйвово, угарно. Норвежцы тоже оттягивались, но мои тараканы опять не давали мне покоя, мне всё больше и больше казалось, что в нашем музицировании много драйва, дансинга и недостаточно музыкального содержания.

На 10 лeтиe группы в марте 2005-го сыграли большой

сольный концерт в самом большом зале Арзамаса, ДК Ритм. 700 мест. Зал был полный. Играли два сета, в перерыве выступили Лепихин и Садиков, дуэтом. Всё прошло с хорошим настроением, весело, драйвово. На большой сцене бэнд выглядел всегда очень респектабельно. Делать свет на концерте был приглашён Владик Воронин, сам этот факт уже имел для меня особый смысл и значение, не говоря о высококлассном качестве работы. После было шикарное after-party в Трёх Пескарях, при скоплении всего музыкального бомонда и сопричастных. Состоялся джем сейшн, как обычно, плебисцит и братание.

А в апреле 2005 настал черёд Бочки. Одномоментно. То есть буквально вечером там ещё был концерт, а уже следующим утром бар был закрыт. Но и тогда ещё тоже не было ощущения кризиса, оставались Джем Престиж, Рок Бар, Бизон, и думалось что будут какие то альтернативы. И какие то были, то Гудок, то ещё чегонибудь, но и Гудок и всё остальное это было одно сплошное недоразумение. Нижний Новгород начинал загибаться.

Тут мне написал промоутер из Англии, как насчёт поиграть по клубам, пополам, свою программу и аккомпанировать американскому гитаристу Russel "Hitman" Alexander. Нужна хорошая запись с актуальным составом. Вопрос о записи актуального состава поднимался и раньше. Уж больно хорош был этот актуальный состав. Таким образом озадачились всерьёз.

Писаться решили дома, у Ильи Гуревича в Ритме. Сыграть всё за две сессии, живьём на сцене в один проход. Чтоб потом сверху положить вокал, соляки, если не устраивало при сквозном проходе, ещё чтонибудь, по мере надобности. Вещи, отобранные для альбома, были наиграны, вопросов ни у кого не вызывали. Тем не менее выложиться пришлось на полную, что в первый день, что во второй. К тому же во второй день, после того как был записан весь трек лист, и стало понятно, что ещё есть время, решили записать бонус трек, инструментал Highway Salsa, вот с ним зарубились конкретно, эту вещь играли мало, но всё склеилось во многом благодаря Серёге Паригину, который держал всю форму и, наворачивая где надо, управлял ею. Короче, когда я пришёл домой после, упал как подкошенный и спал двенадцать часов, небывалый случай.

Далее наступила зона ответственности Ильи Гуревича. Если я, например, завидовал Блекмейлерсам, теперь, кстати, Рекорд Оркестр, что у них есть директор, то они и очень многие другие завидовали нам, что у нас есть свой штатный звукорежиссер. На самом деле это была роскошь, мы были избавлены от гораздо большего круга проблем, о которых вообще не думали. Вплоть до того, что порой я после четырёх – пяти сетов был не в состоянии зачехлить гитару. Что говорить о настройках в каких то экстремальных ситуациях. Знать, что там за пультом стоит свой в доску парень, который лучше тебя знает, как ты должен звучать, об этом мечтает

любой музыкант. Спасибо бро! И да, один из самых лучших комплиментов в свой адрес я слышал от Ильи Гуревича, когда мне что-то удавалось: “Толь, я не знаю, кто из нас еврей, я или ты!”

Было много работы по дописыванию чего то по отдельности, на бэки в Mystang Sally и Willie The Wimp пригласили Дашу Ставрович. Сведение, мастеринг, дизайн, издание и тд и тп. Альбом вышел в начале 2006-го

А где то в конце марта – начале апреля 2006-го пал Джем Престиж. И вот этот факт уже прямо означал, что всё схлопывается и идёт к концу. Работы не стало, Жорж на лето навоострил лыжи на юга, по кабакам, для остальных музыка не была основным заработком, слава богу. С британцем дело не двигалось и заглохло. Летом сыграли втроём на ежегодном празднестве IT компании Мера, где то на природе, мероприятие поражало масштабами и размахом, по сути это был городской летний рок фест, а заодно и кулинарный, были практически все нижегородские команды. Мы конечно понимали, что для трио надо кое что менять в аранжировках, но ездить репетировать в другой город настояния уже не было..

Оставался Рок – Бар, изредка там поигрывали, уже когда Жора вернулся, так, для проформы. В Бизоне всё свелось к дискотекам.

Этим летом я сделал ресторанныю программу под минуса, мировые хиты, советские ретро хиты, в таком духе. И дело увлекло. Тут видимо дала плоды многолетняя практика

многочасовых изнурительных концертов, на форсаже, когда надо прорезать голосом плотный саунд рок – бэнда. Как то там в голосовом аппарате всё постепенно встало на нужные места и заработало. Глотка пролудилась. Короче брался за самый непростой материал, и всё получалось. И Том Джонс, и Хампердинк, и Синатра, Бубле, Клэптон, Коккер, всё подряд, Челентано, Бочелли. С живой гитарой, так, для антуража, что то конечно подыгрывал, а порой вообще не затыкался просто поверх минуса. Классный материал, погрузился в него, и осваивал с воодушевлением. Работы с минусами было много, естественно больше чем с блюз – роком. Вобщем жизнь продолжалась.

Блюз – рок к этому времени, признаемся, как-то подиссяк во мне. Идеи новые не посещали, и решив поискать их на стороне закупил на Горбушке современного блюз – рока на сотни часов, думаю, чтоб наверняка. И что вы думаете. Потыкал потыкал по содержимому и убрал. Ничего не зацепило.

Зацепило видео Allman Brothers, концерт в зале Beacon 2003. Зацепить зацепило, даже впёрло, от всего, что там увидел и услышал, но тоже отложил, потому что это никак не коррелировалось с собственным проектом. Который как то вялотекуще существовал, репетировать ездить в НН всем было некогда, играли по накатанной как по заведённому кругу, с которого не сойти.

А Allman Brothers словно зёрна упали в почву и ожидали

своего часа, чтоб прорасти.

На какое время как-то активизировались в Москве, чтоб совсем не закиснуть. Играли в Roadhouse, в BB King, Music Town, народ ходил, и принимал отлично. И ещё лучше принимали нас Саша с Мариной Царьковы у себя на базе, на которой можно было существовать как на подложке в автономном погружении.

Примерно тогда же Саша подогнал интересную халтурку в Ершово. Компания ElectroVoice устраивала семинар для своих прокатчиков, звуковиков, инженеров и тд. То есть от Калининграда до Владивостока съехались профи по части звука, чтоб ещё раз убедиться, какая EV хорошая фирма, и чтобы ещё больше её покупать.

Разместили их в пансионате в Ершово, и вечером, за ужином мы должны были ещё раз им продемонстрировать все прелести линейного массива EV. Женщин среди них не было, кроме одной вроде, то есть никакого дансинга не предполагалось, люди, искущённее которых в музыке ещё поискать. Но ничего, очень хорошо прокатали, как всегда драйвово и весело, слушали с неподдельным интересом, после подходили с комплиментами, разговорами, купили много дисков.

На Новый год нас, в который раз уже ангажировала Мера. Надо сказать, там всё руководство компании, все топы, во главе с генеральным, фанатели от J.A.M. постоянно ходили в Джем Престиж и спонсировали выпуск альбома, просто финансовый директор достал из сейфа пачку и вручил мне.

Новый год они отмечали пять дней в Рокко, практически одна и та же программа, для разных подразделений компании. Ездили как на работу.

Но в целом настрой был невесёлый и перспективы как то не радовали. Далее весной, ближе к лету случился очередной “мореный дуб”, на этот раз с Японией. Для этого даже записали несколько вещей с певицей, московской, ну очень хорошей, приехала специально в Арзамас, утром встретил, приняли дома как родную, днём в Ритме записали сходу пять вещей, до этого репетировали в Москве, между концертами, вечером посадил на поезд. В итоге не выгорело. Но дело даже уже не в этом, а в том, что Жорж начал капризничать, на фига всё это нужно и тд. И тут меня переклинило, Видимо был край. Тут же набрал Лёшу Смирнова, Лёша согласился сходу, куда угодно, даже и никуда, просто тут играть.

Чтоб ввести его максимально быстро и по полной, учинили выездную репетиционную сессию в Пустыни. Всё получилось изумительно. Жили, то есть только ночевали, мы у нас. Питались, завтрак, обед, ужин, в санатории. Главврач Николай Иванов, дружбан и большой фанат гитары и музыки, как выяснилось, ходивший ещё на танцы с группой “Время”, и наконец познакомившийся с “легендой” воочию, поставил нас на питание, по каким то смешным официальным расценкам, предоставил для репетиций целый клуб санатория, бревенчатую огромную избу, с библиотекой, залом, фойе. Всё по распорядку, завтрак, репетиция, обед, отдых, репетиция,

ужин. После ужина заводили бредешок с местными корешами, и тоже музыкально заинтересованными, Гена, Вася, Виталик, баня на насосной станции, уха, копчёная рыбёшка, гитара, все дела. Дней пять этот рай продолжался, и совместили приятное с полезным, столько репетиций в обычном режиме потребовали бы месяц точно.

В этом составе сразу после поехали в Чебоксары, на фестиваль Джипарена, куда нас систематически приглашал Гера Шашурин. Старая телега как-то опять покатила, со скрипом, словно переваливаясь на несоосных, разного диаметра колёсах. До весны 2008-го. Тогда я объявил тайм-аут. Леша играл больше арт-рок в духе Эмерсона, нежели блюз. Не совпали мы в итоге. И я должен был это предвидеть. До кучи разбил машину, болела спина. Нужна была пауза. Все согласились.

2008 – 2012

И дальше в моей жизни случилось чудо. Однозначно это мои отец и дед дотянулись до меня сверху, чтобы спасти от внутренней пустоты. Сподобили на ремесло, передав то, что было в их руках в мои руки, и ставшее огромной частью моей жизни, с того лета 2008-го навсегда. Иначе объяснить это невозможно. Последний раз с мотивацией я брал в руки молоток и гвозди лет в пять, об этом здесь уже упоминалось, и как не пророчили, что будет мастеровой, мастеровым я не стал, до моих 48-ми.

Началось с того, что Гена, Василий и Сергей строили нам баню. Смотрел я, смотрел на все эти доски, брёвна, топоры, и в скором времени это начало преследовать мой мозг, опустевший без музыкальной работы, ресторанная тема шла на автопилоте, не занимая много места. Стал ловить себя на мысли о каких то плотницких и столярных соединениях и конструкциях, в которых был ни ухом ни рылом. Мало того, деревяшки начали сниться, причём те самые отполированные брёвна полубрусом на печке бабушкиной, в трещины которых я совал свой палец. Утром задумывался, не чокнулся ли часом.

В один прекрасный день говорю Николаю Иванычу, главврачу, у которого в собственном доме много чего было сде-

лано своими руками, двери, рукотворные мебели:

– Слушай, покажи хоть мне, как табуретку сделать, – доктор посмотрел на меня, как смотрит доктор:

– Приходи в воскресенье утром, купи стамеску на 8.

Купил стамеску, пришёл. В сарайчике у него небольшой, для дома, комбайн, циркулярка и фуганок. Нарезали, отфуговали четыре бруска на ножки и восемь на перемычки, царги. Помог разметить соединения, и говорит: – теперь бери стамеску, долби пазы. Потом покажу, как шипы делать.

Я пошёл в свою строящуюся баню, у строителей был выходной. В предбаннике стоял запах свежей древесины. Пристроил брусочек, типа маленького верстачка, взял отцовскую киянку, сел и начал на нём долбить пазы. Из предбанника я вышел будто заново рождённым. Словно улетел в астрал с этой стамеской за верстаком и больше без этого жить не мог. И думать больше ни о чём не мог. Настолько ясной была эта связующая нить со своими предками, что напрямую ощущал, что рукой моей руководит чья то незримая рука и делает то, что я никогда не делал, известным мне и привычным. Счастлив тот, кто хоть раз испытал подобное.

В интернете теперь интересовали только столярные сайты, видеоролики, инструменты и тд.

Продал, не задумываясь, второй страт Олегу Антошину, тот самый вишнёвый, оставил основной, чёрный 94-го. Продал твидовый Девиль, оставил Blues Junior. На эти деньги купил рейсмус, комбайн – циркуляра, фуганок, долбёж-

ник, ленточную пилу, фрезер, много ручного инструмента – дрель, лобзик и тд, короче экипировался. Дальше стал досконально изучать предмет, столярку, ремесло.

Более всего меня интересовали конечно мебели, столярные конструкции, и исключительно каркасные, как это делалось раньше. Как бы из под рук деревенского столяра. Дальше замахнулся на тумбу. Как заметил Иваныч, тумбочка это тоже табуретка, только со стенками, филёнками. Кстати эта табуретка, собранная на шип – паз, на клей, естественно без металлических соединений, стоит в той самой бане, под краном, на неё льётся вода уже 15 лет, а она стоит и не шатается. Увидел в инете предметы с плетёным фасадом. Тумбочки, консоли, шкафы. Да, подумалось, как было бы здорово, если бы я смог сделать подобную тумбу с плетёнкой лет эдак через пять.. Короче, я сделал её через месяц. Добавил верх, получился пенал, буфетик. Задарил жене на д.р. Ездил по ресторанам, пел песни, а сам смотрел на старинные буфеты, поставцы, комоды. Кончилось лето, и все мысли были, что делать зимой, где обустроить мастерскую. Помог Серёга Дажинов, у которого пустовал огромный бокс, смежный с его кузницей, купил печку, поставил, и всю зиму там пилил. Замастырил там две консоли, одна из них дубовая, с ножками кабриолями, покрыл шеллаком. До обеда столярка, после обеда школа. Постоянно пел в Тройке и в нижегородских рестах. А уж через пять то лет поднялся до постройки лестницы, для которой готовые брал только две тетивы, всё

остальное, ступени, столбы, перила, площадка, всё из дуба, рукотворное.

И что бы не делал, не покидала мысль, что кто-то мне помогает, присматривает.

А в Тройке, кстати, такой случай остался в памяти. В начале вечера почти пусто, сижу поигрываю что то инструментальное. Заходит в зал девушка и напрямик ко мне:

– Здравствуйте,

– Здравствуйте,

– Я с группой итальянских туристов – католиков, мы из Дивеево, с автобуса на поезд, у них сейчас будет ужин, а перед ужином молитва, очень бы просила вас сделать паузу, чтоб музыки не было никакой, 30 – 40 минут

– Да, я понял, хорошо,

Люди начали заходить в зал, их было достаточно много, зал тесноватый, начиналась легкая суতোлка, девушка посмотрела и говорит:

– Вообще то, вы знаете, вот пока люди рассаживаются, пусть будет музыка, а как придёт Падре, в сутане, с крестом, я вам дам знак, и вы закончите,

– Хорошо.

Начинаю петь, что то лёгкое, фоново – атмосферное. Возможно *Shadow Of Your Smile*, не помню, или *Something Stupid, Strangers In The Night*, песни три я наверное спел, и смотрю, уже Падре, в сутане, с большим крестом, давно сидит, смотрит, улыбается сквозь очки, девушка – гид с ним

рядом. Я этой девушке делаю знак глазами, дескать, мне заканчивать?.

Она подошла, сама в некотором недоумении, и произнесла фразу, которую я запомнил:

– Падре отменил молитву. Продолжайте музыку.

Вместо сорока минут они сидели полтора часа, закончили ужин, повернулись к сцене как на концерте, аплодировали. В самом конце подошли трое человек, спросили – может быть у вас есть что то итальянское? Естественно итальянское у меня было, и достаточно, но я сразу решил не петь на итальянском, потому что я его не знаю, а имитирую, в отличие от английского. Но раз попросили, надо было петь, что то спел, все вежливо похлопали, но когда произнёс первое итальянское слово, каким то угловым зрением заметил, что одна женщина еле заметно прыснула смешком в кулак.

Серёга Паригин звонил время от времени, дескать надо собираться, начинать играть, народ спрашивает. Хотя было непонятно, где он, этот народ собирается, в каком месте.

Летом я был поглощён строительством мастерской, на участке на даче. Вместе с местными дружбанами Геной и Василием. Продолжал открывать для себя новые познания и навыки. Мне нравилось думать, что наверное отец и дед смотрят на меня. Когда много лет назад отец строил дом в саду, я, будучи подростком, практически не помогал ему, мне, занятому дворовыми гитарными экзерсисами, было не до этого, и он ни тогда, ни после не высказал мало мальской

претензии, по этому поводу меня время от времени посещали и посещают угрызения. Поэтому в своём столярничестве, кроме всего прочего, я ещё и словно видел возможность что то доказать отцу, после времени.

Многие знакомые были просто уверены, что я начну бегом строгать, электрогитары, но тогда мои столярные приоритеты пребывали совсем в другой плоскости. Про гитары, и всё, что с этим связано, помыслов и близко не было. Сарай под мастерскую успешно построили, наступила осень, и инициативная группа Домика Петра затеяла мероприятие в Рекорде, с участием групп – бывших резидентов клуба. Мы собрались на репу в нн, у Серёги на базе. С Георгием на органе. Лёше я конечно позвонил, с его стороны никаких недомолвок не было, наоборот, было встречное предложение сыграть в каком то новом музыкальном ресторане, на его открытии где то в начале декабря. Он там был арт – директором.

Почти весь старый материал сыграли на репе сразу в один проход, было приятно опять находиться в компании с людьми, с которыми столько пройдено. Новый материал не было возможности вообще собираться делать. За сто километров ездить на репетиции уже просто никто не собирался. Да и в голове никакого нового материала не было. В помещении Джем Престижа теперь открылся паб Jamboree, там рулил Леха Скулов, ещё в Домике Петра был барменом. Обещал постоянную музыкальную работу, в ротации естественно, то есть не чаще чем раз в месяц. Оно бы и ладно, воз-

можно было существовать типа в формате хобби, но если бы не петь. Инструменталисту можно притвориться, вокалисту сложнее. Сразу видно, хочет он петь, или делает вид. Говорят, музыкант не тот, кто может играть, а тот, кто не может не играть. Эти песни давно были изжиты во мне, я их могу и не петь.

Сыграли в Рекорде. Словно бы и не было перерыва. Reunion состоялся. Примерно на два с половиной года. Играли в Jamboree. Летом опять open air Меры, опять втроём. И не могу больше вспомнить какие то значимые события, связанные с блюз – рок бэндом. Пение получалось как кот за хвост, я это понимал, но было невозможно всё это прожить по новой. У Серёги появился параллельный, точнее основной проект Неодрама. А в октябре 2012-го года я поехал на свой первый сольный концерт в качестве вокалиста с оркестром Jazz Professional Big Band Александра Дубровского в Ногинск.

2012 – 2014

За все эти годы ресторанных песнопений, лет 5 уже, я настолько проникся этим, что мной начала овладевать идея сменить амплуа.

Года за два до начала сотрудничества с Jazz Professional Big Band я конкретно запал на крунинг и погружался всё больше в тему. Крунинг – специальное название жанра, мужского вокала в джазе, преимущественно с оркестром. Наиболее яркие представители Фрэнк Синатра, Тони Беннет, Нат Кинг Коул и др. Из современных Майкл Бубле. Ещё в начале лета я написал Александру Дубровскому, с которым когда то в 86-м пересекались в ММК, но не познакомились, об этом предложении. И уж если быть до конца точным, то надо сказать, что ещё за год до этого я ездил на прослушивание и потом на репетицию в Оркестр Лундстрема. Репетиция проходила следующим образом. Принесли ноты мужского вокального репертуара, Борис Фрумкин берёт из стопы пьесу, спрашивает меня:

– I've Got You Under My Skin?

я отвечаю:

– Да,

он, оборачиваясь к оркестру:

– I've Got You Under My Skin!

музыканты открывают ноты, он даёт счёт, скорректировав со мной темп, оркестр играет, я пою от начала до конца, насквозь,

– Night And Day?

Да,

– Night And Day!

– The Lady Is A Tramp?

– Да,

– The Lady Is A Tramp!

– They Can't Take That Away From Me?

– Да,

– They Can't Take That Away From Me!

Синатровские аранжировки, хрестоматия. За всё время репетиции больше никто никаких реплик вслух не произносил. Минут 30 – 40. Вещей десять. Полноценный сет. На этом всё закончилось. А Александр Дубровский охотно поддержал моё предложение, мы начали работать по отбору репертуара. И параллельно всё лето в Пустыни я вообще не закрывал рот, помратил весь наш дачный посёлок своими песнопения под оркестровые минуса.

Примерно за полгода до этого я позвонил Володе Комарову, который опять открыл Джем Престиж, напротив Jamboree, то есть своей исторической локации. Только теперь там рулил Олег Мараш, и направленность была более джазовая. Кроме этого Комаров играл практически со всеми джазменами на барабанах и знал абсолютно всех. Ему тоже

идея понравилась, и он сказал, что соберёт состав.

С оркестром репетиции проходили похоже на вышеописанную, по музицированию, по общей атмосфере гораздо проще и веселее. У оркестра была хорошая база, целый отсек в районном ДК, постройки 50-х годов. Просторная репетиционная комната – зал, подобие аппаратной студии, административный кабинет, складские пространства для костюмов и аппарата. Наверное за две репетиции собрали вещей шестнадцать, и в конце октября устроили премьеру. Дальше определяли дату концерта, я приезжал, допустим в Дмитров или Электросталь, столичный клуб Эссе, отыгрывали концерт и разъезжались.

Этот оркестр муниципальный, все музыканты на ставках, в основном москвичи, которым нужна постоянная работа с записью в трудовой. Очень мне понравилось петь впереди оркестра, новые ощущения, совсем новые навыки. Естественно в то время я не переставал слушать Синатру и пытался понять, в чём его секрет. При прочих достаточно средних исходных, диапазон и тембр, если их рассматривать отдельно, у Беннета и Коула богаче. У Синатры же невероятно подчёркнутая подача текста, практически агрессивная артикуляция, он вкладывает фразы в ухо слушателя как патрон в затвор, или, как прочитал в отзыве одной слушательницы, кажется, он лично мне на ухо поёт, думается, во многом это отличает его от себе подобных. И ещё подумал, что секрет заключается в его гипер уверенности и в невероятной

внутренней силе, в харизме. Вокалист отличается от других музыкантов тем, что ему не за что спрятаться, стоит ему открыть рот, всем становится ясно, кто он. Каков его интеллект, и совсем не в плане прочитанных книг, его внутренний мир.

Позвонил Вова Комаров, сказал, что можно приезжать на репетицию, к нему в бывший Золотой кот, в соседнем доме с новым Джем Престижем. На джаз я готов был ехать хоть в Нижний, хоть куда, как вы уже поняли. Собрались, заодно и познакомились, Сергей Банников – ф-но, Макс Челомин – альт сакс, Кирилл Селезнёв – бас гитара, Владимир Комаров – барабаны. Была уже известна дата первого выступления в Jamboree. 25 февраля 2012-го.

Молодые нижегородские джазмены были весьма мастеровиты, искушены в материале, эрудированы, играли сходу, для начала это и было нужно, просто сыграть по гармонии, типа в формате сейшна, без какой либо аранжировки. В таком ключе программу сделали быстро.

И сыграли весьма убедительно, за исключением меня. Я был неубедителен. С оркестром было по другому. В малом составе подавать в другом ключе нужно. Сам пока не понимал, в каком. Хорошо, что народу было мало. Пришли Мараш с Сашей Гречухиным. Олег с предложением выступать в Джете, Саша с предложением своих услуг, причём как гитариста, так и потом басиста. С басистами пошла некая чехарда, играл и Макс Рыбаков, потом Коля Бечин. Последний

заканчивал консу и раздумывал, ехать ли ему по программе в Арзамас. Потом серьёзно советовался, как быть с их на тот момент постоянным (года три) проектом, если он переедет в Арзу, придётся с ним завязывать. Я ему много мог рассказать о постоянных проектах, практически всё это читиво об этом, но не стал брать на себя такую ответственность, посоветовал взглянуть на ситуацию как бы со стороны, сопоставить объективно приобретения и потери, в таком духе.

Николай стал основным басистом, Гречухин занял место гитариста. Мозговой центр был Серёга Банников. Играли два – три раза в месяц в Джеме. Несколько раз ездили в загородный отель Велес, во Владимирской области. Тихой зимней ночью возвращались оттуда, я был за рулём своего Пассата, Саша Гречухин сидел рядом и рассказывал мне свою историю. Поразительную историю своей эмиграции в Швейцарию в начале 90-х, вполне благополучную семейную и музыкальную жизнь там, и в итоге реэмиграцию обратно в Россию. Передавать конечно её здесь просто неприемлемо.

Володя Комаров был очень неплох на барабанах, в плане чувства свинга, и вообще грува, босса – нова, самба, всё умел, обладал стилевой чуйкой и накатывал очень комфортно. Был весьма эрудирован и знал практически все ходовые стандарты. Единственный его минус, который не позволял ему играть в составах, играющих оригинальные аранжировки, это его память. Он не запоминал форму, начинал теряться, суетиться, что нервировало и в итоге вело к косякам.

А мы уже созрели, чтобы делать оригинальные версии. В это время к нам в школу стал захаживать Валентин Баринов, барабанщик, когда – то учился у Игоря Калинина, играл в ученических составах Стаса Курикова, потом где – то в Москве, приехал обратно насовсем. Парень был абсолютно помешан на драмминге, и природой в этом смысле одарен. Dave Weckle и Vinnie Colaiuta в одном лице. Virtuозность его зашкаливала и временами граничила с цирковыми трюками, шокировать публику которыми, он не упускал возможности. Я ему показал наше видео, и будучи любознательным, даже жадным на новое и склонным к постоянному развитию, Валёк заинтересовался и выказал готовность участвовать. Хотя территория была абсолютно ему неизвестна.

Тем временем попутно Коля Бечин влился в арзамасское сообщество, играл всё и со всеми. Он поддержал эту идею, и предварительно мы втроём начали накатывать Валентина в школе. Конкретно по плей листу.

Состоялся разговор с Володей. Естественно я отлично понимал, что проект образовался во многом благодаря ему. Да, систематическое решение кадровых вопросов это неотъемлемая часть работы бэндлидера. Все неудобные, непростые разговоры ведёт именно он. Конечно Вова воспринял это решение без восторга, с другой стороны согласился, что возразить ему нечем, он отлично знал все свои изъяны. Разумеется остались в прекрасных отношениях, и я ему за многое благодарен.

Поехали первый раз играть с новым барабанщиком. Думаю, что этот вечер он запомнил, как я запомнил ту первую свою халтуру в ТУ #16 с Тюриным. Только ещё жёстче. То есть всё, что он к этому моменту умел, весь объём его техники оказался не нужен, а нужным оказалось совсем другое. Мы возвращались домой вдвоём, парень был просто подавлен и чуть не плакал. Теперь он вспоминает об этом с улыбкой.

Следующую репу решено было проводить в полном составе. Первое, что сказал ему Саша Гречухин:

“Ты пришёл в джазовый состав. Отныне забудь всё, что ты умеешь. Вся твоя техника должна сосредоточиться в одной правой руке, которая держит метр. Если это происходит правильно, то уже достаточно, чтоб бэнд играл и взаимодействовал. Можно обойтись без остального. Остальное ты можешь добавлять тогда, когда правая рука будет работать убедительно”.

И постепенно, достаточно быстро всё начало приходить в норму. Дело пошло. Звучание в целом стало интереснее, как бы прогрессивнее, и аранжировки пошли нетривиальные.

Летом 2013-го мы с Мариной полетели в Варшаву, участвовать вокальном конкурсе VOX – 2013. Непосредственно он проходил Островце Свентокшисском, нам обоим там обещали приём, размещение, питание. Мы подумали, почему бы не съездить, посмотреть Варшаву, развеяться. Посмотрели, попели, я исполнял известный мировой хит That's Life,

версию Майкла Бубле, получил ещё и приз – ноутбук. Состав участников был в основном польский, должен был быть вокалист из Великобритании, видимо в последний момент что то не срослось, ещё из Австрии вроде певица была. По уровню тоже разные, были известные в Польше, Анна Маруха например. После того, как все спели по разу, человек тридцать, жюри отобрало пять, потом мы пятеро спели ещё по разу и стали победителями. Всё проходило на шикарнейшей новой летней сцене парка, со множеством подсобных помещений, с продуманной системой транспортировки и подъёма оборудования лифтом на сцену, шикарный звук и свет, само собой. Варшава очень понравилась. Особенно жеберка, жареные свиные рёбрышки, ещё прикольная рюмочная на Новом Святе 10 Злотых, где всё, что предлагалось, стоило 10 злотых, рюмка водки, кружка пива, бокал вина, все закуски тоже. Очень демократичное шумное кафе, люди в основном стоят, многие заходят на пять минут. Получилось также и посмотреть глубинку, из Варшавы до Островца часа четыре на рейсовом автобусе. Гламурного мало, как и у нас. Там жили в добротном деревенском доме, вместе с директором мероприятия, Здиславом и известным польским бардом Янушем Ващинским. Поляки ну очень хлебосольные. По крайней мере судя по хозяйке дома, пани Малгожате, которая накрывала такой завтрак, что от количества еды становилось дурно, яичница, гора сосисок, сыров, выпечка, творог, чай они пьют не после еды, а в процессе, начиная с него. В оби-

ходе между собой женщины добавляют к имени суффикс -к-, Агатка, Малгожатка, Беатка и тд. Польское ласковое обращение к женщине – “жабка”, на самом деле.

Ещё из случаев, когда моей жене предоставлялась возможность погреться в лучах славы, вспоминается поездка на теплоходе по маршруту Нижний Новгород – Ростов. Теплоход полностью зафрахтовали финны, пенсионеры, средний возраст 70 лет, двести человек. Финские пенсионеры, может кому то будет полезно, танцуют только парные танцы, из всех парных танцев, они знают только три – вальс, фокстрот, танго. Стояло чудесное бабье лето, невероятной красоты виды, красивейшие города, Казань, Самара, Саратов, Волгоград, фасадные виды с реки которых конечно не сравнятся с поистине столичным фасадом Нижнего Новгорода. В музыкальной команде был также великолепный скрипач из Дзержинска Сергей Кованов, тоже с дамой и пианист из Санкт-Петербурга. Приятный мужчина, работающий всю навигацию, с апреля по октябрь, соответственно без дамы. Оказывается есть целый пласт “теплоходных” музыкантов, как правило одиноких мужчин, по полгода живущих на теплоходах. Причинно следственная связь здесь не вполне ясна, то ли они стали одинокими, потому что теплоходные, то ли они стали теплоходными, потому что одинокие.

Конечный пункт теплохода был Старочекасск, под Ростовом. Оттуда мы на такси вчетвером, с дзержинской парой доехали до Ростова, там полдня погуляли и сели в поезд до

Нижного, через Арзамас. Но история не закончилась.

Прошёл примерно месяц. Обычное утро, жена собирается на работу, вызывает такси. Все конторы заняты, машин свободных нет, как это часто бывает. Начинается нервяк. Вытряхивает из сумочки все карточки с телефонами такси, безрезультатно, то машин нет, то занято. Берет очередную карточку, набирает:

– Да, такси, слушаю,

– Девушка, машины есть?

– Да да, говорите адрес,

– Улица Куликова..

– Минуточку...

– Девушка, можно побыстрее, мне некогда!

– Минуточку, минуточку..

– Девушка, сколько вы будете там думать, я теряю время, вы понимаете!

– ...женщина, я конечно извиняюсь, ...но у нас нет улицы Куликова...

– Чтооо!!, вы что думаете я с ума сошла?!!, как нет улицы, высылайте машину, чем быстрее тем лучше для вас !!

– ... женщина, а вы из какого города звоните?...

– Что значит из какого города!!, вы за кого меня принимаете!!, естественно Арзамас!!

– ...женщина, вы звоните в Батайск...

Нервный стресс у женщины в Арзамасе как рукой сняло.

Таким образом, непосредственно под боком, в Арзамасе, вдруг откуда не возьмись, явилась на свет незаурядная ритм секция Бечин – Баринов. Они и вдвоём могли отыграть концерт, если что. И хотя Коля Бечин не склонен был как то по цирковому солировать, в духе Виктора Вутона, слава тебе Господи, и, что мне тоже очень нравилось, не играл слэпом, он стоил половины состава, где бы не играл, один легко вытаскивал звучание и всего детского оркестра народных инструментов, и арзамасскую панк группу, где играть тоже считал очень нужным для себя. Легко варьировал грув, уплотнял, расширял, играл как дышал. Всё это пишется в прошедшем времени, естественно, потому что речь идёт о времени, когда эта ритм секция появилась, 2013-й.

Сейчас вот не могу точно припомнить, с чего началась “Старая пластинка”. Есть смутные предположения, что идея проекта возникла в разговоре с Олегом Антошиным. Во время очередного перекура в школе. Кстати во время перекура в школе мы с ним могли и вообще не произнести ни слова, это никоим образом не напрягало. А тогда разговор зашёл про, что если поиграть легкий джазец, но на русском языке, советское ретро, 50 – 60-е, до эпохи ВИА, то, что легко коррелируется с джазовым звучанием. И то, что было очень близко нам обоим, заставшим эту музыку в радио эфирах и на пластинках, музыка наших родителей. Особой удачей, и определяющим фактором стало присутствие рядом, здесь же

в школе, блистательного баяниста, Евгения Суслова. Ещё ранее они с Олегом уже практиковали совместное музицирование в приджазованном ключе, где Женя показал себя как очень вкусный импровизатор, при тонком понимании стиля.

И опять пазлы сошлись. Морозов – вокал, Суслов – баян, Антошин – гитара, Бечин – бас, Баринов – барабаны. Был конец 2013-го, но дата первого выступления проекта “Старая пластинка” была известна, 6 марта 2014, г. Саров, Драмтеатр.

Да, задумка была чтобы представить этот материал, как часть мировой музыки того времени, по сути так оно и было. И нам хотелось, эти параллели и музыкальные ассоциации показать. И представить советские ретро темы, по возможности, как джазовые стандарты. Например, песня Рашида Бейбутова “Только у любимой” сразу у меня в голове легла на такой пульсирующий фанк, отдалённо напоминающий Senog Blues Хораса Сильвера. До кучи Антошин, радикально предложил гармонию второй части куплета пересмотреть и сыграть всё на семёрках: D7 G7 I C7 F7 I H7 E7 I Am I. Надстройки там можно варьировать. Таких вот экспериментов было много, и репетиции походили на творческие лаборатории. Генератором идей по большей части был Олег, он распечатывал гармонии, по поводу которых часто у них возникали пикировки с Сусловым, и в этих спорах, особенно при подключении Бечина, рождался результат.

Премьера состоялась сразу на представительной концерт-

ной площадке, было волнительно. Но всё сложилось. Проект начал свою жизнь. Дальше городской департамент культуры предложил сделать ежегодный городской торжественный концерт ко Дню Победы на основе только нашего проекта. И даже ещё экстремальнее. Если раньше на этих концертах пели все лучшие городские вокалисты, то теперь всё должен был петь я один. Обстоятельно беседовали с режиссером Светланой Шановой, пытался отбрыкиваться так и сяк, почему то она настаивала на одном вокале, включая финальную песню “День Победы”. С другой стороны, подобные эксперименты над собой не вредят, а наоборот, любой опыт, это опыт, а опыт это единственное, чего нельзя купить.

В основе литературно музыкальной постановки был “Василий Тёркин” Твардовского. На сцене стояли декорации, было пространство для действия, по центру, но глубже размещался живой бэнд с вокалистом, недекорированный, как бы вне времени. Песни были в саундтреке самые что ни на есть шедевральные: Дунайские волны, Давай закурим, Отчего ты спросишь, Севастопольский вальс, Партизанская борода, Путь дорожка фронтовая, Горит свечи огарочек, Если хочешь приди, С боем взяли мы Орёл, Под звёздами Балканскими, День Победы. Работали с удовольствием и с увлечением. Материал был невероятно интересный. И работа на самом концерте требовала невероятной концентрации. В итоге всё прошло замечательно. Зал был полный, принимали великолепно, с первой песни. Если говорить о замечаниях,

то могу сказать, некоторые песни я передавал, от волнения давал напора больше чем надо и чем это было на репетиции, от этого несколько потерялся тембр, которого и так нет. Два – три дня не отпускало, все проживал снова, не мог отойти от того общего состояния.

Затем было выступление на стадионе на День города. После нас хедлайнерами выступали Белорусские Песняры. Они очень внимательно нас слушали, потом сказали – какая интересная подача, очень оригинально, свежо, высокопрофессионально.

17 августа 2014-го не стало Олега Антошина. При невыясненных обстоятельствах. Ночью упал головой об асфальт. Три дня в коме. Потом ушёл. Человек, который уходит от нас, не умирает. Он ждёт нас там. Его сознание живо, как сон. Сон, который не кончается. Потому что не наступает пробуждения. Я это понял, ещё когда уходила мама, в присутствии сестры, в течение недели. В этом последнем бесконечном сне, по сути наяву, потому что во сне мы не знаем, что это сон, человек опять живёт, снова встречается с близкими, с друзьями, может и с недругами, помыслы его и поступки как на ладони, открыты для всех, ничего невозможно скрыть, и всем понятно, кто есть кто. С этим он и остаётся. Одному Господу ведомо, кому когда с кем суждено встретиться. Так что, когда-то увидимся, Олег Антошин, Серёга Россов, Толик Гусев, Виктор Иваныч, Владик Воронин, Андрей Евдокимов, Рома Гегарт, Саша Шишкин, Сла-

ва Уланов, Коля Арутюнов, Hannjo Saenze, Серёга Лебедев, Раф Губайдуллин, Дима Трифонов, Саша Ксенофонов, Андрей Воронин, Серёга Таланов, Гена Осипов, Женя Плешаков, и все все. Увидимся, когда бог даст, братья, и обнимемся.

2015 – 2020

Жизнь продолжалась. Гитару в Пластинке пришлось брать в руки, естественно, самому. Программу восстановили и стали практиковать нечастые выступления, в Джем Престиже, в Иван-Чайной, в Мьюзик Холле. На грани рентабельности, так сказать. Если быть до конца откровенным, лично я не был вполне органичен в этой теме как вокалист. Потому что не эстраден сам по себе, не энтертейнер. Поэтому хоть песни и отбирал в плейлист очень придирчиво, тем не менее, время от времени всё равно ощущал себя не в своей тарелке. Публика зачастую не видела ту музыкальную идею, на которой изначально строилась программа, а просто слушала знакомые мелодии, я же воспроизводить ретро песни, словно на дружеской вечеринке, как то не был расположен. Даже иногда посещала отдалённая мысль об отдельном вокалисте, но такого какой меня бы устроил полностью, на горизонте не видел, и главное особой востребованности не было.

И вот кстати вопрос на засыпку. Много ли сегодня мужчин 40 – 45 лет помнят текст песни “Просто я работаю волшебником” Льва Ошанина, на музыку Эдуарда Колмановского, из репертуара Марка Бернеса? Опрос проводить не будем. Там есть такая строчка: Хочешь, некрасивую тебя, сделаю как Золушку красивой. Может быть я, конечно, и

неправ, но я изменил строку, представив, что пою это в маленьком клубе. Изменил следующим образом: Хочешь я, красивую тебя, сделаю как Золушку счастливой. После концерта подошёл молодой мужчина, который был на концерте со спутницей, подошёл с легкой претензией, как мол это вы так. Все были просто в шоке, какие подготовленные слушатели приходят.

Спустя какое-то время давали Старую Пластинку в Рекорде, можно сказать, в филармоническом ключе концерта - лекции, с великолепным конферансом, повествованием Светы Кукиной. Наверное это была идеальная подача программы.

У меня на горизонте маячила круглая дата, которая явилась хорошим поводом пригласить JP Big Band в Арзамас, с нашей совместной программой, и включить также в концерт Старую Пластинку. И та и другая программа была готова, дело было только за административными вопросами, за рекламой и за устройством after – party, устройтельницей последней явилась, думаю, уже все догадались, кто. Под концерт сняли ДК Ритм. Под плебисцит Золотой лев. Дату назначили 3 апреля 2015.

Настоящего классического биг бэнда, а это очень строгий набор духовых – пять саксофонов, четыре тромбона, четыре – пять труб, плюс ритм – секция, в Арзамасе лично я не помню. Это далеко не духовой оркестр, это другой набор инструментов. Помню у Валерия Дубинкина был похожий состав, но далеко не полный. Соответственно этот жанр в полном

объёме и чистоте никогда не звучал. Жанр респектабельный, сценически импозантный, двадцать джентельменов на сцене, плюс одна девушка. По музыке тоже всё очень представительно, этот репертуар называется Great American Songbook. Классика мировой эстрады, 30-х – 70-х примерно.

Бэнд приехал, целый автобус, жена встретила, накормила в предварительно заказанном кафе, в это время мы чекались с Пластинкой. Нам времени много не надо было. Затем приступили к отстройке оркестра. Гости оценили работу Ильи Гуревича, в чём лично я и не сомневался. Для неискущённого зрителя всё было диковинно. Сам вид оркестра, фигура дирижёра, его взаимодействие с оркестром, с вокалистом, что главный тут не вокалист, а сам оркестр и тд и тп.

Последний номер в первом блоке оркестра и первый номер в его втором блоке были инструментальные, Count Bubba и In The Mood, между ними блок Старая пластинка, два инструментальных промежутка, чтоб вокалист за весь концерт мог набрать воздуха. Вёл концерт я сам, после первого номера, The Lady Is A Tramp, ввёл в курс дела аудиторию, что будет происходить, кто, что, зачем, почему и тд, дальше только объявлял названия композиций. Программа покатила легче и легче, пошла Старая Пластинка – Сколько видано, Необыкновенные глаза, Морзянка, Бирюсинка, Ходит песенка по кругу, – на контрасте, и по звучанию, и по музыке, в целом по эстетике. По исполнительскому уровню это было так же высоко и убедительно, где то может

быть более понятно местной аудитории. А уже когда дошло до барабанного соло, публика была уже заведена. И снова оркестр, по которому уже соскучились, убойный инструментальный номер, затем с вокалом хит Бон Джови It's My Life, биг бендовая версия Пола Анка, затем 15-ти минутный Everyday I Have The Blues, где солируют, выходя на авансцену все по очереди, и каждое соло заканчивается аплодисментами. В финале, естественно, синатровская My Way, потом неожиданно поздравления Татьяны Митрофановны от департамента культуры, потом вышел тот самый, кто в 7 лет сбил меня с понталыку, и вместо музыки с кем пустились осваивать город, само собой никаких поздравлений и в помине предусмотрено сценарием не было, потом на бис Sway, потом перемещение в Золотой лев.

Плебисцит и братания я описывать не буду, у Марины это плохо не бывает, всё под контролем, не забалуешь, скажу только, что тут же в зале стоял комплект привезённого аппарата. Подкрепившись чем бог послал, музыканты кинулись к инструментам, как будто год не играли. Финальной картинкой осталось, как Рыбин с Ксенофонтовым стоят в обнимку перед микрофоном и поют Летящей походкой, под живой аккомпанемент.

*****

Далее начался полномасштабно период Allman Brothers

Band.

Не устаю благодарить Творца за то, что он постоянно даёт мне возможность делать для себя новые открытия. Когда я уже решил, что в общем и целом знаю о рок – музыке много, на шестом десятке он предлагает мне то, что показывает, что ты ещё ничего не знаешь, что может быть, каким может быть рок – музицирование.

Тот концерт АBB 2003-го в Beacon Theatre, с того момента, как он у меня появился, где то в 2009-м, я смотрел с периодичностью геометрической прогрессии. Начиная с одного раза в год, и заканчивая тремя просмотрами в день. Естественно потом и другие их концерты, поначалу в последнем составе, затем во всех остальных. Лично мои ощущения. Считаю, что в мире больше аналогов нет. Пробовал искать. И логического понимания и объяснения, как это сделано, а главное, как это было придумано, у меня тоже нет. Кто-то скажет, мало ли в роке диковинного. Это всё не об этом. С тем же, к примеру, арт – роком, где, скажем так, диковинность является целью, сопоставлять это не нужно, это слишком разное, разные непересекающиеся орбиты. У Оллманов нет задач придумать неожиданные гармонии, сложные ритмы, поразить слушателя каскадами ярких музыкальных событий, наоборот, всё происходит словно бы само, стихийно. Это может быть одноаккордовое пространство и его неторопливое но неуклонное, постоянно раскручивающееся подробное развитие, от легких наигрышей, до невысказанной вы-

соты и экспрессии апогея. В этот водоворот, как в воронку постепенно втягиваются и всё активнее и активнее участвуют все исполнители, практически нет солистов и аккомпаниаторов, просто кто-то в определённый момент оказывается впереди, на поверхности, чтоб потом на его место стихия выбросила другого. Оба гитариста из последнего призыва, Хайнс и Тракс безусловно блестящи, но те, кто замутили эту историю в 69-м году, Дюан Оллман и Дики Беттс, просто гении, потому что, во первых, они это придумали, во вторых, логика их музыкальной мысли непостижима. И вот парадоксальная мысль пришла в голову. Если бы сначала я услышал что то их раннее, не факт, что зацепило бы. Ибо тот ранний Оллмановский гитаризм и для меня лично, и для общепринятого вкуса не был привлекателен, потому что был слишком первозданен, глубоко, вот Антошин его бы заценил. Эта гитарная мысль была сырая, на первый взгляд непродвинутая. Только после того, как я сначала переслушал их современные работы, и меня приплющило всей этой массой, тогда и первые альбомы раскрылись во всей глубине, и гитарная философия основателей стала доходить до моего восприятия.

Впрочем гитарная составляющая Allman Brothers, соответственно, является лишь частью общей концепции, философии, идеи, которую, как мне видится, во многом определяет, несёт и выдаёт Грегг Оллман. Именно он находится на острие повествования, которое ведут инструменталисты.

Мне представляется, эта его миссия стала ещё более полной и значимой, после того как из трёх фронтменов основателей остался он один. Такова трагическая фатальность всей истории группы. Плюс к этому, тыл команды, барабанщики, находятся как бы в прочной исторической ментальной связке с фронтменом, являясь наряду с ним краеугольными основаниями всего здания. Трагическим свидетельством этого может являться почти одновременный уход двух столпов, Бутч Тракс, за ним Грегг Оллман. Великая история закончилась. Их наследие живо, более того, с годами будет только актуальнее, и интерес к нему будет только возрастать.

Все эти размышления не оставляли выбора. Тем более при наличии рядом такой ритм – секции, способной на многое. Но начать решили со старого джемовского материала, чтобы как то запуститься, с тем, что есть. И вот что становилось очевидным постепенно. Что не весь старый материал одинаково полезен, и даже больше бесполезен, это раз. И то, что при игре втроём музыки больше, чем вчетвером, это два. Больше музыки, потому что троим надо делать больше телодвижений, чем четверым. И новой блюз-роковой ритм секции, словно норовистым скакунам, бившим копытами в нетерпении, казалось, только этого и надо. Барабанщика вообще необходимо было держать в узде, чтоб не наворочал лишнего.

Первое выступление случилось в Подземке, благодаря Та-

не Лабудь, которая просто не давала покоя осенью 2015, давай дату, когда уже, скорее, давай. Первый блин был как всегда. Сырой, формы не наработанные, на соплях. Но по любому это надо было сделать. Народ не пришёл. Место было далеко не центровое, совсем нетусовочное. Но в целом я был рад, что дело пошло. Начали репать чаще, искать звучание, подходы к аранжировкам, новые вещи, которые уже строились именно для трио. Дело в том, что я начал понимать потенциал трио вообще и потенциал конкретно этого состава, главное было подобрать правильные композиции, в которых бы этот потенциал раскрылся. Естественно Allman Brothers стали настольной музыкой, и необязательно в связи с выбором в плейлист, а как некий гипотетический общий ориентир.

Года через три концертный плейлист оказался обновлён примерно на 80%, и да, моя навязчивая идея об избавлении от дансинга в репертуаре полностью реализовалась. Я видел, что люди с интересом слушают, и меня не напрягает, что не танцуют, а наоборот нравится это. Радовало то, что появляется новый слушатель, молодые люди, и не только молодые, которые идут не тусить под музыку, а именно слушать группу. Да, какая то часть старых завсегдатаев исчезла, и можно было сделать вывод, что этим людям важна была не столько музыка, сколько то, что было вокруг неё, те ассоциации, которые она вызывала в их памяти. Часть людей просто вошла в возраст более закрытый, домашний. Мы чаще стали

играть в концертных залах, небольших и побольше, и это было в кайф. В старом составе я чувствовал себя в зале весьма напряжно. Подавляющее большинство нового материала было так или иначе связано с Allman Brothers Band, и стандарты в их подаче, One Way Out, Woman Across The River, Southbound, и авторские вещи, Black Hearted Woman, Every Hungry Woman. Хотя самым первым показательным опытом серьёзной нашей работы в трио можно считать Manic Depression Хендрикса.

А вслед за Оллманами появился интерес к их сайд – проекту Gov't Mule, особенно к той части, где была приложена рука басиста Аллена Вуди. С кайфом и азартом делали Bad Little Doggie и особенно Thorazine Shuffle. Последнюю предложил Коля, играть на басу один рифф в течение 10 минут, я даже и боялся заикнуться, но он увидел в этом особую внутреннюю загрузку, да и есть там не риффовые куски. Если с Колькой мы были абсолютно на одной ментальной волне, и по музыке, и по другим аспектам мировосприятия, то с Вальком не совпадали больше, парень тяготел к конъюнктуре, любил понты и успех у невзыскательной аудитории. В Нижнем на звуке с нами работал Серёга Паригин, что меня очень радовало, мы с ним были вместе с основания проекта в 1995-м, и через многое прошли.

*****

Параллельно с блюз – рок пауэр трио, несколько лет подряд мы участвовали в мае в городских театрализованных программах ко Дню победы. Как аккомпанирующий ансамбль лучшим вокалистам города. Составом Старой пластинки, и в разные годы приглашали дополнительно балалаечника Петра Тулякова или пианиста Сергея Сулова. Это была всегда весьма неординарная и напряжённая работа.

Прежде всего потому что в короткое время, дней за двадцать, надо было переработать большой объём материала, примерно 20 композиций, которые предлагала Светлана Шанова, исходя из тематики, найти общий подход, придумать аранжировку, наиграть, бывало, в концерте они шли нон – стопом. Бэнд компактно располагался в углу сцены, высвечивался, Илья Гуревич выстраивал добротный качественный звук, и во всём этом была достаточно сильная концепция всего действия. Таких программ, не считая Тёркина в 2014-м, было четыре, каждый год, начиная с 2016-го.

Наиболее интересной и запоминающейся, была программа, построенная на песнях Высоцкого. Когда в начале апреля стала понятна тема, и был получен список песен, лично у меня началась лёгкая паника. Поначалу подумалось, что с этими тремя – четырьмя ритмическими рисунками, исполняемыми в оригинале на акустике, сделать ничего невозможно, однако глаза боятся, руки делают. Включили весь свой общий кругозор, коллективный разум, ибо каждый из музыкантов, Сулов, Бечин, Баринов, имел огромный потен-

циал, и вносил предложения, которые становились основой для аранжировки. Просто фееричные решения были найдены. Такие убойные буги-шаффлы (Ещё не вечер, Мы вращаем землю), хард-фанки (Сыновья уходят в бой, Спасите наши души), и ещё масса всего, конечно абсолютно без стилевых самоцелей, всё подчинялось в первую очередь общей идее, речь идёт о музыкальных средствах выразительности её, работа получилась шикарная. Само собой и благодаря высочайшему исполнительскому уровню каждого.

В феврале 2020 наметили наметили блюз-роковый концерт в ДК Темп. Для меня лично это был и свой юбилей, и 25 лет проекту. Вслух я об этом не говорил, для всех это был просто концерт. Как то беспокойно было, через месяц объявят пандемию. Уже не помню, как и кто начал, но Валёк предложил пригласить в качестве гостя Сергея Гройсера на перкуссию. Я не был с ним знаком, хотя слышал много лестных отзывов как о барабанщике, и ещё знал, что с Олегом Симоновым они были близки, что тоже говорило в его пользу по взглядам. Серёга с готовностью откликнулся на предложение. Было видно, что ему это интересно, и было видно, что его отношение к работе вдумчиво, достаточно глубоко, обстоятельно. Очень приятное взаимодействие. По технике, музыкальным вкусам, всё было там, где надо.

Думаю, что тот концерт был лучшим на тот момент в моей блюз – роковой ипостаси. Само по себе трио за пять лет поднялось очень крепко. Пьесы отбирались от концерта к кон-

церту. А перкуссия высветила всё новым светом, подняла на новый уровень экспрессии и уже напрямую ассоциативно отсылала к махровости АВВ. Для меня это был рубеж и ступень, и хотя об этом я молчал, был внутри себя полностью удовлетворён, и с этой, прекрасно взятой высоты, мы все, вместе с вами, шагнули в пандемию.

2020 – 2023

И тут меня лично поджидало ещё одно, можно сказать, чудо чудное. Но предпосылки возникли примерно годом раньше. Принёс Валёк на репетицию из своего газпрома телекастер, мекс. Такой добротный настоящий, традиционный. Взял я его в руки, кручу, верчу, бренчу, а Валентин и говорит, дескать, возьми ты его домой, дома основательно распробуешь. Хорошо, взял. На тот момент у меня в наличии был один единственный страт, американец 94-го года. И чуть что, на те же ко Дню победы программы или на другие концерты в залах, когда нет возможности поменять струну, шёл я к Валентине Антошиной, и она мне выдавала мой же, в прошлом, вишнёвый страт. То есть второй инструмент был нужен позарез. Дай думаю, возьму я этот телек попеть в ресторан, попробовать. Попробовал, благо что в городе, в перерыве срочно рванул домой, за стратом. Что играть на телекастере, как оказалось, я не знал. Настолько привык к колоколу стратокастерному, что не в состоянии был что то временное изобразить телекастерным гнусом, twangu, просто не представлял. Но мысль заработала в другую сторону.

Каждый год теперь, осенью, когда начиналось межсезонье, кончался дачный период, охватывала меня ломка. За лето привыкал к столярке, к тому, что руки и голова очень

много и плотно заняты, и не мог понять, чем теперь себя увлечь долгими зимними вечерами. А долгие зимние вечера в провинции это, скажу я вам, не просто так, баран начихал, в долгие зимние вечера в провинции Александр Сергеевич всё своё лучшее написал, к примеру. Чего я только не передумал, в поисках какого то заделья размером с письменный стол. Даже мини токарные станки по металлу изучал.

“Дык вот же оно!” – однажды хлопнул я себя по лбу, глядя на этот телекастер. Надо электрогитары собирать, и разбирать, и опять собирать! Опять давай изучать вопрос. По крайней мере радовало то, что в этом-то я уж побольше разбираюсь, чем в обработке металлов резанием. Артур Дворкин прислал по моей наводке из Коламбуса с okazji страговскую тушку, которая, я думал реликтовая, на деле оказалась канадский новодел под релик, ну да ладно. Кинулся зачищать этот новодельный релик, там оказалась бракованная ольха, экземпляр неудачный, и ободрал я его бездарно, ямы получились, короче запарол, пытался покрыть шеллаком, то ли политура у меня была старая, то ли руки кривые, в общем результат получился не фонтан. Но самое главное, подумал, какого рожна вообще мне этот кусок недоразумения ехал аж из-за океана, чего тут такого, что у себя, при наличии полного комплекта эквипмента, я не могу так же испортить. Мозг закипел. Зимой поехал в Вудсток, в Сормово, закупился деревьями, по доске, яшень, ольха, клён, махагон сапеле, термояшень. Чтоб до весны ещё в квартире досохло. Замахнулся

на три стратовских тушки, с учётом этой запоротой ольхи, и две телековские. На этой убитой задумал снять сверху и снизу по пол сантиметра и положить топ и бэк термоясеновые. Остальные два чисто из ясеня и ольхи. Телек один из ясеня с топом из термоясеня, второй из махагона с топом из клёна книжкой. Телеки мне нужны были не как телеки, а как лес полы, краснуха под кленовым топом с хамбакерами, на ясеновый с эфой мыльницы, P-90.

Тут и началась пандемия. В конце марта школы перевели на дистант, собрались мы и уехали на дачу. Перво наперво необходимы были шаблоны. Чертежи скачал из инета. При дистанционной помощи знакомой девушки графического дизайнера, которая видимо прокляла день когда связалась, потому что было много правок, пока размер например кармана не получился 56 мм, в итоге распечатал все картинки в натуральный размер, каждую на нескольких листах А4. Напилил сначала тонкие шаблоны 8 мм, затем по ним отфрезеровал толстые 18мм. Дальнейшее можно сравнить с медовым месяцем. Только длилось месяца два. Всем желаю в жизни таких месяцев, а хоть бы и дней. В прямом смысле.

Всё получилось как и было задумано, только лучше, потому что держать в руках лучше, чем представлять в голове. И не пять корпусов, а шесть. Потому что прежде чем конструировать телековские, замастырил технологический, чтоб пройти техпроцесс, сосновый с дубовым топом, с пустотами внутри и с эфой. С шеллаком даже и начинать не

стал. Бесцветное масло для пола Biofa, осталось от лестницы, два раза, и после карнаубский воск, автополироль. Больше и мечтать не о чем было. Реальность превзошла все ожидания.

Без косячков конечно не обошлось, да и хьюз бы с ними, не бывает таких косяков при работе с деревом, которые бы нельзя было вылечить, даже если бы всё пополам расколосось. А уж где то во внутренних полостях фреза дёрнулась, да ради бога, зато хэндмейд. Задача была закончить всю столярку до осени, а уж потом, постепенно, долгими зимними вечерами сидеть, собирать, разбирать, опять собирать сколько душе угодно.

На сегодняшний день все пять собраны, укомплектованы, представляют из себя шикарные, не побоюсь сказать, бутиковые, вот модное слово, инструменты, говорю же , помогает мне кто-то. Ученики друг у друга из рук вырывают. Два корпуса ещё лежат, этот смешной технологический, сосна дуб, другой от фирмового американца, чёрный 94-го. Слегонца я его обшкрябал, пусть будет релик, кстати сказать, оказалось из таких отходов понаклеен, хоть святых выноси, да и в остальном не заморачиваются там, гриф в кармане болтается как карандаш в стакане, и ничего, 40 year and still rocking, как написано на некплейт, юбилейный зато.

Тот бракованный канадский отстой с топом и бэком из термоясеня стал основным у меня, с неизвестного происхождения грифом, пропеллер у которого я выправил перешлифовкой накладки, заколотил бронзовые лады джамбо, пол-

ный вперёд. Все хотелки реализованы.

Пандемия закончилась. И мы начали работать над двумя, если можно так выразиться, эпическими полотнами, Whipping Post и Jessica. Девять и семь минут, соответственно, гитарной игры, не затыкаясь. Меня просто обуяла жажда. Я не мог прожить дня, чтобы хотя бы по разу не сыграть обе вещи от начала до конца под минуса, слава богу, сейчас проблем с этим нет. Если сыграл, значит день прошёл не зря. Whipping Post минорная пентатоника, дорийский и миксолидийский. Jessica это минорная пентатоника, мажорная и миксолидийский. Загрузка от и до. Особый смысл лично для меня заключался в том, что вот когда вытащил я те самые многомесячные упражнения из далёких 87-х, и эти навыки заработали на новом витке. И да, в оригинале играют два гитариста по очереди, и пианист, наиграть я наиграл весь объём, но слушателю конечно воспринимать всё из одних рук сложнее. Зато записали постановочное видео, с живым исполнением в один дубль, дело сделано, ещё ступень взята, и ступени, похоже, не кончаются.

В самый неподходящий момент Валентин принял решение, окончательно ушёл в каверы. Перед концертом в КЦ Рекорд. Но теперь, с таким драммером как Сергей Гройсер, я вообще не возражал, всё встало на свои места. На одну волну. В Рекорде играли пополам с Оркестром Домовых, ещё одни мастодонты нижегородской сцены, был полный аншлаги.

И опять power trio, самый сложный, аскетичный и ми-

стический формат в роке, инструментальная работа которого сродни магии, полностью вырубаящей из действительности. С каких то пор я прекратил какие бы то ни было попытки играть на других территориях, и не потому, что всё труднее общаться с молодыми иногородними промоутерами. Возраст это великое достояние. С которым приходят правильные ощущения и мысли. Что играть надо то, что твоё. И неважно, кто автор. В момент исполнения между тобой и аудиторией нет никого, ты один отвечаешь за музыку и за внутренний посыл от самого себя, прямо сейчас. Что играть это надо не где-то, а здесь. Ибо там и без тебя есть, кому это играть. А здесь кроме тебя это играть некому. Как, впрочем, и продолжают работать правила, которые работали смолоду. Что попутный ветер полезен только тогда, когда поднят парус, а значит в любое время дня и ночи ты должен быть готов, и состав твой тоже должен быть готов, и если надо, не один состав, все должны быть готовы, с плейлистами хотя бы на два часа.

В сентябре ко мне в школу мама привела мальчика. Девяти лет. Их всегда приводят мамы. Эти мамы несут своих сыновей, как солдаты, преодолевая водную преграду, несут на вытянутой вверх руке оружие, оставляя его сухим, сами по горло в воде. На собеседовании этот мальчик сыграл одним большим пальцем Лестницу в небо, еще сказал, что знает блюз и сыграл фразу из четырёх нот пентатоники, с попыткой взять дабл-стоп. Я в задумчивости спросил: а что ты слу-

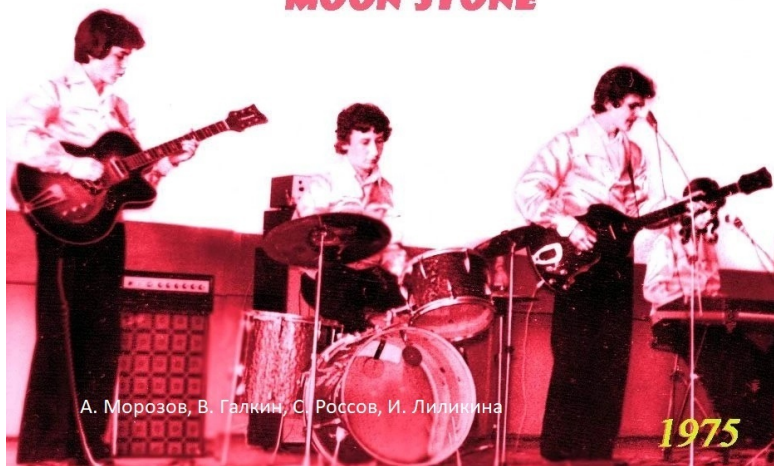

шаешь? Мальчик ответил : я слушаю Джем.

1 ноября 2023 – 22 декабря 2023.

Аланья, Москва, Арзамас.

MOON STONE

А. Морозов, В. Галкин, С. Россов, И. Лиликина

1975

Группа Виктора Тюриня 1982. Сергей Россов, Сергей Курин, Сергей Клоков,
Виктор Тюрин, Виктор Кобзев, Анатолий Морозов, Владимир Станиловский

Джем 1990. Анатолий Морозов, Владимир "Борода" Молодкин, Анатолий Гусев, Элла Приходько, Юрий Синегубкин.

J.A.M. 1996. Анатолий Морозов, Сергей Паригин, Тимур Дворкин, Александр Свистунов.

J.A.M. 1997

Свистонов, Паригин,
Морозов, Лепихин

Night Blues Action 1998. Мишурис, Петрович, Морозов,
Белинов

Самара 1999. Свистунов, Паригин, Морозов,
Лепихин, Гуревич

Блюзовый обморок 2000. Петрович и Морозов

Блюзовый обморок 2000. Лепихин,
Петрович. Лиз Владек

Блюзовый обморок 2000. Морозов,
Садиков

Блюзовый обморок
2000
Морозов, Барышев

Blues Summit 2000, Сад Эрмитаж: Пол Лэмб, Александр Братецкий, Сергей Воронов, Гия Дзагнидзе, Анатолий Морозов

Neva Delta 2003. Романюк,
Морозов, Калинин, Паригин

Jam Prestige, февраль 2002, J.A.M. Blues Rock Band, Blues Hammer Band

Dresdner Blues Fest 2003: Randy McCallister, Todd Blalock, Дмитрий Калинин, Сергей Паригин, Анатолий Морозов, Doerte Grabbert, Lazy Lester, Илья Гуревич, Hannjo Saenze, Георгий Романюк.

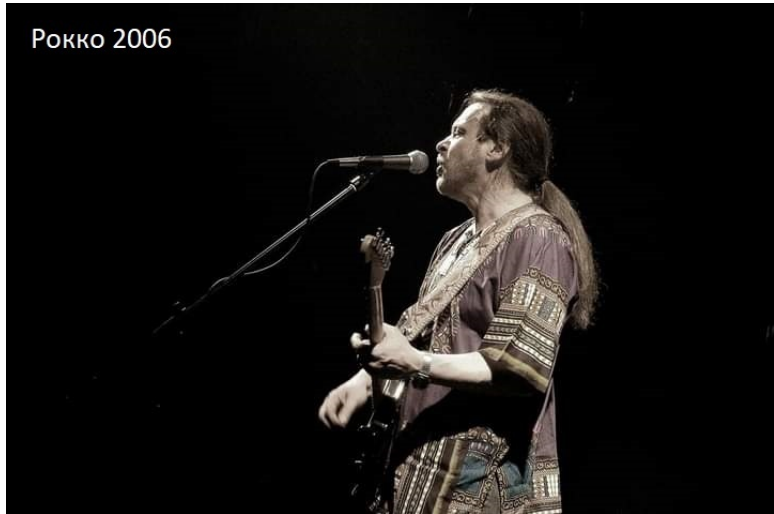

2005. Илья Гуревич, Георгий Романюк, Олег
Симонов, Сергей Паригин, Анатолий Морозов

Рокко 2006

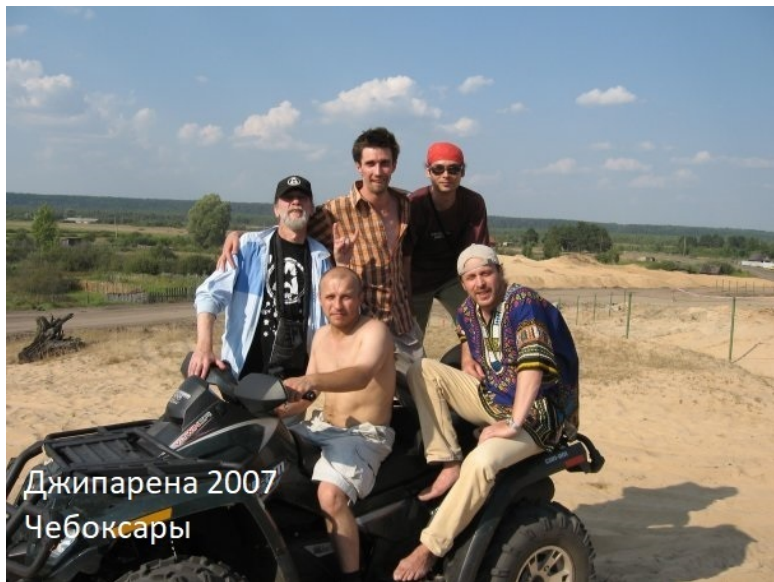

2007. Романюк, Морозов, Паригин, Симонов

Джипарена 2007
Чебоксары

Джипарена 2007
Чебоксары

Старая Пустынь 2007. Олег Симонов, Серёга
Паригин, Лёша Смирнов

Старая Пустынь 2007, Николай Иванович,
Василий Маслов, Гена Осипов

Jamboree 2010

JP Big Band Александра Дубровского 2012

Creeping Jazz Quintet 2014: Сергей Банников, Николай Бечин,
Александр Гречухин, Анатолий Морозов

Crooning Jazz Quintet 2014
А. Гречухин, А. Морозов

ДК Ритм, май 2014.

JP Big Band и Старая Пластинка. Арзамас, ДК Ритм 2015.

С Александром Дубровским. ДК Ритм, Арзамас 2015

Подземка 2015. Бечин, Морозов, Баринов

Уран 2021

КЦ Рекорд 2023. Морозов, Гройсер, Бечин

25.05
19:00

Декора

• СТАРАЯ ПЛАСТИНКА •

популярные советские песни 50-60-х годов

Славная история
Морозика
В ак пролетарской революции
Песенка от Родимкиной заставила
•
Та же посылка
Ходит посылка по кругу
В городском саду
ж други

Анатолий Морозов - гитара, вокал
Евгений Суслов - баян
Николай Бечин - бас-гитара
Валентин Баринов - барабаны

ВХОД 300р.
Для пенсионеров
и инвалидов скидка 50%.

КВАРТЕТ АНАТОЛИЯ МОРОЗОВА

РОССИЯ

NN

Культурный центр

Сфера

«Звезда»

Культурный центр

lect Show

419-47-16 (КАССА) | 428-99-99 KASSIR.RU

ИДЕМ НА РЕКОРД!
record-cult.ru

J.A.M.

АНАТОЛИЙ МОРОЗОВ ГИТАРА, ВОКАЛ

НИКОЛАЙ БЕЧИН БАС-ГИТАРА

J.A.M. BLUES-ROCK BAND

ВАЛЕНТИН БАРИНОВ БАРАБАНЫ

СЕРГЕЙ ГРОЙСЕР ПЕРКУССИЯ

BLUES ROCK
J.A.M.
1995
POWER TRIO

НИКОЛАЙ БЕЧИН
БАС-ГИТАРА

АНАТОЛИЙ МОРОЗОВ
ГИТАРА, ВОКАЛ

СЕРГЕЙ ГРОЙСЕР
БАРАБАНЫ

